

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Молодцов Кирилл Валентинович

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ
СТРАТЕГИЙ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ
КОМПАНИЙ НА РЫНКЕ НЕФТИ И
НЕФТЕПРОДУКТОВ СТРАН АФРИКИ

5.2.5. Мировая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:

Селезнев Павел Сергеевич,
доктор политических наук, доцент

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретико-методологические основы и современное состояние инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в странах Африки	17
1.1 Теоретико-методологические основы выработки инвестиционных стратегий и путей их совершенствования	17
1.2 Эволюция стратегий инвестирования в нефтяной сектор Африки – западный, китайский и российский подходы	32
1.3 Инвестиционные стратегии российских энергетических компаний на рынке нефти и нефтепродуктов стран Африки на современном этапе	42
Глава 2 Анализ влияния глобальных и макрорегиональных трендов на развитие рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки.....	62
2.1 Анализ макрорегиональных трендов развития рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки.....	62
2.2 Взаимосвязь между глобальными, макрорегиональными и страновыми трендами развития рынка нефти и нефтепродуктов Африки ..	73
Глава 3 Оптимизация механизмов инвестиционных стратегий российских энергетических компаний на рынке нефти и нефтепродуктов стран Африки с учетом факторов внешней среды.....	99
3.1 Факторы внешней среды для инвестиций российских нефтяных компаний в Африке. Риски и возможности	99
3.2 Обеспечение благоприятной внешней среды для российских нефтяных компаний в странах Африки: путь к устойчивому партнерству	119
3.3 Предложения по усовершенствованию системы механизмов и инструментов инвестиционных стратегий российских энергетических компаний на нефтяном рынке африканских стран	131

Заключение.....	155
Список литературы	160
Приложение А Статистические данные.....	196

Введение

Актуальность темы исследования. В марте 2023 г. в рамках обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации был закреплён тезис о том, что увеличение объёмов взаимной торговли и инвестиций с государствами Африки является одной из приоритетных задач во внешнеэкономической деятельности государства [43]. Ранее, в ходе заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 15 декабря 2022 г., Президент России Путин В.В. отметил, что реакция руководства российских нефтяных компаний на отказ властей западных государств от сотрудничества с российскими компаниями должна заключаться в переориентации на новые рынки, в том числе – Африки. По итогам заседания в перечень поручений Президента России членам правительства был включён пункт об обеспечении в 2023 г. опережающих темпов роста внешней торговли с государствами Африки [157].

Указанные задачи подкрепляются положениями Энергетической стратегии Российской Федерации до 2035 года, которая выделяет необходимость сохранения и укрепления позиций России на мировых энергетических рынках [14]. Согласно стратегии, одним из рисков для нефтяной отрасли России является повышение себестоимости добычи в связи с преобладанием трудноизвлекаемых запасов и ухудшением характеристик добываемой нефти. Это делает диверсификацию добычи на внешних рынках, включая страны Африки, стратегической необходимостью. Государства Африки, обладая значительными запасами нефти и высоким потенциалом для развития рынка, предоставляют российским компаниям уникальную возможность для инвестирования и освоения новых ресурсных баз.

Взаимный интерес России и стран Африки обусловлен рядом факторов. Для России африканский рынок представляет собой стратегическую возможность в условиях ограничений со стороны западных санкций и

вызовов, связанных с внутренней добычей нефти. Появление у российских нефтяных компаний сети инвестиционных проектов в Африке также создаст новые возможности с точки зрения сокращения издержек, снижения рисков, повышения доходности и конкурентоспособности. Углубление сотрудничества со странами Африки позволяет не только, выйти на новые рынки, диверсифицировать добычу энергоресурсов, но и укрепить международные позиции России, обеспечив долгосрочную поддержку стран «глобального Юга».

В свою очередь, африканские страны заинтересованы в российском опыте и технологиях, особенно в сфере добычи, переработки нефти и смежных отраслях. Россия может предложить уникальные компетенции, включая разработки в области глубоководной добычи и переработки нефти, а также строительство нефтеперерабатывающих заводов и востребованных энергетических объектов.

При этом на развитие инвестиций в нефтяной сектор существенное влияние оказывают долгосрочные факторы макрорегионального и глобального рынков нефти и нефтепродуктов. Только комплексный учет всех значимых трендов и факторов внешней среды, оказывающих влияние на успешность российских нефтяных инвестиций в регионе, позволит сформировать эффективную долгосрочную политику по усилению присутствия российского бизнеса на африканском рынке нефти и нефтепродуктов. Формирование и реализация такой политики может на практике усилить конкурентоспособность российских проектов в высококонкурентной среде.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется взаимной заинтересованностью России и африканских стран в совместном освоении нефтяных ресурсов, что отвечает стратегическим интересам обеих сторон и содействует укреплению их позиций на мировом рынке. В комплексе обозначенные задачи и вызовы породили потребность в изучении влияния

долгосрочной динамики рынка нефти, а также комплекса иных факторов внешней среды на развитие инвестиционных стратегий российских компаний в Африке.

Степень разработанности темы исследования. Диссертационное исследование основывается на результатах научных изысканий, проводимых по нескольким направлениям.

Во-первых, многие аспекты темы были раскрыты в рамках изучения вопроса о динамике энергетических ресурсов как факторе развития макроэкономических процессов глобального уровня в работах Гранберга А.Г., Кириллова В.И., Светлова Н.М., Тумановой Е.Ф., Меньшикова С.М., Килиана Л., Форрестера Дж., Медоуза Д., Пестеля Э. и Хубберта М.К.

Во-вторых, в русле изучения экономической глобализации заявленную тему отчасти затрагивали в своих работах Дынкин А.А., Осьмова М.Н., Пилипенко О.И., Иванова И.Д., Чибриков Г.Г., Пенкина С.В., Иноземцев В.Л., Кочетов Э.Г., Ансофф И. и Портер М.

В-третьих, в контексте вопроса о закономерностях и механизмах функционирования глобального рынка нефти его отдельных сегментов тему фрагментарным образом освещали Конопляник А.А., Жуков С.В., Хартуков Е.М., Мастепанов А.М., Башмаков И.А., Кэмпбэлл К.Ж., Старк П., Робелиус Ф., Хейман А. и Хорн М.К.

В-четвертых, сквозь призму темы трансформации государственной политики России в нефтяной сфере интересующую нас проблематику отчасти исследовали Гурвич Е.Т., Ивантер В.В., Кимельман С.А., Коржубаев А.Г., Полтерович В.М., Конторович А.Э., Брагинский О.Б., Милов В.С., Миловидов К.Н. и Шафраник Ю.К.

В-пятых, существенный объем эмпирического материала был обобщен, концептуализирован и введен в научный оборот в работах Акинфеева В.К., Васина А.А., Кавериной И.А., Маловой Т.А., Сысоевой В.И., Леденевой И.К., Улезловой Л.В., Филатовой А.Ю., Грейса У., Хьюберта Ф., Калдара Д.,

Ансари Е., Бернанке Б.С. и Чемберса У., посвященных методологии изучения рынка нефти.

В-шестых, многие аспекты темы получили подробное освещение в работах, посвященных использованию интегрированного международного планирования в рамках реализации инфраструктурных проектов топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК), а также теории и практике разработки кооперационных сценариев для взаимодействия российских и зарубежных нефтяных компаний. В частности, соответствующая проблематика поднималась в работах таких исследователей, как Шкута А.А., Логинов Е.Л., Грабчак Е.П., Логинова В.Е. и Минасян М.В.

Результаты исследований упомянутых авторов сформировали парадигму изучения темы, сформировав систему научно обоснованных моделей для интерпретации процесса инвестирования российских компаний на внешних рынках. В то же время следует отметить, что непосредственно проникновение российских нефтяных компаний на рынки Африки получило сравнительно небольшое освещение в силу того, что соответствующие процессы были запущены лишь относительно недавно. В свет вышли работы Яковлева П.П., Мамышевой Д.К., Чадаева Э.А., Киршиной И.А., Иняковой Е.Г., Рыженка А.Р., Игнатьева С.В., Матягина Д.В., Кукушкина В.Ю. и ряда иных авторов, однако степень разработанности данного направления научных изысканий остается сравнительно небольшой. Помимо того, высокая степень изменчивости внешнеэкономической конъюнктуры препятствует оперативной рефлексии на научном уровне процессов в мировой экономике, запущенных в 2022 г. в результате резкого ужесточения санкционного режима, направленного против России. С учетом указанных обстоятельств представляется необходимым продолжить научные изыскания в рамках данного направления.

Цель исследования заключается формировании научно-обоснованных практических рекомендаций по повышению эффективности инвестиционных

стратегий российских нефтяных компаний на рынке нефти и нефтепродуктов стран Африки.

Реализация указанной цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

- провести сравнительный анализ подходов к инвестированию ключевых игроков на нефтяном рынке африканских стран – компаний Запада, Китая и России, а также проанализировать текущее состояние инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в странах Африки;

- систематизировать макрорегиональные тренды развития рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки, определяющие риски и возможности для российских инвесторов;

- сформировать подходы по обеспечению благоприятной внешней среды для российских инвесторов в нефтяной сектор африканских стран;

- выработать практические рекомендации по совершенствованию механизмов и инструментов реализации инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в странах Африки;

- выделить приоритетные и наиболее безопасные государства Африки для реализации различных типов инвестиционных проектов.

Объектом исследования являются инвестиционные стратегии российских энергетических компаний на рынке нефти и нефтепродуктов стран Африки.

Предметом исследования выступает система экономических отношений, связанных с участием российских энергетических компаний в развитии рынка нефти и нефтепродуктов африканских стран.

Область исследования диссертации соответствует основным положениям п. 13 «Стратегии участия региональных и корпоративных структур в международном экономическом взаимодействии (глобальный, региональный и национальный аспекты)» Паспорта научной специальности 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом 2014-2023 годов. Выбор нижней хронологической точки отсечения исследуемого периода обусловлен тем, что именно в 2014 г. впервые российские нефтяные компании начали полноценно рассматривать варианты переориентации с рынков Евросоюза и Северной Америки, а власти государств ЕС приступили к реализации мер по сокращению потребления энергоносителей из Российской Федерации и блокированию совместных с Россией инициатив в сфере ТЭК, включая инвестиционные проекты. Выбор верхней временной планки был обусловлен тем, что на момент написания исследования 2023 г. был последним отчетным годом в рамках крупных международных баз данных относительно динамики торговли нефтью.

В качестве **теоретической основы** исследования выступили фундаментальные труды зарубежных и российских ученых, посвященные теоретическим и методологическим проблемам формирования и оптимизации инвестиционных стратегий.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили взаимодополняющие общенаучные и прикладные методы. Применены аналитико-синтетический подход (выявление и агрегирование глобальных и макрорегиональных трендов развития рынка нефти и нефтепродуктов региона), индукция и дедукция для перехода от частных проектных данных к общим закономерностям и их последующей эмпирической верификации. В исследовании был использован системный анализ, позволяющий рассматривать инвестиции российских компаний в нефтяной сектор Африки как функционирование связки «государство – корпорация – международный рынок». Дополняющим инструментом выступил сравнительный анализ инвестиционных стратегий компаний России, Китая, США и ЕС, уточненный методом кейс-стади по реализованным проектам (Гана, Нигерия, Алжир и другие). Статистический и тренд-анализы, базирующиеся на открытых данных BP Statistical Review,

ОПЕК и UNCTAD за 2014-2023 годы, позволили оценить динамику потребления, добычи, спроса и предложения нефти и нефтепродуктов, а также рассчитать корреляции между макроэкономическими индикаторами и региональными параметрами отрасли.

Информационная база исследования была сформирована за счет привлечения нормативно-правовых актов Российской Федерации, также статистических данных и материалов исследований, содержащихся в зарубежной и российской литературе, а также международных базах данных.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретико-методических подходов к совершенствованию инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в странах Африки на основе систематизации опыта западных, китайских и российских компаний, выявления ключевых глобальных и региональных факторов развития рынка нефти и нефтепродуктов, а также оценки рисков и возможностей, обусловленных изменением геэкономической среды, сокращением присутствия западных инвесторов и военно-политической обстановкой в регионе. В результате разработаны рекомендации по повышению эффективности инвестиционных стратегий, включая механизмы кооперации, институциональной поддержки, усиление координации государственных и корпоративных структур, а также методики адаптации к специфике местных экономик. Кроме того, предложена авторская классификация ключевых стран Африки на основе комплексной оценки рисков и возможностей для российских нефтяных компаний с целью выбора оптимальных направлений для инвестиций.

Положения, выносимые на защиту, содержащие элементы научной новизны:

- 1) Выявлены особенности инвестиционных подходов компаний стран Запада, Китая и России в нефтяном секторе стран Африки. Обоснован вывод о том, что инвестиционные стратегии нефтяных компаний

формируются под значительным влиянием: внешней среды, что обусловлено спецификой отрасли; экономическими факторами, такими как долгосрочная динамика спроса и предложения энергоносителей; политической конъюнктурой; правовым регулированием и социальными аспектами добычи и переработки нефти. Особая чувствительность энергетического сектора к этим факторам делает государственную поддержку критически важной для успешного освоения новых рынков (С. 29-41).

2) Систематизированы макрорегиональные тренды развития рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки, определяющие перспективы и риски для российских инвесторов. Доказано, что африканский рынок характеризуется значительным ростом спроса на нефтепродукты (прогнозируемое увеличение на 80% к 2045 году), кризисом перерабатывающих мощностей и хроническим недоинвестированием в нефтепереработку. Страновая специфика макрорегиона указывает на дифференциацию инвестиционных возможностей: для таких стран, как Египет и ЮАР, более актуальны проекты в сфере нефтепереработки, тогда как для Нигерии и Анголы более выгодны вложения в сфере нефтедобычи. В странах с недостаточно развитой инфраструктурой, например, в Габоне и Конго, требуется значительное внимание к транспортно-логистическому комплексу. Устойчивый рост мирового спроса на нефть (2% в год) и нефтепродукты (1% в год) стимулирует интерес к африканским энергоресурсам. Предложена авторская инвестиционная стратегия в реализации как классических Downstream-, так и более востребованных Midstream-проектов, что соответствует долгосрочной тенденции переориентации нефтедобывающей отрасли региона с экспорта на удовлетворение внутренних потребностей (С. 64-75).

3) Разработан концептуальный подход по обеспечению благоприятной внешней среды для российских инвесторов в нефтяной сектор африканских стран (С. 123-132). В основу авторской концепции положен

анализ макрорегиональных трендов развития рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки: значительный рост спроса на нефтепродукты (по прогнозам ОПЕК, спрос увеличится на 80% к 2045 году), кризис перерабатывающих мощностей, недоинвестирование в домашнюю переработку (импорт более 1,9 млн баррелей нефтепродуктов в сутки), и ориентация на экспорт (более 84% добываемых углеводородов идут на экспорт). Кроме того, были проанализированы ключевые факторы глобального уровня, оказывающие влияние на развитие рынка нефти и нефтепродуктов в странах Африки: устойчивый рост мирового спроса на нефть (около 2% в год) и нефтепродукты (около 1% в год); соглашения ОПЕК+, которые на сегодняшний день ограничивают добычу нефти стран-членов картеля на 2,2 млн баррелей в сутки, что в свою очередь стимулирует добычу в странах, не участвующих в соглашении, включая многие государства Африки; ограничения на высокоуглеродную нефть в Европе и США, что способствует переориентации африканских поставок на другие рынки, усиливая роль Африки как стратегического экспортёра в Азию и Латинскую Америку, где ежегодный рост спроса составляет 4,4%; увеличение мощностей нефтеперерабатывающих заводов в странах ОЭСР на 5,8%, что оказывает давление на развитие перерабатывающей инфраструктуры в Африке. Сформулирован авторский вывод о наличии благоприятных условий для освоения месторождений и развития переработки нефти в странах Африки, что создает возможности для российских инвесторов в долгосрочной перспективе (С. 83-95).

4) Предложен комплекс практических рекомендаций по совершенствованию инструментов государственной поддержки и реализации инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке. Авторская программа предполагает применение механизмов кооперации между российскими инвесторами, что позволит объединять их конкурентные преимущества, минимизировать риски и повышать устойчивость проектов в

условиях высококонкурентной среды. В качестве наиболее перспективной отрасли на основе макрорегиональных и глобальных факторов рынка нефти были выделены инвестиции в перерабатывающие мощности (Downstream-проекты) в странах с высоким спросом на нефтепродукты, таких как Египет, Алжир и Нигерия (С. 131-134). Государственная поддержка предложена в формате государственно-частного партнерства, включающего финансовую помощь, организацию переговорных процессов с местными властями и содействие в реализации совместных инициатив. Важным элементом является участие российских компаний в локализации производства и поддержке программ импортозамещения в африканских странах, что укрепляет их рыночные позиции и способствует развитию устойчивых экономических связей. Кроме того, институционализация взаимодействия с африканскими государствами, а также предложения по улучшению местного инвестиционного законодательства позволят создавать благоприятные условия для российских компаний, включая лоббирование выгодных изменений в нормативной базе (С. 145-152).

5) В рамках выявления приоритетных и наиболее безопасных стран для осуществления инвестиционных проектов разработана «карта инвестора» в страны Африки для отечественных компаний нефтяной сферы. Определены приоритетные страны для реализации различных типов инвестиционных проектов с учетом их экономического потенциала и уровня рисков, связанных с осуществлением экономических инициатив. В числе наиболее перспективных для инвестиций, обеспечивающих высокую отдачу при минимальных рисках, выделены Алжир, Египет, Сенегал, Марокко, ЮАР и Кот-д'Ивуар (С. 136-144).

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теоретико-методических основ изучения инвестирования на зарубежных рынках нефти. Результаты исследования также могут привести

существенный вклад в научную базу анализа структурной динамики глобального и макрорегиональных рынков нефти.

Практическая значимость работы состоит в комплексном характере выводов и рекомендаций, основанных на результатах обработки официальной статистической информации. Полученные результаты могут быть использованы нефтяными компаниями, в том числе с государственным участием, при проведении анализа и осуществлении прогнозирования внешнеэкономической деятельности.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность результатов работы обеспечивается привлечением большого количества авторитетных источников на русском и иностранных языках, а также использованием широкого массива статистических данных, полученных из официальных источников. Результаты исследования прошли успешную апробацию в крупных коммерческих и государственных структурах.

Основные положения и результаты работы диссертационного исследования использованы на следующих научных конференциях: на V Петербургском международном газовом форуме (Санкт-Петербург, ООО «Газпром газомоторное топливо», ООО «ЭФ-Интернэшнл», 6-9 октября 2015 г.); на V Московском Международном Химическом Форуме (Москва, Минпромторг России, 23-26 октября 2017 г.); на заседании научно-технического Совета Ассоциации «Сибдальвостокгаз» (Москва, Ассоциация «Сибдальвостокгаз», 25 мая 2022 г.); на X Ежегодной международной научно-практической конференции «Красавинские чтения» (Москва, Финансовый университет, 6 декабря 2024 г.).

Материалы диссертации используются в практической деятельности Автономной некоммерческой организации «Международный центр компетенций в горнотехническом образовании» под эгидой ЮНЕСКО, в частности применяется разработанная в диссертации программа

использования системы механизмов и инструментов инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний, базовым принципом которых является переход от одиночной модели освоения новых рынков к созданию консорциумов с иностранным участием. Следуя предложенному механизму формирования консорциума с долей участия российских компаний и организаций в проекте не более 33%, используя принцип комплементарности, предполагающий, что каждый из членов объединения должен дополнять другого, нивелируя недостатки партнера и взамен получая доступ к его ресурсам, Международный центр компетенций в горнотехническом образовании под эгидой ЮНЕСКО продвигает данный механизм в деятельности Консорциума университетов «Недра Африки». Выводы и основные положения диссертации способствуют консолидации интеллектуальных, кадровых, информационных и иных ресурсов в целях выработки предложений для формирования государственной политики в системе образования стран Африки и эффективно применяются в работе Центра ЮНЕСКО.

Материалы диссертации используются в практической деятельности ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, в частности используется разработанная в диссертации методика комплексной оценки актуального состояния внутренней и внешней среды. Разработанная программа оптимизации системы механизмов и инструментов инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке легла в основу прогнозного инструментария, используемого Агентством при оценке целесообразности реализации инвестиционных проектов в сфере энергетики стран Африки, а также позволила сформировать сценарий долгосрочного развития топливно-энергетического комплекса в одном из 11 макрорегионов мира. Выводы и основные положения диссертации используются в практической работе ФГБУ «РЭА» Минэнерго России при экспертно-аналитическом сопровождении реализации государственной

энергетической политики и способствуют развитию экономических связей между Россией и Африкой на межгосударственном уровне.

Материалы диссертации используются Кафедрой мировой экономики и мировых финансов Факультета международных экономических отношений Финансового университета в преподавании учебной дисциплины «ESG-финансирование и управление международными проектами».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения представленного исследования были отображены в 4 научных работах, объемом 1,8 п.л. (авторский объем – 1,6 п.л.), опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации заданы целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 262 наименований. Текст диссертации изложен на 208 страницах, включает 41 таблицу, 14 рисунков и одно приложение.

Глава 1

Теоретико-методологические основы и современное состояние инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в странах Африки

1.1 Теоретико-методологические основы выработки инвестиционных стратегий и путей их совершенствования

Сегодня инвестиции являются неотъемлемой составляющей современной экономики. Инвестициями занимается государство, инвестиции реализуют крупные корпорации, мелкий бизнес и даже отдельные физические лица. Данный параграф посвящен раскрытию понятия, а также основных теорий, связанных с инвестициями в целом и инвестиционными стратегиями крупных компаний в зарубежных государствах, в частности.

Появление понятия инвестиций восходит к концу XIV века и происходит от латинского глагола «investire», что дословно переводится как «одевать, покрывать». В историческом контексте истоки концепции инвестиций уходят в период феодализма, когда под инвеститурой понималось назначение феодалом своего вассала для управления феодалом (владением). Этот процесс также включал в себя назначение настоятелей церквей, которые получали в управление церковные земли вместе с населением и судебной властью над ними. Процедура вступления в должность инвеститора сопровождалась специфической церемонией, в ходе которой происходило облачение в регалии и предоставление соответствующих полномочий. Такая инвеститура открывала перед инвеститором возможности для расширения своих территорий и участия в их управлении [1].

Более понятное нам значение «вложения денежных средств для их приумножения» инвестиции получают с 1610-х годов в контексте восточно-индийской торговли. При этом, несмотря на более чем

четырёхсотлетнюю историю, на сегодняшний день не существует единого общепринятого определения инвестиций. Частично это связано со сложностью понятия и его множественными аспектами, которыми оно дополнилось за последнее столетие. В наиболее общем виде под инвестициями понимается вложение капитала с целью его увеличения в будущем. Прирост капитала должен быть достаточным, чтобы оправдать имеющийся риск и отказ от немедленного потребления имеющихся средств [28]. Согласно современному американскому экономисту и лауреату нобелевской премии У. Шарпу, под инвестициями понимается отказ от определенной ценности в настоящий момент за (возможно, неопределенную) ценность в будущем [39]. Отечественный ученый А.В. Воронцовский расширяет эту трактовку инвестиций, как «деятельности инвестора, направленной на достижение своих долгосрочных целей, не связанных с текущим потреблением, которая основывается на вложении собственного и заемного капитала» [7]. Другой отечественный исследователь и автор пособия по инвестициям Б.А. Колтынюк понимает инвестиции, как «долгосрочное вложение экономических ресурсов в целях создания и получения чистой прибыли в будущем, превышающей общий начальный вложенный капитал» [17].

В настоящей работе инвестиции рассматриваются как долгосрочные вложения реальных, финансовых и интеллектуальных активов с целью повышения стоимости компании, получения прибыли, усиления ее положения на рынке и решения иных экономических задач.

При этом стратегию можно определить как совокупность способов и методов по достижению цели, которая сформулирована в условиях ограниченности в ресурсах и возможностях [100]. Такое определение отражает и ситуацию, в которой находятся компании во время принятия решения об инвестировании – из ограниченных ресурсов путем определенной последовательности действий необходимо получить оптимальный результат.

При этом единой трактовки понятия инвестиционной стратегии в научной литературе также не существует.

Ряд отечественных исследователей определяют инвестиционную стратегию достаточно широко – как комплекс мер, направленных на достижение определенной финансовой цели [118]. Ключевым фактором в данном случае является цель и методы ее достижения. Джамай Е.В. рассматривает инвестиционную стратегию, как инструмент стратегического планирования предприятия [92].

Лахметкина Н.И. предлагает более сложное определение. Инвестиционная стратегия – это система долгосрочных целей инвестиционной деятельности предприятия, определяемых общими задачами его развития и инвестиционной идеологией, а также выбор наиболее эффективных путей их достижения [23]. Другие исследователи понимают инвестиционную стратегию как систему долгосрочных целей инвестиционной деятельности предприятия, определяемых общими задачами его развития и инвестиционной идеологией с выбором наиболее эффективных способов их достижения [31].

Бланк И.А. выделяет следующие основные элементы инвестиционной стратегии:

- долгосрочные инвестиционные цели;
- пути их достижения, иностранный капитал;
- условия внешней среды;
- инвестиционные отношения [4].

Соответственно, процесс формирования инвестиционной стратегии включает в себя оценку текущего положения, разработку системы целей (желаемого состояния), а также разработку механизма достижения целей с учетом факторов внутренней и внешней среды предприятия [60]. С учетом фокуса тематики исследования на прямых иностранных инвестициях российских нефтяных компаний в странах Африки особое внимание в работе уделяется именно условиям внешней среды предприятия и внешним факторам,

которые оказывают значительное влияние на формирование инвестиционных стратегий.

Однако полноценное изучение процессов формирования и совершенствования инвестиционных стратегий предполагает необходимость выбора адекватных обозначенным задачам теоретико-методологических основ. Это требует обращения к концепциям выстраивания прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) и в целом транснационализации хозяйственной деятельности.

Основные теории прямых иностранных инвестиций и формирования стратегии их реализации, используемые на сегодняшний день в науке, начали формироваться в начале – середине XX века в рамках развития макроэкономических концепций транснационализации экономической деятельности.

Первоначально на основе наработок представителей неоклассической школы (в первую очередь – модели абсолютного преимущества Смита А. и модели сравнительного преимущества Рикардо Д.) была сформирована теория факторов производства Хекшера Э. и Олина Б. Последняя была выстроена вокруг тезиса о том, что характер экспорта и инвестиций зависит в первую очередь от наличия сравнительных преимуществ, позволяющих минимизировать издержки компании (квалифицированной или дешевой рабочей силы, инфраструктуры или самой необходимости ее создания). За счет этого иностранные инвестиции выступали в роли элемента сложного компенсационного механизма в структуре мировой экономики, позволяющего устранить фактор неравных производственных ресурсов разных стран мира посредством выравнивания цен факторов производства [190]. Впоследствии эта теория получила развитие в рамках работ Озавы Т. и Кодзимы К. в форме теории «летающих гусей». Последняя предполагала, что процесс устранения неравенства производственных ресурсов осуществляется в рамках постепенной смены привлекательных для инвесторов отраслей от трудоемких

к капиталоемким, а от капиталоемких – к наукоемким [202]. Также теория Хекшера-Олина получила развитие в трудах Иверсена К., сумевшего эмпирически доказать, что различные виды капитала обладают разной степенью международной мобильности в силу воздействия комплекса факторов, среди которых ключевую роль играют разница в размере трансакционных издержек, отличия в масштабах предельной производительности в разных странах и степень заинтересованности инвестора в снижении имеющихся рисков [196].

По мнению автора, неоклассические теории, при всех их очевидных достоинствах, отличает значимый недостаток: они по большей части игнорируют влияние на поведение субъектов трансграничных инвестиционных процессов неэкономических факторов, в первую очередь – политических, в том числе – в рамках попыток искусственной консервации состояния неравенства производственных ресурсов (в том числе – по формально гуманитарным соображениям). В числе существенных недостатков неоклассической теории транснационализации инвестиций можно отметить и то, что она ограничивает круг субъектов процесса частными компаниями, игнорируя аффилиацию бизнес-структур с государственными институтами, влекущую за собой взаимопроникновение корпоративных и государственных интересов, а также сопряжение ресурсных потенциалов коммерческих структур и институтов публичной власти.

Следующий этап в развитии теоретических представлений о процессе осуществления прямых иностранных инвестиций связан с появлением так называемой «неотехнологической школы», увязывавшей участие субъектов мировой экономики в международной торговле и осуществлении трансграничных инвестиций со способностью к выпуску инновационных товаров. В качестве наиболее широко распространенных концепций, выработанных в рамках данной школы, можно упомянуть теории технологического разрыва и конкурентного преимущества.

Теория технологического разрыва Познера М. предполагает, что появление у одной или нескольких стран, участвующих в мировой торговле, эксклюзивной производственной технологии, формирует на рынке ситуацию квазимонополии. На период, соответствующий временному лагу между появлением спроса на производимый при помощи новой технологии товар и реагированием на него со стороны конкурентов в странах-импортерах, обладатели эксклюзивной технологии доминируют на международных рынках за счет наличия патентов и лицензий. Появление квазимонополии служит фактором, способствующим появлению инвестпроектов по внедрению новых технологий на производствах в странах, импортирующих продукцию квазимонополистов [216]. На наш взгляд, данная теория не может быть эффективно использована в рамках изучения процесса формирования инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в странах Африки. Она была выработана скорее для оценки функционирования обрабатывающих, а не добывающих отраслей, и во многом отражает специфику функционирования мировой экономики в середине XX в. В настоящее время случае нефтяных компаний квазимонополист даже при наличии принципиального технологического преимущества не ограничивает свое участие во внешнеэкономической деятельности закреплением доминирования в экспортных потоках. Он также активно инвестирует в проекты на территории стран-импортеров, чаще всего лишенных возможности эксплуатировать собственные ресурсы иным образом, кроме как за счет сотрудничества с крупными международными компаниями. Также теория технологического разрыва не учитывает возможность того, что обладатель технологической квазимонополии может столкнуться со значимыми вызовами в результате появления новых изобретений и ноу-хау. Их разработка порождает необходимость оптимизации устаревших производств, желательно – с сохранением рентабельности, что стимулирует квазимонополистов переносить их на территорию стран-импортеров. Как результат, появление

квазимонополиста действительно стимулирует развитие инвестиционных проектов в странах-импортерах. Но в качестве инвестора выступает тот же квазимонополист, а реализуемые им проекты, как правило, связаны с трансфертом устаревающих технологий.

Теория конкурентного преимущества Портера М. была выстроена вокруг тезиса о том, что в середине XX в. условия формирования конкурентных преимуществ компаний, работающих на международных рынках, существенным образом трансформировались. В частности, существенно ослабла зависимость конкурентоспособности отраслей экономики от наличия на территории национального государства основных факторов производства. Место страны и работающих на ее территории компаний в системе международной конкуренции определялось комплексом факторов, формирующих так называемый «ромб национальных преимуществ». Помимо состояния факторов производства, он включал в себя положение смежных и вспомогательных отраслей, динамику и объем платежеспособного спроса, а также стратегии и систему взаимодействия присутствующих на рынке фирм. Последний фактор охватывал не только системы целеполагания крупных компаний, но и их представления о существующих рисках и потенциале повышения конкурентоспособности, своих собственных сильных и слабых сторонах и иерархии внешних факторов, влияющих на ведение бизнеса. При этом подчеркивалось, что создание полноценного конкурентного преимущества возможно лишь при условии использования глобального подхода к формированию стратегии компании. Что на практике выражается в присутствии на большинстве сегментов глобального рынка производимой фирмой продукции под ее собственной торговой маркой. Эта задача требует не только использования международных каналов сбыта, но и размещения производств в других странах с целью использования конкурентных преимуществ, которые можно извлечь за счет интеграции в их национальные экономики. Портер М. также подчеркивал, что наибольший эффект от

вложения инвестиций достигается в ситуации, когда донор капитала выстраивает систему кооперации со смежными производствами в стране-реципиенте с целью снижения стоимости закупок, сокращения потерь от таможенных и в целом минимизации издержек производства [214].

В целом, теория конкурентного преимущества во многих аспектах соответствует задачам представленного исследования, в первую очередь – в плане оценки мотивации действий крупных компаний на глобальном рынке и специфике формирования их стратегий. Значимым преимуществом сформулированного Портером М. подхода является и его универсальность: он может быть использован для анализа функционирования компаний, работающих как в обрабатывающих, так и добывающих отраслях. Равным образом он применим и к фирмам, производящим продукцию с высокой степенью переработки, так и к компаниям, специализирующимся на поставке на рынок сырья и полуфабрикатов.

Теория монопольного преимущества, разработанная Хаймером С., акцентирует внимание на реализации инвестиционных проектов в рамках приложения классических моделей несовершенной конкуренции к ситуации на конкретных товарных рынках. В соответствии с данным подходом, инвестор выступает в качестве монополиста или олигополиста на конкретном товарном рынке. Его инвестиционная стратегия выстраивается в первую очередь на решении таких задач, как ограничение конкуренции и защита своей конкурентоспособности. На практике это проявляется в экспансии на свободные сегменты международных рынков из опасений относительно того, что их может захватить основной конкурент. Таким образом, вложения в зарубежные активы представляют собой «защитные инвестиции», проявляющиеся во многом в формате неценовой конкуренции ограниченного числа крупных компаний, стремящихся обеспечить себя новыми источниками рыночной силы. Наличие у инвестора статуса монополиста или олигополиста обуславливается преимуществами в плане реализации товарной политики,

факторов производства, доступом к эксклюзивным инструментам интернальной и экстернальной экономии [193]. Использование данного подхода для изучения инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке также носит дискуссионный характер. В первую очередь это обусловлено значимыми расхождениями между теоретической моделью и конкретными эмпирическими кейсами. Так, на нефтяном рынке Нигерии наблюдается ситуация олигополии, однако из 11 ведущих компаний, работающих в отрасли, 4 являются национальными [248]. Расхождения с теорией монопольного преимущества наблюдаются и при анализе ситуации в конкретных сегментах нефтяной промышленности. Например, в переработку нефти в Египте вовлечены 133 компании, и в целом в рамках Downstream-проектов отсутствует ситуация олигополии (в отличие, например, от сферы добычи) [252]. Свою роль играет и то, что российские компании, действующие в Африке, в большинстве случаев в принципе не могут занимать положение монополиста в нефтяном секторе в силу ограничений, связанных с распространением западных санкций [86]. Следует отметить и то, что в последние годы многие западные компании, традиционно инвестировавшие в проекты в странах Субсахарской Африки, постепенно реализовывают планы сворачиванию бизнеса в регионе и переориентируются на страны Магриба, то есть осознанно отказываются от присутствия на рынках, уступая их конкурентам, что противоречит теории монополистического преимущества и указывает на наличие не учтенных ее разработчиками факторов, определяющих формирование и коррекцию инвестиционных стратегий [57].

Теория монопольного преимущества во многом получила развитие в работах Киндлбергера Ч., в рамках концепции отраслевых рыночных структур (далее – ОРС). Последний выделил в качестве основных участников трансграничных инвестиционных процессов крупные вертикально интегрированные компании (далее – ВИК), способные выстраивать координацию работы своих филиалов в разных странах и охватывать все

стадии производства и сбыта продукции. Особая роль ВИК в инвестиционных процессах, по мнению Киндлбергера Ч., обуславливается наличием у них преимуществ, связанных продвинутыми методиками маркетинга, высокой степенью узнаваемости и исключительной деловой репутацией, высокой степенью дифференциации выпускаемой продукции, наличием собственных (зачастую – уникальных) технологий, высоким уровнем квалификации персонала, возможностью экономии на масштабе и так далее. Наличие выраженных преимуществ у ОРС по сравнению с конкурентами обуславливает ее постоянную экспансию на внешних рынках, в первую очередь – в рамках реализации стратегии по созданию новых производств за рубежом в формате прямых иностранных инвестиций [201].

Соглашаясь с большинством выводов Киндлбергера Ч., мы в то же время должны отметить, что его концепция все же несколько абсолютизирует положение ОРС на рынке и, как следствие, гиперболизирует ориентацию крупных компаний на создание за рубежом производств путем инвестирования. На практике экспансия на внешние рынки посредством прямых иностранных инвестиций может не всегда являться оптимальным форматом. В зависимости от конкретных обстоятельств более предпочтительными могут оказаться консервативные стратегии экспорта или продажа лицензий на изготовление продукции компании.

Впоследствии концепция отраслевых рыночных структур была использована для конструирования теории интернализации Бакли Л. и Кассона М. Последние обозначили при помощи термина «интернализация» процесс интеграции всех технологий и ноу-хау внутри компании с последующим блокированием доступа к ним для потенциальных или реальных конкурентов. При этом ключевое внимание уделялось не столько производственным технологиям, сколько решениям в области организации, снабжения, финансового менеджмента и маркетинга. Именно за счет этих ресурсов крупные компании, по мнению Бакли Л. и Кассона М., приобретают

и удерживают статус ОРС. В то же время необходимо отметить, что выводы исследователей были основаны на изучении опыта функционирования крупных компаний, инвестирующих в капиталоемкие отрасли с традиционно высоким уровнем затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, что ставит под сомнение возможность их механической экстраполяции на инвестпроекты в нефтяной отрасли, большинство из которых связаны именно с добычей сырой нефти [180].

В дальнейшем развитие теории прямых инвестиций и формирования инвестиционных стратегий протекало преимущественно в рамках синтеза положений макро- и микроэкономического подходов. Результатом этого стало появление эклектической парадигмы OLI, разработанной Даннингом Дж. Согласно его концепции, разработка и реализация инвестиционной стратегии осуществляется на основе выделения трех видов преимуществ – владения, размещения и интернализации. Преимущества владения охватывают сильные стороны внутренней среды самой компании инвестора (то есть наличие капиталов, опыта, кадров, технологий, патентов, брендов и так далее). Преимущества размещения заключаются в факторах, делающих выгодным размещение производственных активов за рубежом (то есть относительной дешевизне рабочей силы, значительной емкости рынков, отсутствием барьеров для внешней торговли и прочее). Преимущества интернализации заключаются в выстраивании всех бизнес-процессов исключительно внутри структуры самой компании, и в рамках парадигмы OLI именно этот вид преимуществ имеет ключевое значение при принятии решения о инвестировании и разработке фирмой соответствующей стратегии. Основными мотивами действий инвестора, в соответствии с данным подходом, выступают стремление сохранить либо увеличить объемы и норму прибыли, а также показатели капитализации за счет реализации конкурентных преимуществ на глобальном рынке [186].

Впоследствии данная модель была дополнена Рагманом А., аргументировавшим тезис о том, что большая часть инвестиционной деятельности крупных международных компаний приходится именно на региональные блоки, относительно изолированные друг от друга в политическом, логистическом и культурном смысле. Крупные компании конкурируют между собой не столько за доли на глобальном рынке, сколько за сегменты конкретных региональных блоков [217].

При этом тезис о ключевом значении преимуществ интернализации справедлив лишь для отдельных рынков. Так, в случае Африки принцип интернализации всех бизнес-процессов зачастую невозможно реализовать по причине воздействия таких факторов, как «ресурсный национализм» и высокий уровень угроз для безопасности сотрудников компании-инвестора.

Факторы социальной, религиозной и национальной напряженности также играют значительную роль в формировании инвестиционных стратегий. Так, Мартек И. и Дзьян В. установили, что данные факторы напрямую влияют на политическую неопределенность в странах-реципиентах инвестиций, что сильно снижает приток ПИИ в сектор энергетики [197]. Для долгосрочных энергетических проектов стабильность политической и правовой системы страны, а также физическая безопасность могут являться определяющими моментами при принятии решения об инвестировании. Зачем вкладываться в миллиардные проекты, если возможный военный переворот приведет к национализации имущества? Аналогично, религиозный конфликт может перерасти в гражданскую войну, которая сделает разработку энергоресурсов невозможной.

Более того, местные жители развивающихся государств зачастую негативно воспринимает работу иностранных добывающих компаний на своей территории. Так, согласно исследованию Д. Кристенсена, присутствие иностранного проекта в добывающей сфере африканских стран удваивает

вероятность протестов или даже вооруженных столкновений среди местного населения [182].

Таким образом, перечисленные выше, а также ряд других факторов, характеризующий потенциальный регион для осуществления ПИИ, играет не менее важную роль в принятии инвестиционных решений международными компаниями, чем вопросы экономической рентабельности.

Отраслевой аспект инвестиционных стратегий

Несмотря на общие принципы принятия решений и реализации ПИИ, инвестиционные стратегии компаний могут существенно отличаться в зависимости от отрасли, в которой они работают. Так международные инвестстратегии нефтяных компаний будут строиться по иным принципам и учитывать иные факторы, чем, например, стратегии компаний ИТ-сферы. Это связано как с особенностями нефтедобывающей промышленности, среди которых необходимость далекого горизонта планирования, большие первоначальные капиталовложения и высокие риски, жесткое регулирование в связи с экологическими нормами и вопросами национальной безопасности, высокая социальная нагрузка, так и с высокой спекулятивной составляющей нефтяного рынка.

Прямые иностранные инвестиции компаний энергетической и, в частности, нефтяной сферы это всегда очень долгосрочное и дорогостоящее предприятие. Сроки окупаемости инвестиционного проекта в данной сфере могут составлять до 15 лет, а капиталовложения составляют миллиарды долларов США [222]. Этот факт обуславливает необходимость высокой детализации планирования, максимальный учет всех факторов и рисков, так как даже небольшие ошибки в формировании инвестиционной стратегии могут стать катализатором многомиллиардных потерь в будущем.

Согласно обзору Global Competition Review [236], энергетическая сфера, в первую очередь углеводородная энергетика – одна из старейших и наиболее зарегулированных сфер для прямых иностранных вложений. В частности, на

современном этапе значительную роль в решениях о финансировании иностранных проектов энергетических компаний играют вопросы национальной безопасности и экологии. В результате нефтяные компании, особенно тех стран, где государство обладает крупными долями в энергетических компаниях (например, Китай, Иран, Россия и другие) склонны принимать более консервативные инвестиционные решения.

О преобладании консервативного подхода говорит и анализ взаимоотношения рыночных цен на нефть и реализуемых компаниями инвестиционных стратегий. В обзоре американских аналитиков инвестиционных стратегий нефтяных компаний отмечается, что международные игроки тяготели к консервативным инвестиционным стратегиям даже в начале 2000 годов, когда цены на нефть поднимались [241]. Вместо цен на нефть компании ориентировались на прогнозы потребления. При этом исследователи Фаверо и Песаран считают, что эффект от изменяющихся цен на нефть на инвестиции определенно можно наблюдать, однако с существенным временным лагом [189]. В этой связи можно утверждать, что значительное влияние на инвестиционные стратегии нефтяных компаний оказывает долгосрочная динамика как глобального рынка нефти, так и рынка региона, в который инвестирует транснациональная корпорация (далее – ТНК). Данный фактор представляет особый интерес с учетом сложности процессов, влияющих на ценообразование на рынке нефти и нефтепродуктов, и будет подробно исследован в настоящей работе.

Еще одной особенностью инвестиций в нефтяной сфере является и то, что международные нефтяные компании как правило являются более эффективными и прибыльными чем национальные. Это объясняется тем, что национальные компании во многом являются не чистыми экономическими агентами, но и выполняют функции перераспределения доходов от национальных богатств для бедных слоев населения, а также несут на себе больше социальной нагрузки [192]. Соответственно, инвестиционные

стратегии национальных нефтяных компаний сильнее привязаны к долгосрочным экономическим целям правительств стран.

Перечисленные ключевые особенности прямых иностранных инвестиций, связанных с нефтяным сектором, указывают на то, что инвестиционные стратегии в этой области отличаются большим временным горизонтом, подвержены влиянию мирового спроса и предложения энергоносителей, а также имеют повышенную зависимость от неэкономических факторов (правовое регулирование, политическая конъюнктура).

Принимая во внимание все вышерассмотренные аспекты инвестиционных стратегий, связанных с осуществлением прямых иностранных инвестиций, можно сделать вывод о повышенном влиянии на их формирование факторов внешней среды. Значимость этих факторов дополнительно увеличивается, если речь идет о компаниях энергетической сферы, которая является чувствительной для многих государств, и напрямую связана как с вопросами национальной безопасности, так и вопросами развития национальных экономик. Исходя из этого именно факторы внешней среды, влияющие на инвестиционные стратегии российских нефтяных компаний, осуществляющих ПИИ на Африканском континенте, являются в центре внимания настоящей диссертации. При этом отметим, что каждая страна стремится обеспечить для своих экономических агентов наиболее благоприятные условия для осуществления инвестиций. Именно с помощью поддержки от своих государств крупные корпорации завоевывают международные рынки. Таким образом, государственная политика в формировании наиболее благоприятной внешней среды для своих компаний играет значимую роль в успехе их инвестиционной деятельности.

Следующим шагом станет исследование эволюции стратегий инвестирования в нефтяной сектор африканских стран со стороны компаний Запада, Китая и России.

1.2 Эволюция стратегий инвестирования в нефтяной сектор Африки – западный, китайский и российский подходы

Подходы к инвестированию в нефтяной сектор африканских стран со стороны международных игроков значительно эволюционировали за последние десятилетия, отражая меняющиеся экономические интересы, политические тенденции и трансформацию самого африканского рынка. На протяжении более полувека Африка оставалась важным регионом для добычи нефти, и крупные международные корпорации стремились усиливать свое присутствие в регионе. Сегодня условиях значительной конкуренции со стороны ведущих государств и их экономических субъектов, важно проанализировать различия в стратегических подходах ключевых стран и их эволюцию для определения оптимальной стратегии российских нефтяных компаний на ближайшее десятилетие. В данном параграфе будет представлена сравнительная характеристика ключевых инвестиционных подходов, применяемых странами Запада, Китаем и Россией, с учетом временной эволюции и различий в поставленных целях.

Западный подход: бизнес с политическими условиями

Западные компании, включая американские и европейские нефтяные корпорации, начали активное освоение африканского континента в середине XX века. При этом за 70 лет их инвестиционные стратегии претерпели значительные изменения, отражая как глобальные экономические тенденции, так и внутренние трансформации африканских государств.

В период 1950-1970 годов западные нефтяные компании, такие как British Petroleum (далее – BP), Royal Dutch Shell и ExxonMobil, прежде всего, заключали с африканскими странами концессионные соглашения [227]. Эти договоры предоставляли компаниям исключительные права на разведку и добычу нефти на обширных территориях в обмен на фиксированные платежи или «роялти». Такие соглашения обеспечивали западным компаниям

значительные прибыли при минимальных обязательствах перед принимающими странами. В некоторой степени подобный тип соглашений отражает продолжение колониального подхода к странам Африки, целью которого является получение ресурсов континента с минимальными издержками и участием в его развитии.

Однако к концу 1970 годов, на фоне роста националистических настроений и стремления африканских государств к контролю над своими природными ресурсами, многие страны начали пересматривать условия сотрудничества [118]. Это привело к национализации нефтяных ресурсов и созданию национальных нефтяных компаний, таких как Nigerian National Petroleum Corporation (далее – NNPC) в Нигерии и Sonatrach в Алжире [239].

Переход к соглашениям о разделе продукции

В ответ на изменения в политике африканских государств западные компании адаптировали свои стратегии, переходя к соглашениям о разделе продукции (далее – СРП) [80]. СРП предусматривали совместное участие государства и иностранной компании в разработке месторождений, где добытая нефть делилась между сторонами в заранее оговоренных пропорциях. Такая модель позволяла африканским странам сохранять суверенитет над ресурсами, а компаниям — получать прибыль и снижать риски национализации.

Например, в 1993 году Нигерия внедрила СРП, что привлекло такие компании, как Chevron и Total, к разработке глубоководных месторождений. Эти соглашения способствовали увеличению инвестиций в нефтяной сектор и развитию инфраструктуры. При этом в 2019 г. Нигерия потребовала, чтобы международные нефтяные компании, работающие в стране, выплатили 62 млрд долларов США в качестве компенсаций по проектам СРП, так как они не выполнили часть требований соглашения 1993 г. [144].

Другим примером является Алжир [56]. Алжирская компания Sonatrach совместно с французской TotalEnergies, американской Occidental и

итальянской Eni продлили действие соглашения о разделе продукции (СРП) на 25 лет. Это соглашение охватывает береговые блоки 404 и 208 в геологическом бассейне Беркин, расположенном на востоке Алжира.

Несмотря на более справедливое, чем в случае концессий, распределение прибыли, такие соглашения позволяли им добывать и экспортировать ресурсы без трансфера технологий и пользы для местных сообществ.

Современные тенденции и корпоративная социальная ответственность

С начала 2000 годов западные компании начали уделять больше внимания корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) в своих операциях в Африке. Это было обусловлено как давлением со стороны международного сообщества, растущей конкуренцией с китайскими игроками, так и осознанием необходимости устойчивого развития регионов присутствия [209].

Компании стали чаще инвестировать в социальные проекты, такие как строительство школ, медицинских учреждений и развитие местной инфраструктуры. Например, Shell в Нигерии реализовала программу «Shell LiveWIRE» [254], направленную на поддержку молодежного предпринимательства и создание рабочих мест.

Также, в последние годы западные нефтяные компании начали диверсифицировать свои инвестиции, уделяя внимание возобновляемым источникам энергии. Это связано с глобальными тенденциями декарбонизации и стремлением к устойчивому развитию. Например, TotalEnergies объявила о планах инвестировать в солнечные и ветровые проекты в Южной Африке, стремясь снизить углеродный след и адаптироваться к меняющимся рыночным условиям [260].

При этом новые подходы часто сопровождаются наличием политических условий, выдвигаемых правительствами стран Запада. Эти условия обычно включают требования к соблюдению прав человека,

поддержке демократических институтов и работе в стране некоммерческих организаций [249]. Так, правительства США и стран Европы все чаще ставят обязательства по улучшению социальных и политических стандартов в качестве условий для расширения экономического сотрудничества, что влияет на инвестиционные стратегии западных компаний.

Многие западные компании, такие как ExxonMobil, Chevron и TotalEnergies, работают в условиях строгого контроля со стороны своих национальных регуляторов, которые ставят вопросы прав человека и демократического развития на передний план. В частности, такие организации, как Всемирный банк и Международный валютный фонд, также связывают финансовую поддержку с соблюдением демократических стандартов и антикоррупционной политики, что влияет на реализацию инвестиционных проектов. Например, в Нигерии и Анголе западные компании обязаны соблюдать строгие нормы прозрачности, отчитываться о выплатах правительствам и публиковать данные об экологическом воздействии.

Эти условия часто усиливают давление на африканские правительства, которым необходимо балансировать между потребностью в иностранных инвестициях и выполнением требований западных партнеров. В некоторых случаях африканские страны, стремящиеся привлечь капитал, вынуждены принимать меры по реформированию политической ситуации и правовой системы [251]. Однако подобные условия также вызывают критику, так как они могут ограничивать экономический суверенитет принимающих стран и вызывать дополнительные социальные трения, особенно в регионах с низким уровнем жизни.

В таких условиях западные игроки все чаще начинают проигрывать в конкуренции китайским компаниям, которые начиная с 2000 годов активно осваивают китайский рынок, реализуя более прагматичные подходы к инвестициям в нефтяной сектор региона. Далее рассмотрим китайский подход к инвестированию в страны Африки.

Китайский подход: инфраструктурные проекты и долгосрочное присутствие

С конца XX века Китай активно наращивает свое присутствие в нефтяном секторе Африки, применяя уникальные стратегии, отличные от западных моделей. Китайские компании, такие как China National Petroleum Corporation (далее – CNPC) и Sinopec, внедряют комплексный подход, сочетающий экономические, политические и социальные аспекты, что позволяет им укреплять позиции на африканском континенте.

В конце 1990 годов Китай начал активно инвестировать в африканский нефтяной сектор, стремясь обеспечить энергетическую безопасность и удовлетворить растущий внутренний спрос на энергоносители. Первые инвестиции были направлены на приобретение долей в существующих месторождениях и заключение соглашений с национальными нефтяными компаниями африканских стран. Например, в 1996 году CNPC начала инвестиции в Судане, что стало одним из первых крупных проектов Китая в Африке.

В отличие от западных компаний, китайские инвесторы делают акцент на развитии инфраструктуры и социальных проектов в странах присутствия. Китайские компании часто предлагают пакетные сделки, включающие строительство дорог, железных дорог, портов и других объектов инфраструктуры в обмен на доступ к нефтяным ресурсам [244]. Такой подход способствует укреплению двусторонних отношений и повышает доверие со стороны африканских правительств. Эти проекты обещают значительные экономические выгоды для континента, расширяя доступ к важным транспортным и энергетическим ресурсам и создавая новые рабочие места.

Например, в Анголе китайские компании инвестировали значительные средства в восстановление инфраструктуры после гражданской войны, что позволило им получить доступ к нефтяным месторождениям страны. В Нигерии китайские компании участвовали в строительстве железных дорог и

электростанций, что также способствовало укреплению их позиций на нефтяном рынке [98].

При этом Китай предоставляет африканским странам значительные кредиты и инвестиции на льготных условиях, что делает сотрудничество с китайскими компаниями привлекательным для африканских правительств. Китайские банки, такие как Экспортно-импортный банк Китая, активно финансируют проекты в нефтяном секторе Африки, обеспечивая необходимую финансовую поддержку для реализации крупных инфраструктурных проектов.

Кроме того, китайские компании демонстрируют гибкость в условиях сотрудничества, предлагая модели, адаптированные к потребностям конкретных стран. Это может включать совместные предприятия с национальными компаниями, соглашения о разделе продукции или другие формы партнерства, обеспечивающие взаимовыгодные условия для обеих сторон.

Однако условия, на которых Китай предоставляет финансирование африканских проектов, часто остаются непрозрачными, что вызывает обоснованное беспокойство как среди африканских лидеров и населения, так и у международных наблюдателей. Этот непрозрачный подход усиливает опасения относительно долговой зависимости, особенно в свете того, что до 20% всего африканского долга приходится именно на Китай. В некоторых странах, таких как Замбия и Джибути, доля китайского долга превышает 50% [247], что делает их особенно уязвимыми перед экономическим влиянием Китая. Такая значительная задолженность в сочетании с условиями финансирования может привести к серьезным последствиям: в случае неспособности погасить кредиты страны рискуют утратить контроль над важными государственными активами или передать часть суверенного контроля иностранным кредиторам.

Подготовка кадров и мягкая сила

Китайские компании инвестируют в обучение и подготовку местных кадров, что способствует развитию человеческого капитала в африканских странах. Они организуют программы обучения, стажировки и обмена опытом, позволяя местным специалистам приобретать необходимые навыки и знания. Это не только повышает квалификацию местных работников, но и укрепляет долгосрочные отношения между Китаем и африканскими странами.

Например, в Судане CNPC создала учебные центры для подготовки местных специалистов в области нефтяной промышленности, что способствовало повышению уровня занятости и развитию местной экономики [229].

Кроме того, Китай активно инвестирует в образовательные программы и академические обмены с африканскими странами. Китайское правительство предоставляет стипендии для африканских студентов, желающих получить образование в китайских университетах. Например, программа China-Africa Friendship Scholarship привлекает тысячи студентов из Африки, способствуя их профессиональному развитию [224]. Ежегодно более 60 000 африканских студентов обучаются в Китае, что является результатом целенаправленных усилий по расширению образовательных обменов. С китайской финансовой помощью строятся школы, предоставляется оборудование, открываются научные лаборатории.

Не последнюю роль в обеспечении благоприятной внешней среды для китайских инвесторов играют средства массовой информации и культурные обмены. Китайские культурные центры, такие как Институты Конфуция, работают в различных африканских странах, предлагая курсы китайского языка и культурные программы. В Африке действует более 70 Институтов Конфуция [90]. Институты популяризируют китайскую культуру, реализуя долгосрочную стратегию Китая по поддержанию позитивного отношения молодых африканцев к Китаю.

Китайские медиакомпании, такие как CGTN Africa, ведут активную деятельность в Африке, предоставляя новости и информацию с китайской точки зрения, что помогает укреплять положительный образ Китая на континенте. Агентство Синьхуа открыло свое первое бюро в Гане еще в 1957 г., затем в 1986 г. – в Найроби, и сегодня имеет более 20 представительств по всему африканскому континенту [225].

Таким образом, китайский подход к инвестированию в нефтяной сектор Африки характеризуется интеграцией экономических, социальных и инфраструктурных аспектов, что позволяет укреплять позиции китайских компаний на континенте и способствовать развитию африканских стран. Стоит отметить, что другим игрокам, в частности России, конкурировать с Китаем на этом поле достаточно тяжело ввиду существенного превосходства КНР в финансовых ресурсах, которые она готова выделять на африканские проекты. Однако и российские компании могут найти свою нишу на рынке нефти и нефтепродуктов стран Африки, используя другие конкурентные преимущества – комплементарность и уникальные компетенции.

Российский подход: комплементарность и технологии

После долгого периода спада отношений со странами Африки, вызванного распадом СССР, российские компании начали активное освоение африканского нефтяного сектора в середине 2000 годов, стремясь найти уникальные конкурентные преимущества, отличные от западных и китайских моделей. Их подход, во многом несистемный на первых этапах, сегодня характеризуется акцентом на долгосрочные партнерства, глубокую переработку ресурсов и минимизацию санкционных рисков.

В середине 2000 годов российские энергетические компании, такие как «Лукойл» и «Роснефть», начали проявлять интерес к африканскому континенту, стремясь диверсифицировать свои инвестиционные портфели и укрепить позиции на международной арене. Первые проекты были

направлены на разведку и добычу нефти и газа в странах с богатой ресурсной базой, таких как Нигерия, Гана и Египет.

Комплементарность и долгосрочные проекты

Сегодня российские компании делают акцент на комплементарность своих проектов, стремясь интегрироваться в существующие экономические структуры африканских стран. Это выражается в создании совместных предприятий с местными компаниями, что позволяет учитывать интересы обеих сторон и обеспечивать устойчивое развитие проектов.

Например, «Лукойл» в Нигерии участвует в разработке глубоководного блока OML-140 совместно с нигерийскими партнерами [83]. В рамках этого проекта «Лукойл» предоставляет передовые технологии глубоководного бурения и добычи, а также обучает местных специалистов, способствуя развитию национальной нефтяной отрасли. Такие проекты направлены на создание добавленной стоимости внутри страны и развитие местной экономики.

Экспортно-импортное кредитование и контракты жизненного цикла

Кроме того, российские компании активно используют механизмы экспортно-импортного кредитования, что позволяет финансировать проекты на более выгодных условиях и снижать финансовые риски. Также, применяются контракты жизненного цикла, предусматривающие участие компании на всех этапах проекта – от разведки и добычи до переработки и сбыта продукции. Подобный тип контрактов на текущий момент практикует «Росатом», например при соглашении о строительстве первой египетской атомной электростанции (далее – АЭС) «Эль-Дабха». В рамках контракта «Росатом» не только построит атомную станцию, но и будет поставлять ядерное топливо на весь жизненный цикл станции, обучит персонал и окажет поддержку в эксплуатации АЭС в первые десять лет работы [125]. Нефтяные компании также начинают рассматривать возможность реализации контрактов подобного типа.

Такая модель обеспечивает долгосрочное присутствие на рынке и позволяет более эффективно управлять рисками, связанными с колебаниями цен на нефть и газ.

В условиях международных санкций российские компании стремятся минимизировать риски, связанные с ограничениями, путем более тесного сотрудничества с дружественными африканскими странами в значимых для них сферах, в частности военно-технической области и области обеспечения безопасности (ЦАР, Мали, Нигер) [172]. Это позволяет создавать устойчивые партнерства и обеспечивать стабильность проектов и в других сферах сотрудничества.

Уникальные компетенции и конкурентные преимущества

Российские компании предлагают африканским партнерам и уникальные компетенции в области глубоководной добычи и переработки нефти и газа. Африканские страны значительно заинтересованы в получении таких технологий и их применении. Так, Нигерия открыто выразила интерес в использовании российских технологий в нефтяном секторе и привлечении российских компаний к реализации своих нефтяных проектов. Об этом сообщил постоянный секретарь министерства нефти и природных ресурсов Нигерии и представитель страны в ОПЕК Габриел Адуда на саммите «Россия-Африка» в Санкт-Петербурге [110].

Кроме того, российские компании активно инвестируют в обучение местных кадров и передачу технологий, что способствует развитию человеческого капитала и укреплению долгосрочных партнерских отношений.

Таким образом, российский подход к инвестированию в нефтяной сектор Африки стремится акцентировать внимание на долгосрочные партнерства, комплементарность проектов, минимизацию санкционных рисков и использование уникальных компетенций. Это позволяет как укреплять позиции российских компаний на африканском континенте, так и способствовать развитию местных экономик. При этом следует признать, что

сегодня данный подход находится в зачаточном состоянии, а имеющийся опыт инвестиций российских компаний в африканские проекты был во многом несистемный и не имел активной поддержки со стороны государства.

В следующем параграфе рассмотрим подробнее действующие проекты российских нефтяных компаний в странах Африке и проанализируем их подходы к осуществлению инвестиций в макрорегионе.

1.3 Инвестиционные стратегии российских энергетических компаний на рынке нефти и нефтепродуктов стран Африки на современном этапе

Для понимания текущего положения российских нефтяных компаний в Африке и особенностей их инвестиционных стратегий, кратко осветим экономические и инвестиционные связи России и Африканского континента. По данным Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России) за 2023 г., доля торговли с Африкой составляла 3,7% от общего объема товарооборота Российской Федерации, что на 60% больше показателя 2022 г., однако все еще достаточно мало [115]. До февраля 2022 г. на долю Российской Федерации приходилось лишь 4,2% африканского рынка нефти и нефтепродуктов (по данным компании Vortexa Ltd.) Однако уже в 2023 г. этот показатель вырос в 3 раза до 12,8%, что говорит о стремительном освоении африканского рынка, а также, возможно, о его использовании для обхода западных санкций [62]. При этом общий объем накопленных инвестиций России в экономику Африки оценивается большинством экспертов на уровне 19,4 млрд долларов. В то же время, по данным UNCTAD, объем накопленных инвестиций Китая в данный макрорегион еще в 2016 г. насчитывал 40 млрд долл. США против 49 млрд долл. США у Франции, 55 млрд долл. США – у Великобритании и 57 млрд долл. США у США (Россия на тот период не входила в число 10 основных инвесторов в регионе) [228].

При этом вложения в нефтяной сектор не носили приоритетного характера в структуре российских инвестиций в регионе. Так, согласно таблице 1, в реализацию флагманских проектов по добыче и переработке никеля и золота к югу от Сахары крупные компании из России инвестировали на порядок большие средства, чем в разведку нефти.

Таблица 1 – Ключевые инвестиции российского бизнеса в страны Африки к югу от Сахары

Страна	Инвестор	Сектор инвестиций	Стоимость (долл. США)
Ангола; Демократическая Республика Конго; Намибия	Alrosa	Добыча алмазов и гидроэнергетика	300–400 млн
Либерия	Severstal	Железная руда	40 млн
Нигерия	Rusal	Добыча алюминия	250 млн
Гана; Кот-д’Ивуар	Lukoil	Разведка нефти	900 млн
Ангола; Намибия; ЮАР	Sintez	Разведка алмазов, меди, нефти и газа	10–50 млн
Ботсвана	Nickel	Добыча и переработка никеля	2.5 млрд
ЮАР	Norilsk Nickel	Добыча и переработка золота	1.6 млрд

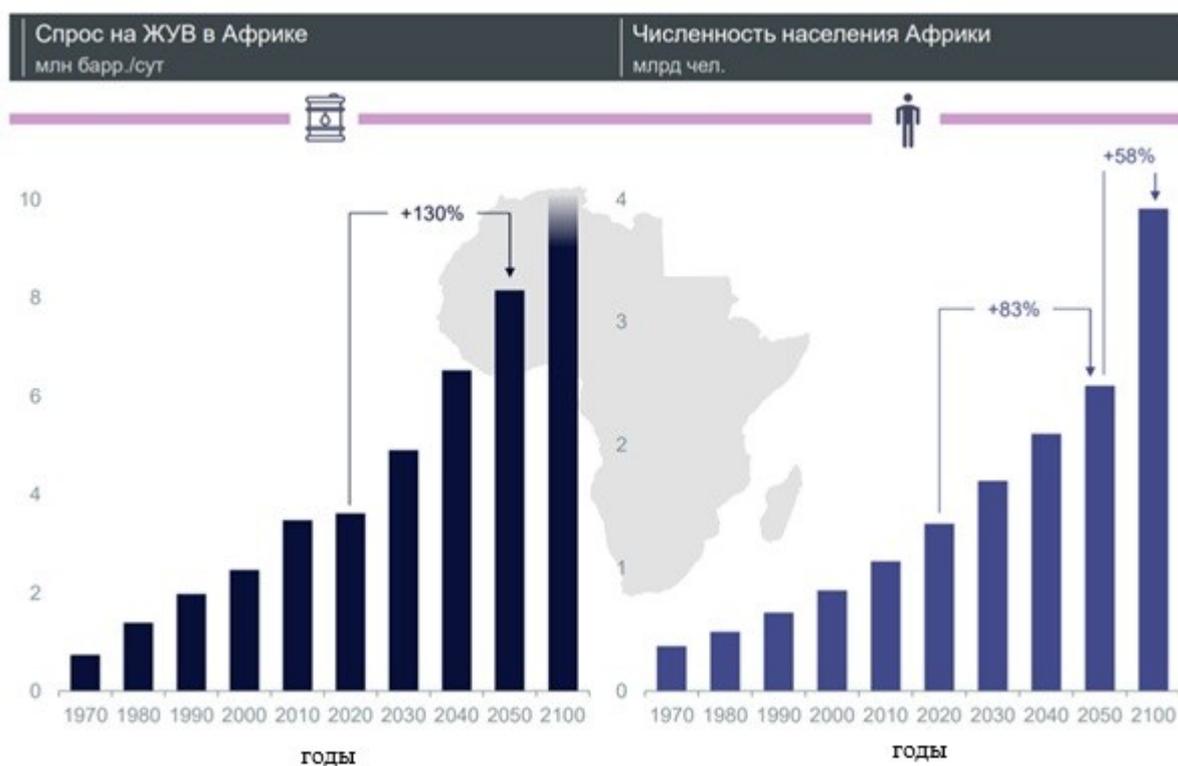
Источник: составлено по материалам [46].

Это закономерно обусловило ситуацию, при которой африканское направление развития бизнеса либо не нашло отражения, либо было освещено фрагментарно в общекорпоративных стратегиях российских компаний, присутствующих на рынке нефти и нефтепродуктов Африки – «Роснефти», «Зарубежнефти», «Газпром нефти», «Татнефти», «Лукойла» и «Росгеологии».

Отдельно необходимо отметить, что в течение 2022-2023 годов восприятие руководством российских нефтяных компаний значимости африканского рынка и перспектив его развития изменилось (к марту 2023 г. доля российских компаний на рынке нефти и нефтепродуктов Африки превысила 12%) [55]. Так, в ходе доклада, зачитанного главой компании-флагмана отрасли «Роснефть» Сечиным И.И. на заседании Энергетической панели XXVI Петербургского международного экономического форума была обозначена оценка общего состояния системы

международных инвестиций в рынок нефти Африки. Руководитель «Роснефти» обратил особое внимание на то, что, согласно мнению экспертов корпорации, в долгосрочной перспективе можно ожидать возникновение дефицита на рынке энергоресурсов, провоцирующего рост цен на нефть.

Последнее, согласно прогнозам аналитиков «Роснефти», будет обосновано сочетанием двух факторов. С одной стороны, имеет место недооценка реального потенциала роста потребления энергоресурсов в Африке – в соответствии с рисунком 1. С другой стороны, наблюдается существенное недоинвестирование отрасли, в первую очередь – в сферах геологоразведки, поисково-разведочного бурения и добычи.



Источник: составлено автором по материалам [54].

Рисунок 1 – Прогнозы динамики спроса на жидкие углеводороды и изменения численности населения Африки

Необходимость учитывать позицию руководства «Роснефти» при прогнозировании инвестиционной активности российских нефтяных компаний в Африке обуславливает потребность акцентировать внимание на ситуации в сегментах, где наблюдается наибольшее недофинансирование, то

есть сфокусировать внимание на инвестициях в сферу материальных активов, включая вложения в разведку запасов, буровые установки и непосредственно добычу нефти.

При этом, обращаясь к вопросу выработки современных инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке, в первую очередь необходимо выделить ряд обстоятельств, обуславливающих специфику освещения данной темы на научном уровне.

Во-первых, за исключением компании «Лукойл», присутствие российских нефтяных корпораций крайне ограничено. В большинстве случаев речь идет о реализации одного проекта на территории конкретной африканской страны. Хотя бывают и небольшие исключения – компания «Газпром нефть» в 2009 г. приобрела права на разработку четырех шельфовых блоков на побережье Анголы, купив 51% акций компании NIS. Однако масштабы добычи нефти на данных объектах остаются относительно небольшими (в 2014 г. показатель составил 57 тыс. т.).

В декабре 2015 г. «РН-Эксплорейшн», дочерняя структура «Роснефти», совместно с ExxonMobil, Qatar Petroleum и ENH получила права на разработку участков A5-B, Z5-C и Z5-D в Мозамбике (доля «Роснефти» в консорциуме – 20%). В 2017 г. «Роснефть» заключила рамочное соглашение о сотрудничестве с National Oil Corporation of Libya. В 2018 г. «Роснефть» подписала меморандумы о сотрудничестве с нигерийской компанией Oranto Petroleum Ltd и национальной нефтяной компанией Мозамбика Empresa Nacional de Hidrocarbonetos. Однако эти инициативы так и не получили развития [74]. «Роснефть» также инвестирует в экономику Египта, но в данном случае речь идет о чисто газовом проекте: в октябре 2017 г. российская компания купила у Eni ее долю в рамках концессионного соглашения на разработку месторождения Zohr.

«Зарубежнефть» в 2019 г. стала участником соглашения о разделе продукции по блокам South East Ras El Ush и East Gebel El Zeit в рамках

проекта по добыче нефти на шельфе Египта, в сентябре 2023 г. приобрела лицензию на разведку углеводородов в дельте Нила [114].

«Татнефть» в свою очередь в 2005 г. начала работать на основании концессионного соглашения в Ливии, преимущественно – в рамках геологоразведки. В период 2005-2006 годов компания получила права на разработку четырех блоков в бассейнах Гадамис и Сирт. Однако планы освоения месторождений были сорваны началом гражданской войны в Ливии в 2011 г. Компания приостановила свои проекты на территории бывшей Джамахирии и вернулась к их реализации в 2013 г. Но по причине эскалации внутренних конфликтов в Ливии во второй половине 2014 г. все операции вновь были приостановлены. В феврале 2022 г. стало известно, что компания продолжает попытки завершить разработку разведочных месторождений. В январе 2023 г. Правительство национального единства Ливии пригласило «Татнефть» вернуться к переговорам с Национальной нефтяной корпорацией Ливии (НОС). В мае 2023 г. компания в качестве оператора проекта (доля «Татнефти» – 10,5%) открыла новые залежи нефти в бассейне Гадамис с дебитом 1870 баррелей в сутки. Предполагается, что после этого проект будет переведен в стадию опытно-промышленной разработки [96].

В силу отсутствия значимой активности российских компаний в Африке большинство из них не имели на момент написания данного исследования открытой формализованной стратегии инвестирования в Африке. Это, помимо прочего, обусловило и малое число научных публикаций, в рамках которых инвестиционные стратегии российских нефтяных компаний в Африке были бы концептуализированы и детально изучены.

Кроме того, действующие инвестиционные стратегии упомянутых компаний отсутствуют в открытом доступе, а опубликованные стратегии развития бизнеса конкретных юридических лиц не содержат положений, на основании которых можно было бы выстроить обоснованные рекомендации.

Как следствие, мы лишены возможности полноценно проанализировать все необходимые элементы инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке, и, в частности, оценить их анализ факторов внешней среды, ключевой для инвестирования в такой сложный континент. В данных условиях исследователь может лишь в общем виде реконструировать стратегию инвестиционной политики на примере анализа активности единственной корпорации из России, активно осуществлявшей вложения на данном рынке – «Лукойла».

«Лукойл» является первой нефтяной компанией России, которая начала осваивать африканский рынок. Первые активы в пределах макрорегионального рынка корпорация приобрела в 1995 г. По данным на 2023 г., компания владела активами в Египте, Гане, Нигерии, Республике Конго и Камеруне.

В Египте «Лукойл» на 2023 г. являлся участником трех проектов – Meleiha, WEEM и WEEM Extension. Первым активом, приобретенным компанией в Египте, стала Meleiha: в 1995 г. «Лукойл» инвестировал в приобретение доли в размере 24%, уступив позицию оператора итальянской компании ENI (76%). После приобретения актива компания вложила средства в проведение доразведки участка, включая сейсморазведку 3D и проведение разведочно-поискового бурения, благодаря чему за период 2007-2014 годов было открыто пять высокопродуктивных месторождений [72].

В 2002 г. «Лукойл» инвестировал в добычу нефти в рамках проекта WEEM. Вторым его участником стала Egyptian General Petroleum Company. Каждый из инвесторов получил равную долю в проекте. Участие российской компании в его реализации выразилось в первую очередь во вложении средств в создании инфраструктурных объектов – резервуарного парка и экспортного нефтепровода. Последнее позволило за первые два года участия компании в проекте увеличить интенсивность добычи в 12 раз.

В 2014 г. «Лукойл» стал участником проекта добычи нефти на глубоководном шельфе в рамках освоения блока OML-140 в Нигерии. Оператором проекта является Star Ultra Deep Petroleum – дочерняя структура Chevron (которой принадлежит доля в 22%). «Лукойл» владеет долей в 18% проекта, государственная нефтегазовая компания Нигерии NNPC – 30%, нигерийская корпорация Oil and Gas Nigeria Limited – 30%. Еще до момента вхождения «Лукойла» в проект в его рамках было открыто месторождение Nsiko (потенциал – 289 млрд баррелей нефтяного эквивалента) [72].

В Камеруне «Лукойл» в 2015 г. вошел в проект добычи нефти Etinde на глубоководном шельфе Гвинейского залива (в 2014 г. компания получила лицензию на разработку на период 20 лет). Важно отметить, что разработка соответствующего участка проводится на основе соглашения о разделе продукции, заключенного между участниками проекта еще в 2008 г. В роли оператора проекта первоначально выступала оффшорная компания New Age (African Global Energy) Limited (размер доли – 30%). В 2022 г. руководство New Age Ltd заявило о выходе из проекта и планах продажи своей доли англо-французской компании Perenco. Предполагается, что окончательное инвестиционное решение по данному вопросу будет принято в конце 2024 г. [116].

В роли партнеров New Age Ltd выступают «Лукойл» (30%), британская нефтегазовая компания Bowleven, владеющая через свою дочернюю структуру EurOil Ltd., зарегистрированную в Камеруне, долей в 20%, камерунская государственная компания Societe Nationale des Hydrocarbures (также контролирует 20%) [72]. На момент написания данного исследования проект переведен в режим поддержания и технического обслуживания до завершения сделки по приобретению доли участия компанией Perenco [116].

Отдельно необходимо отметить, что в марте 2023 г. стало известно о планах «Лукойла» и его партнеров диверсифицировать поток инвестиций в освоение Etinde. Помимо добычи нефти, на базе месторождения планируется

развернуть производство сжиженного природного газа за счет использования плавучего завода по его выпуску (FLNG). Помимо того, обсуждается возможность переработки добытого на месторождении газа на производствах американской компании Marathon Oil на территории Экваториальной Гвинеи. При этом в состав консорциума будет привлечен новый партнер, вопрос о включении которого в проект на момент написания исследования обсуждался с властями Камеруна [116].

В 2015 г. «Лукойл» присоединился к реализации проекта по добыче нефти на глубоководном шельфе Ганы в рамках блока Tano. За время реализации проекта было обнаружено 5 нефтяных и 2 газовых месторождения. В роли оператора проекта выступает норвежская фирма Aker Energy (50%). «Лукойл» владеет долей в 38%. Ганским нефтяным компаниям Ghana National Petroleum Corp. и Fueltrade принадлежат 10% и 2% проекта соответственно [72]. В 2020 г. Aker Energy решила отложить реализацию на неопределенный срок из-за снижения мировых цен на нефть [98]. В апреле 2023г. Aker Energy была приобретена корпорацией AFC – панафриканским многосторонним финансовым институтом развития. Одновременно властям Ганы был направлен план развития проекта Tano [101].

В 2019 г. «Лукойлом» была приобретена доля в размере 25% в рамках проекта по добыче нефти и газа на блоке Marine XII в зоне глубоководного шельфа Республики Конго. Компания присоединилась к проекту в формате соглашения о разделе продукции (срок действия – до 2039 г.) [116].

В ходе заседания Давосского форума в январе 2020 г. президент «Лукойла» Алекперов В.Ю. заявил, что компания рассматривает западную часть Африки и зону Мексиканского залива как стратегические направления для инвестирования. Выбор Африки в качестве одного из ключевых направлений для вложения инвестиций глава компании объяснил тем, что традиционно доминировавшие на этом рынке зарубежные компании существенным образом изменили стратегию развития, решив

сфокусироваться на реализации проектов добычи сланцевой нефти в Соединенных Штатах и Канаде. Следствием этого выбора стал переход к политике активной оптимизации активов, повлекший за собой продажу долей в африканских добывающих проектах. В частности, к началу 2020 г. ExxonMobil заявила о намерении продать африканские активы общей стоимостью около 25 млрд долларов, включая месторождение Zafiro в Экваториальной Гвинее (объем добычи – 90 тыс. баррелей в сутки). Синхронно руководство Chevron сообщило о планах продажи своих активов в Нигерии, а компании Occidental Petroleum и Marathon Oil – о намерении избавиться от права на доли в ряде ливийских проектов [89].

К концу 2010 годов руководство «Лукойла» окончательно пришло к выводу, что в силу воздействия политического фактора вложения в сланцевые проекты за рубежом фактически стали для компании невозможны. В результате было принято решение сконцентрировать инвестиционную активность на внешних рынках на вложениях в проекты, связанные с добычей нефти на глубоководном шельфе (из числа доступных альтернатив эти вложения предполагали максимально низкие издержки) [89].

В марте 2023 г. стало известно, что руководство «Лукойла» обсуждает с властями Республики Конго вопрос о вхождении компании в новые проекты по добыче нефти. При этом подчеркивалось, что, в отличие от программы освоения в проекте Marine XII, «Лукойл» готов взять на себя функции оператора при разработке новых месторождений. Комментируя это событие, представители руководства компании подчеркивали, что «Лукойл» рассматривает Западную Африку, наряду с побережьем Мексиканского залива, в качестве наиболее перспективных направлений для инвестирования. Как было заявлено, доступ компании к новым месторождениям внутри России затруднен, а уже разрабатываемые «Лукойлом» месторождения на территории Российской Федерации постепенно истощаются, что и обусловило рост заинтересованности во вложениях в африканские активы [83].

Также в марте 2023 г. «Лукойл» совместно с Eni подал заявки на блоки Marine XXIV и Marine XXXI в Республике Конго. Предполагается, что доля российской компании в проекте составит 43%. При этом «Лукойл» должен стать оператором новых осваиваемых блоков. Компания намерена использовать доступ к новым ресурсам не только для добычи нефти (ее в рамках проекта планируют увеличить с 1 млн т. до 1,7 млн т.), но и расширения проектов по производству и экспорту СПГ. Первые плавучие заводы по сжижению газа, как планируется, начнут действовать у побережья Республики Конго в декабре 2023 г. Объемы выпуска СПГ первоначально составят 600 тыс. т. в год. К 2025 г., после запуска второго плавучего завода, показатель должен увеличиться до 3 млн т. Функция реализации данной продукции будет делегирована Eni. То, что новый проект основан на соглашении о разделе продукции, позволит обойти ограничения, наложенные на европейские компании относительно участия в юридических лицах из России или совместных предприятиях с ними [81].

В ряде случаев попытки «Лукойла» войти в проекты шельфовой нефтедобычи на западном побережье Африки были заблокированы их действующими участниками. В частности, в 2020 г. компания достигла договоренности с британской корпорацией Cairn Energy относительно приобретения ее доли (40%) в рамках проекта Rufisque, Sangomar и Sangomar Deep Offshore в Сенегале. Однако обладавшая преимущественным правом австралийская компания Woodside заблокировала это решение [85].

В декабре 2018 г. дочернее предприятие «Лукойла» ЛЛК-Интернешнл провело регистрацию в Марокко компании LUKOIL Lubricants Africa S.A.R.L. Предполагалось, что она выступит в качестве организационной основы для инвестирования в проекты нефтедобычи и производства смазочных материалов на территории Западной и Северной Африки [99].

Властями Экваториальной Гвинеи российской компании было сделано предложение стать новым участником проекта освоения нефтяного

месторождения Zafiro (размер запасов – 1,2 млрд баррелей нефти, объем добычи – 90 тыс. баррелей в сутки.) после выхода из него компании ExxonMobil. «Лукойл», однако, по не озвученным публично причинам отклонил данное предложение [119]. Впрочем, в июле 2023 г. стало известно, что власти Экваториальной Гвинеи возобновили переговоры с «Лукойлом» о реализации инвестпроектов на территории этой страны. В частности, ряд деловых встреч прошел между представителями компании и руководством министерства горнодобывающей промышленности и углеводородов Экваториальной Гвинеи прошел в рамках форума «Россия-Африка» [120].

Имели место и случаи неудачного инвестирования «Лукойлом» в нефтяные проекты в Африке. Так, в 2006 г. «Лукойл» совместно с аффилированной с его владельцами компанией Panatlantic Exploration (зарегистрированной в США) приобрел пять геологоразведочных проектов на глубоководном шельфе у побережья Кот-д'Ивуара (CI-101, CI-205, CI-401, CI-504 и CI-524). Однако к 2017 г. работа компании на данном направлении показала высокую степень убыточности инвестпроекта. Все скважины оказались сухими. Размер убытков «Лукойла» и Panatlantic Exploration, по оценкам экспертов, составил от 777 до 800 млн долл. США. Причиной неудачи инвестиционного проекта стало игнорирование изначально высоких рисков (вероятность обнаружения эффективных запасов нефти оценивалась на уровне 30%) в сочетании с высокой капиталоемкостью (объем вложений в полноценную разработку одной скважины мог превышать уровень 100 млн долл. США) и ошибочно оптимистичными прогнозами относительно динамики мировых цен на нефть (коммерческая успешность проекта требовала пребывания этого показателя на уровне свыше 80 долл. США за баррель). Помимо того, были допущены существенные ошибки на стадии геологоразведки: переработка и повторная интерпретация сейсмического материала в 2014 г. показали низкую перспективность проведения разработок на осваиваемых ранее участках [64].

Также в 2006 г. компания Lukoil Overseas стала участником проекта Cape Three Points Deep Water в Гане. В течение 2010-2014 годов в районе месторождения были оборудованы 4 скважины, однако результаты бурения так и не показали наличия достаточных для эффективного коммерческого освоения запасов нефти. В итоге только в 2014 г. размер убытков компании составил 151 млн долл. США. В 2013 г. компания затратила на освоение месторождения 277 млн долл. США, еще 200 млн долл. были освоены в 2010-2012 годах [88].

В 2011 г. компания через свою дочернюю структуру Lukoil Sierra Leone Deepwater B.V. приобрела долю в размере 49% в проекте по разведке и разработке блока SL-5-11 в Сьерра-Леоне. Однако за четыре года реализации проекта «Лукойл» не обнаружил в зоне блока экономически эффективных запасов нефти. Как итог, только в 2013-2015 годах размер убытков компании составил в рамках данного проекта свыше 600 млн долл. США [84].

Изложенная выше информация относительно инвестиционных проектов компании «Лукойл» в Африке была систематизирована в рамках таблицы 2.

Таблица 2 – Инвестиционные проекты компании «Лукойл» в Африке

Год	Страна	Проект	Тип проекта для компании	Статус компании в проекте	Статус проекта на 2023 г.
1	2	3	4	5	6
1995	Египет	Meleiha	Upstream	Миноритарный партнер	Действующий
2002	Египет	WEEM	Комплексный (Upstream, Midstream, Downstream)	Равный партнер	Действующий
2006	Кот-д'Ивуар	CI-101, CI-205, CI-401, CI-504 и CI-524	Upstream	Мажоритарный партнер	Закрыты
2006	Гана	Cape Three Points Deep Water	Upstream	Мажоритарный партнер	Закрыт

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6
2009	Египет	WEEM Extension	Upstream	Равный партнер	Действующий
2011	Сьерра-Леоне	SL-5-11	Upstream	Мажоритарный партнер	Закрыт
2014	Нигерия	OML-140	Upstream	Миноритарный партнер	Действующий
2015	Камерун	Etinde	Upstream	Неработающий миноритарный партнер	Действующий
2015	Гана	Tano	Upstream	Миноритарный партнер	Действующий
2017	Алжир	Информация отсутствует в открытых источниках	Upstream	Информация отсутствует в открытых источниках	Компания не приняла участие в тендерах
2018	Марокко	Информация отсутствует в открытых источниках	Комплексный (Upstream, Downstream)	Информация отсутствует в открытых источниках	Компания не приняла участие в тендерах
2018	Судан	Информация отсутствует в открытых источниках	Upstream	Информация отсутствует в открытых источниках	Компания не приняла участие в тендерах
2019	Республика Конго	Marine XII	Upstream	Миноритарный партнер	Действующий
2019	Экваториальная Гвинея	EG-27	Комплексный (Upstream, Midstream, Downstream)	Мажоритарный партнер-оператор	Решение о подписании контракта не принято
2019	Экваториальная Гвинея	Zafiro	Upstream	Мажоритарный партнер-оператор	Отказ от участия в проекте
2020	Сенегал	Rufisque, Sangomar и Sangomar Deep Offshore	Upstream	Миноритарный партнер	Заблокирован
2023	Республика Конго	Marine XXIV, Marine XXXI	Комплексный (Upstream, Downstream)	Миноритарный партнер-оператор проекта	Поданы заявки

Источник: составлено автором.

Изучение содержимого таблицы 2 позволяет определить, что в рамках инвестиционной активности «Лукойла» в Африке можно выделить три

периода, принципиально отличных с точки зрения стратегии поведения на рынке макрорегиона.

В период 1995-2005 годов инвестиционная активность «Лукойла» в Африке ограничивалась исключительно Египтом. Компания вкладывала средства либо в реализацию как Upstream-инициатив, так и комплексных проектов. При этом «Лукойл» активно взаимодействовал с египетскими государственными нефтяными компаниями и итальянской корпорацией ENI, не ограничиваясь только ролью миноритарного партнера.

В период 2006-2014 годов компания начала активно инвестировать в высокорисковые (в силу капиталоемкости, низкого качества и небольшого объема данных геологоразведки, а также неблагоприятной конъюнктуры мировых цен на нефть) проекты по разведке и добыче нефти на побережье Западной Африки. При этом компания выступала в роли мажоритарного партнера, разделяя риски преимущественно со структурами, аффилированными с руководством «Лукойла». Также для данного этапа в развитии инвестиционной стратегии «Лукойла» характерно отсутствие среди партнеров компании крупных европейских, американских, китайских либо индийских корпораций. Негативные последствия выбора данной стратегии начали ощущаться уже после 2012 г., однако к свертыванию соответствующих проектов компания приступила лишь после 2014 г.

Важно подчеркнуть, что решение о свертывании бесперспективных проектов было принято достаточно поздно, уже после того, как убыточность вложений была неоднократно подтверждена, что свидетельствует об отсутствии заранее сформированного механизма обратной связи и коррекции действующей стратегии [151].

На основании этого можно предположить, что первоначальная стратегия «Лукойла» выстраивалась вне концептуального уровня, то есть она, вероятно, формировалась на основе экстраполяции персонального управленческого опыта лиц, принимающих решения, личных договоренностей представителей

руководства компании и иных бизнес-структур и органов власти африканских стран, а также инсайдерской информации. Такой подход представляется возможным в силу того, что в середине 2000 годов компания переживала стадию активного и устойчивого прироста прибыли (что минимизировало возможный ущерб от провала африканских проектов в относительном измерении), африканский рынок оставался для «Лукойла» периферийным, а конъюнктура мировых цен на нефть формировала избыточный оптимизм у большинства представителей экспертного сообщества и деловых кругов.

Начиная с 2014 г., «Лукойл» начал реструктуризацию своего присутствия в Западной Африке, одновременно расширяя участие в проектах, реализуемых в центральной части региона. В период 2017-2018 годов рассматривалась возможность расширения зоны присутствия компании за счет стран Магриба и Восточной Африки, однако в итоге «Лукойл» отказался от соответствующих планов. Вместо этого компания предпочла сконцентрироваться на реализации шельфовых проектов на западном побережье Африки в качестве миноритарного партнера. Речь шла в первую очередь о вложениях в проекты, которые отличали высокое качество геологоразведки и заинтересованность со стороны зарубежных компаний, давно присутствующих на рынке региона. Также «Лукойл» пытается диверсифицировать вложения в Африку, сочетая добычу нефти с реализацией инициатив по производству СПГ. Последнее направление инвестирования, впрочем, носит достаточно ограниченный характер.

Важно отметить, что, стратегия инвестиций «Лукойла» на африканском рынке, существенным образом скорректированная во второй половине 2010 годов, по-прежнему выстраивается на основе приоритетности вложений в Upstream-проекты – в разведку и добычу нефти. Проекты такого рода считаются наиболее рискованными, но и одновременно более прибыльными. В то же время руководство компании, несмотря на наличие перспективных предложений со стороны властей ряда африканских государств, сохранило

достаточно высокий уровень осторожности относительно реализации Downstream-проектов, связанных с переработкой, хранением и розничным распределением нефти и нефтепродуктов.

Таким образом, следует признать, что наибольший интерес к инвестированию в африканские проекты на текущий момент проявляют именно отдельные частные российские нефтяные компании, что обуславливает определенную специфику в плане выработки и коррекции инвестиционных стратегий. Ключевым мотивом для вложения в африканские проекты для частных нефтяных компаний является постепенное истощение пригодных для эффективной эксплуатации месторождений в России наряду с ограничениями доступа к российской шельфовой нефти.

Однако, за исключением «Лукойла», ни одна российская частная нефтяная компания не пыталась создать в Африке полноценную систему добывающих производств, способных в долгосрочной перспективе возместить ущерб от воздействия факторов, препятствующих развитию именно на российском рынке. Чаще всего их инвестиционная активность сводилась к попыткам реализации одного крупного инвестиционного проекта на территории конкретной страны. При этом развитие соответствующих проектов длительное время наделялось низкой приоритетностью, о чем свидетельствует соотношение между сроками реализации инициатив и текущими результатами инвестирования.

Государство и государственные компании до последнего времени не являлись активными игроками на рынке Африканских стран. Стратегии государственных нефтяных компаний в данном плане мало отличались от инвестиционных моделей частных структур. Однако в их случае отказ от широкомасштабной инвестиционной экспансии объяснялся наличием более перспективных направлений для вложения средств.

Исходя из этого, мы можем заключить, что в качестве основы выработки инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке во

второй половине 2000-первой половине 2010 годов выступали избыточно оптимистические прогнозы относительно динамики мировых цен на нефть и завышенные представления о достаточности собственного финансового, научно-технического и производственного потенциала для самостоятельной реализации новых Upstream-проектов в макрорегионе. Ошибки в оценке собственного потенциала и особенно в прогнозах относительно конъюнктуры внешней среды привели к недооценке рисков, связанных с качеством данных геологоразведки и обеспечением условий коммерческой эффективности проектов. При этом соответствующие недостатки стратегии были выявлены сравнительно поздно – лишь после того, как были понесены значительные убытки. Последнее, впрочем, объясняется не только недостатками системы мониторинга реализации проектов, но и изначально высоким уровнем риска, заложенным в планы российских компаний. Обозначенные недостатки, однако, в последние годы были в определенной мере учтены в рамках коррекции стратегии. Средства российских компаний начали инвестироваться в крупные и низкорисковые геологоразведывательные и добывающие проекты, к которым ранее уже проявили интерес иные зарубежные инвесторы, давно присутствующие на африканском рынке и располагающие большим объемом инсайдерской информации.

В то же время следует отметить, что для текущей модели стратегии инвестирования российских компаний в Африке характерно наличие значимых пробелов в плане прогнозирования рисков, порождаемых внешней средой. В частности, не были заблаговременно отработаны механизмы реагирования на возможное ужесточение санкционного режима. В целом можно прийти к выводу, что источником уязвимости российских нефтяных компаний в рамках стратегий инвестирования в Африку является именно контур оценки факторов внешней среды. С одной стороны, макрорегиону в принципе почти не уделяется внимания в рамках оценки общей среды компании (в последних опубликованных отчетах «Лукойла», «Роснефти» и

«Татнефти» в принципе не упоминается наличие у этих корпораций африканских активов). Вероятно, низкая приоритетность данного макрорегиона в предшествующий период способствовала ограниченности ресурсов, выделяемых для оценки внешней среды работы нефтяных компаний в Африке, что негативно отобразилось на анализе ключевых факторов успеха компании на местном рынке. Можно предположить, что последнее также объяснялось низкой приоритетностью задачи развития системы африканских активов в предшествующий период.

Таким образом можно сделать вывод о фактическом отсутствии проработанных инвестиционных стратегий в отношении стран Африки, как у российских нефтяных компаний, так и государства в целом. В предыдущие годы инвестирование в африканские проекты осуществлялось фрагментарно, в качестве одного из наименее приоритетных направлений. При этом государство также не принимало активного участия в повышении конкурентоспособности российских компаний путем создания для них более благоприятных условий внешней среды. При этом как уже было отмечено ранее, именно факторы внешней среды являются наиболее значимыми и универсальными для принятия решений об инвестировании в нефтяной сектор стран Африки. Именно поэтому данные факторы являются фокусом внимания настоящей работы.

В следующей главе будет произведен анализ макрорегиональных и глобальных факторов и трендов, оказывающих влияние на развитие африканского нефтяного рынка, а значит и на российские компании, осуществляющие на нем свои инвестиционные проекты.

Выводы по главе 1

Анализ теоретико-методологических основ выработки инвестиционных стратегий в нефтяном секторе, выявил ряд ключевых особенностей и тенденций, определяющих характер ПИИ в странах Африки.

Так, можно утверждать, что инвестиционные стратегии нефтяных компаний формируются под значительным влиянием внешней среды, что обусловлено спецификой отрасли. Это обусловлено не только экономическими факторами, такими как долгосрочная динамика спроса и предложения энергоносителей, но и политической конъюнктурой, правовым регулированием и социальными аспектами добычи и переработки нефти. Особая чувствительность энергетического сектора к этим факторам делает государственную поддержку критически важной для успешного освоения новых рынков.

Кроме того, обзор подходов к инвестированию в африканский нефтяной сектор позволил выявить особенности стратегий ключевых международных игроков. Американские и европейские компании, присутствующие в Африке с 1950 годов, преимущественно основывали свои инвестиционные стратегии на СРП, концессиях и аналогичных механизмах. Такой подход позволял им извлекать и экспортировать ресурсы, практически не делясь технологиями и не принося существенной пользы местным сообществам. В то же время китайские компании, начавшие активно инвестировать в 1990 годах, делают ставку на долгосрочное присутствие, поддерживаемое государством. Их стратегия включает развитие инфраструктуры, образовательных программ и подготовку местных специалистов. Такой подход позволил китайским компаниям занять значительную часть рынка стран Африки, а Китаю стать основным торговым и инвестиционным партнером для всех стран макрорегиона. Российские компании, начавшие свою деятельность в странах Африки в 2010 годах, ориентируются на комплементарные проекты, предусматривающие глубокую переработку ресурсов, экспортно-импортное кредитование и контракты жизненного цикла. Для российских игроков важным преимуществом становится сотрудничество с дружественными странами, что помогает минимизировать санкционные риски, а также

использование уникальных компетенций как значимого конкурентного преимущества.

В-третьих, анализ современного состояния российских инвестиционных стратегий выявил фрагментарный характер инвестирования на континенте. Фактически, можно констатировать отсутствие у российских компаний и государства в целом системного подхода и скоординированных действий в области инвестирования в нефтяной сектор Африки. Это объясняется тем, что до 2022 г. Африка не рассматривалась как приоритетное направление для российских компаний из-за ограниченного объема торговли и инвестиций, а традиционные рынки считались более выгодными с точки зрения соотношения рисков и возможностей. Данная ситуация привела к тому, что российские компании во многом копировали зарубежные подходы без учета специфики африканского макрорегиона. Также, стоит отметить, что значимым недостатком российских нефтяных компаний в их инвестиционных стратегиях в Африке является отсутствие должной оценки внешней среды. Последнее в значительной степени обусловлено тем, что этот макрорегион часто не учитывается при общей оценке глобальной среды компаний.

Таким образом, возникает необходимость выработки долгосрочной, интегрированной стратегии инвестирования в Африке с акцентом на активное участие государства. Это включает в себя создание благоприятных условий внешней среды, разработку уникальных подходов, учитывающих местные особенности, и усиление координации между государственными структурами и частным сектором.

В следующей главе рассмотрим, как макрорегиональные и глобальные тренды влияют на развитие рынка нефти и какие из них следует прежде всего учитывать при формировании инвестиционных стратегий в нефтяной сектор стран Африки.

Глава 2

Анализ влияния глобальных и макрорегиональных трендов на развитие рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки

2.1 Анализ макрорегиональных трендов развития рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки

Африканский нефтяной рынок, находясь на пересечении интересов крупнейших мировых и региональных игроков, подвержен влиянию как глобальных, так и макрорегиональных трендов. Изучение этих трендов представляет особую ценность для российских нефтяных компаний, нацеленных на разработку и реализацию эффективных стратегий в африканском регионе. В условиях усиленной конкуренции со стороны международных корпораций и активизации экономических процессов на континенте важно понимать, какие факторы определяют динамику спроса, предложения и инвестиционной привлекательности нефти, и нефтепродуктов в этом регионе.

Специфика рынка нефти и нефтепродуктов Африки позволяет нам выделить несколько групп факторов, воздействующих на его развитие. Условно их можно разделить на три группы в зависимости от масштабов воздействия – глобальные, макрорегиональные и страновые.

Ключевую роль среди них играют экономические детерминанты, внутри которых выделяются в соответствии с подходом, используемым для определения ключевых факторов рынка нефти и нефтепродуктов ОПЕК:

- спрос на нефть и нефтепродукты;
- экспорт нефти и нефтепродуктов;
- импорт нефти и нефтепродуктов;
- доказанные запасы нефти и нефтепродуктов;
- добыча нефти и нефтепродуктов;

- производственная мощность нефтеперерабатывающих заводов;
- объем реального производства нефтеперерабатывающих заводов [231].

Отсутствие в данной системе фактора предложения нефти обусловлено спецификой подхода ОПЕК к выделению ключевых детерминант мирового рынка нефти (данный показатель не отслеживается). Отсутствие такого критерия, как динамика числа буровых установок, объясняется тем, что, данный показатель не обладает свойством корреляции с прочими ключевыми факторами на протяжении изучаемого периода.

Приступая непосредственно к анализу динамики рынка нефти и нефтепродуктов в Африке, в первую очередь необходимо отметить, что для его развития сегментов в последние десятилетия был характерен достаточно высокий уровень несбалансированности, в первую очередь – в плане соотношения экспорта и импорта сырой нефти. На протяжении 1990-2023 годов объем экспорта стабильно превышал размер импорта в физическом выражении в 6-10 раз – в соответствии с таблицей А.1 приложения А. Для сравнения, в глобальных масштабах соотношение экспорта и импорта сырой нефти составляло приблизительно 1:1 – в соответствии с таблицей А.2 приложения А.

При этом динамика прироста двух показателей существенным образом отличалась. Экспорт стабильно увеличивался нарастающими темпами вплоть до 2010 г., за чем последовал период десятилетнего падения показателя. Эта тенденция сменилась трендом к увеличению показателя лишь в начале 2020 годов. Объем импорта также демонстрировал прирост до 2010 г., хотя и не столь масштабный и последовательный. Однако последовавшее сокращение показателя было темпов прироста было заметно меньше, чем в случае экспорта. Более того, в период 2015-2020 годов наметился тренд на постепенное возвращение темпов прироста импорта к положительным значениям, даже несмотря на негативные последствия пандемии. При этом в

2020-2023 годах величина пророст импорта превысила уровень 6,5% – в соответствии с таблицей А.3 приложения А.

Важно отметить, что динамика темпов прироста экспорта и импорта сырой нефти в Африке также заметно отличалась от глобальных показателей. В особенности масштабно это проявляется в рамках изменения показателей за период 2010-2023 годов, когда величина сокращения как импорта, так и экспорта сырой нефти в Африке заметно превысила среднемировые значения. В случае глобального рынка динамика экспорта и импорта коррелируется на уровне 0,96, в то время как на африканском (макрорегиональном) величина показателя равна 0,68 в соответствии с таблицей А.4 приложения А.

Соответственно, для рынка сырой нефти в Африке характерно четко выраженное превалирование экспорта над импортом. Производители соответствующей продукции ориентированы в первую очередь на внешние рынки. Начиная с 2010 г., эта диспропорция постепенно нивелируется. Однако величина разрыва между объемом экспорта и импорта столь велика, что даже при сохранении этой тенденции ее последствия начнут влиять на ситуацию на рынке лишь в долгосрочной перспективе. Динамика экспорта сырой нефти из региона в целом соответствует глобальным трендам (степень корреляции – 0,7091403), в то время как конъюнктура импорта не имеет сильной связи с изменением масштабов ввоза соответствующей продукции на мировом рынке (степень корреляции – 0,5474566) [154].

Это подразумевает, что международные компании, стремящиеся стать участниками процесса экспорта африканской нефти на глобальный и макрорегиональный рынок, имеют достаточный временной лаг, чтобы окупить вложенные инвестиции и получить прибыль. Однако реализация этих задач требует оперативного запуска инвестиционных программ с учетом общей продолжительности их реализации.

Одновременно важно обратить внимание на устойчивый и крупномасштабный рост конечного потребления в Африке таких

нефтепродуктов, как дизельное топливо и бензин на протяжении всего периода 1990-2023 годов.

Так, конечное потребление дизельного топлива в макрорегионе выросло с 1 млн тераджоулей до 3,18 млн [234]. Параллельно наблюдалось увеличение конечного потребления бензина в макрорегионе с 800 тыс. до 2,3 млн тераджоулей.

Рост потребления бензина и дизельного топлива стал возможен в первую очередь за счет последовательного широкомасштабного наращивания импорта нефтепродуктов, позволившего в течение 1990-2023 годов минимизировать диспропорцию между ввозом и вывозом соответствующей продукции. Общий объем экспорта нефтепродуктов из макрорегиона в целом изменился незначительно в течение 30 лет (показатель в целом увеличился на 8,5%), в то время как импорт вырос на 645% – в соответствии с таблицей А.5 приложения А.

Импорт нефтепродуктов в Африку увеличивался опережающими темпами на протяжении почти всего периода 1990-2023 годов, за исключением хронологического отрезка 2015-2020 годов – в соответствии с таблицей А.6 приложения А.

С учетом долгосрочного характера тенденций к увеличению импорта нефтепродуктов и объема конечного потребления бензина и дизельного топлива, мы можем предположить, что инвестиции в создание либо модернизацию нефтеперерабатывающих заводов (далее – НПЗ) в африканском макрорегионе представляются не менее перспективными для российских компаний, чем вложения в налаживание добычи и экспорта сырой нефти.

Указанные перспективы были выявлены на основе анализа долгосрочных трендов. Однако полноценная оценка реализации связанных с ними возможностей требует выявления среднесрочных тенденций.

Также представляется необходимым исследовать динамику показателей, напрямую влияющих на вероятность реализации инвестиционных программ в

ключе приобретения и модернизации реальных активов, необходимых для обеспечения экспортно-импортных операций. К их числу относятся динамика спроса на нефть и нефтепродукты, импорта и экспорта нефти и нефтепродуктов, запасов и добычи нефти, мощности НПЗ, объемов выпуска их продукции. Изучение соответствующих данных также должно стать источником информации о наиболее перспективных странах-партнерах и потенциальных конкурентах на конкретных направлениях инвестиционной активности.

Спрос на нефть и нефтепродукты в пределах африканского рынка в течение 2014-2023 годов увеличился на 427 тыс. баррелей в сутки (10,8%). Последнее подтверждает сделанное ранее предположение о необходимости рассматривать инвестиции в африканские активы в том числе в контексте использования приобретенных ресурсов для удовлетворения спроса внутри самого макрорегиона [234]. Показатель последовательно увеличивался на протяжении всего исследуемого периода, за исключением 2020 г.

Более половины всего спроса на нефть внутри африканского рынка концентрируется в пределах пяти стран, одновременно являющихся ключевыми акторами региона с точки зрения запасов, добычи или переработки нефти. При этом динамика спроса со стороны ключевых стран африканского рынка носит разнонаправленный характер. Наиболее масштабным образом показатель изменился в случае Нигерии (где показатель спроса вырос на треть на фоне крупномасштабного свертывания нефтепереработки) и Экваториальной Гвинеи, показавшей снижение объема спроса почти на треть. Отдельно стоит отметить, что был выявлен достаточно высокий уровень роста спроса за пределами круга стран, играющих ключевую роль на рынке континента. Последнее свидетельствует о том, что инвестиции в производственные активы следует рассматривать в рамках перспективы реализации полученных выгод и за пределами внешних рынков либо рынков основных нефтедобывающих стран региона. Вероятность возникновения

значимого конфликта интересов в данном случае снижает то, что приоритетные рынки нефтедобывающих стран Африки находятся за пределами самого макрорегиона – в соответствии с таблицей А.7 приложения А.

Экспорт сырой нефти и нефтепродуктов из Африки сократился в течение исследуемого периода на 1040 баррелей в сутки (или на 17,7%). Снижение экспорта было обусловлено в первую очередь резким падением показателя в период острой фазы пандемии: без учета данных за 2020 г. средняя величина прироста показателя за год близка к нулевому значению. Таким образом, само по себе сокращение экспорта за обозначенный период не может рассматриваться в качестве повода для ухудшения долгосрочных инвестиционных прогнозов – в соответствии с таблицей А.8 приложения А.

Подавляющее большинство африканских стран-экспортеров нефти в течение исследуемого периода существенным образом сократили объем вывоза сырой нефти и нефтепродуктов. На этом фоне Ливия нарастила объем экспорта почти на 180%. Основную роль в экспорте нефти в макрорегионе играют Ливия, Нигерия, Ангола и Алжир, на долю которых приходится почти 80% африканского экспорта нефти и нефтепродуктов. Отдельно необходимо отметить наличие косвенных признаков значимого инвестиционного потенциала у Конго и Габона, сохранивших значимую долю в структуре макрорегионального экспорта и не демонстрирующих крупномасштабного снижения объемов вывоза нефти и нефтепродуктов – в соответствии с таблицей А.9 приложения А.

Импорт сырой нефти и нефтепродуктов в Африке в течение исследуемого периода сократился на 236,3 тыс. баррелей в день (7,9%).

Показатель сокращался на протяжении большей части исследуемого периода, однако масштабы падения, за исключением 2020 г., были в целом невысокими. Без учета данных за период острой фазы пандемии среднее

значение прироста показателя близко к нулю – в соответствии с таблицей А.10 приложения А.

Блок крупных акторов африканского рынка также концентрирует в своих пределах более 40% импорта. Однако в случае многих из них наблюдается либо существенная отрицательная динамика (что наиболее явно проявляется в случае Алжира, Конго и Анголы). В то же время вне круга стран-олигополистов наблюдается лишь незначительное сокращение импорта, в то время как размер его удельной доли превышает 44%. На основании этого можно предположить, что потенциал «импортного трека» инвестиционной стратегии (связанного с удовлетворением внутреннего спроса африканских стран на нефтепродукты) нельзя полноценно реализовать в рамках логики приоритетного сотрудничества с государствами-лидерами макрорегиона в отраслевом плане – в соответствии с таблицей А.11 приложения А.

Объем запасов нефти в Африке в течение 2014-2023 годов последовательно снижался. Данная тенденция претерпевала изменения лишь в контексте замедления или роста темпов падения. В целом показатель сократился на 8901,89 млн баррелей (-6,96%) [234]. Наибольшее сокращение запасов нефти в Африке было зафиксировано в 2021 г., когда показатель уменьшился сразу на 3,5% по отношению к значению за предшествующий год – в соответствии с таблицей А.12 приложения А.

Мы наблюдаем в Африке концентрацию большей части запасов нефти в пределах нескольких стран: на долю Ливии, Нигерии и Алжира в совокупности приходится более 82% всех резервов нефти на континенте. При этом в пределах прочих нефтедобывающих центров Африки в течение исследуемого периода фиксировалось либо существенное сокращение запасов нефти (как в случае Египта, Анголы и Конго), либо отсутствие их позитивной динамики. Последнее может в долгосрочной перспективе способствовать снижению их конкурентоспособности относительно как государств-лидеров в пределах континента, так и внешних акторов.

Исходя из текущего состояния запасов нефти в Африке, в числе приоритетных направлений реализации инвестиционной стратегии можно выделить в первую очередь Нигерию и Алжир (в силу размера запасов и глубокую интеграцию в экспортный процесс местных экономик), а также Египет (по причине наличия сравнительно развитой системы нефтепереработки наряду с запасами нефти) и Анголу. Высокая степень политической нестабильности в Ливии, наряду с наличием у значимой части ее элит развитых связей с властями США и государств ЕС, ставит под сомнение перспективы попыток осваивать на долговременной основе нефтяные запасы Ливии. Инвестиционную привлекательность Южного Судана в заметной степени снижает то, что логистические маршруты, используемые для транспортировки добытой в стране нефти, находятся под контролем властей Северного Судана, состояние государственности которого уже длительное время характеризует высокая степень нестабильности – в соответствии с таблицей А.13 приложения А.

Объем добычи сырой нефти в Африке сократился почти на 17%, что обеспечило заметный уровень прямой корреляции с динамикой запасов (значение коэффициента равно 0,694586977) [231].

Объем добычи нефти в регионе падал и за пределами периода острой фазы пандемии, однако влияние эпидемии коронавируса в рамках формирования тренда к понижению все же можно оценить как определяющее (без учета показателей 2020 г. среднее значение прироста по региону составляет 0,2% – в соответствии с таблицей А.14 приложения А.

Последнее позволяет предположить, что снижение добычи не было обусловлено структурными причинами, равно как и негативная динамика импорта и экспорта. Это свидетельствует против возможности длительного сокращения инвестиций в освоение новых месторождений и модернизацию старых добывающих объектов. В случае Анголы и Алжира фиксировалось существенное сокращение объемов добычи. Более того, из числа значимых

акторов показали увеличение добычи лишь Ливия и Конго – в соответствии с таблицей А.15 приложения А.

Мощность расположенных в Африке НПЗ сократилась на 180,8 тыс. баррелей в сутки (на 5%). При этом наиболее активно показатель снижался уже после завершения острой фазы пандемии, в период активного восстановления мировой экономики – в соответствии с таблицей А.16 приложения А.

77% мощностей НПЗ в Африке на конец 2023 г. контролировали 4 государства – Египет, Алжир, Ливия и Нигерия. При этом доминирующая роль Египта, Алжира и Нигерии существенно укрепилась в ходе исследуемого периода. Одновременно в течение 2021-2023 годов из числа государств-лидеров континента в отношении объема мощностей НПЗ выпала Южная Африка: объем ее мощностей НПЗ, сопоставимый ранее с Нигерией, сократился более чем в 2 раза. Одновременно произошло сокращение мощностей НПЗ в странах, не входящих в число лидеров отрасли в макрорегионе. В совокупности открывает для инвесторов широкие возможности в плане экспансии на освободившиеся сегменты рынка – в соответствии с таблицей А.17 приложения А.

Производство продукции НПЗ в Африке сократилось в рамках изученного периода на 217,2 тыс. баррелей в сутки (на 9,4%) [234]. При этом снижение показателя отмечалось на протяжении большей части исследуемого периода – в соответствии с таблицей А.18 приложения А.

На долю Алжира, Египта, Южной Африки и Ливии приходится более 83% продукции, выпускаемой НПЗ региона. Большинство ведущих отраслевых государств континента (в первую очередь – Ливия, Ангола и Египет) продемонстрировали существенное увеличение объема продукции НПЗ. Однако в то же время более чем на 90% сократился объем производства в Нигерии (несмотря на прирост промышленных мощностей) и на треть уменьшились показатели ЮАР. При этом за пределами круга

государств-олигополистов также фиксировалось сокращение выпуска продукции НПЗ почти в два раза. Последнее увеличивает потенциал инвестиций в данный сегмент отрасли, однако предполагает необходимость оперативной разработки и реализации соответствующих планов – в соответствии с таблицей А.19 приложения А.

В целом следует признать, что специфика макрорегиональных трендов развития рынка нефти и нефтепродуктов Африки в рамках долгосрочной и среднесрочной ретроспективы свидетельствует о наличии двух потенциально высокоэффективных направлений инвестирования в реальные активы на рынке макрорегиона. Во-первых, речь идет о соинвестировании в качестве одного из операторов проекта в перспективные месторождения, уже используемые либо рассматриваемые в виде объекта разработки компаниями-отраслевыми флагманами ведущих государств экспортеров макрорегиона – Нигерией, Анголой, Алжиром, Габоном и Конго. Также высокой является вероятность роста заинтересованности в расширении числа совместных проектов со стороны руководства Египта, значение которого в качестве центра переработки и экспорта нефти выросло в результате кризиса нефтеперерабатывающей промышленности ЮАР. Потенциально высокоэффективным является партнерство с ливийскими структурами, однако соответствующие решения можно будет вынести на обсуждение не ранее завершения процесса политического трансферта в бывшей Джамахирии. В качестве перспективных рынков сбыта продукции добываемых на инвестиционных объектах нефти можно рассматривать внутри Африки Египет, ЮАР, Нигерию, Алжир, Анголу и Марокко. Также целесообразно рассмотреть возможность вложения в разработку запасов и наращивания добычи нефти на месторождениях, потенциально интересных для импортеров нефти из стран, широко представленных среди инвесторов в ТЭК макрорегиона, но не являющихся участниками конфронтации между Россией и государствами коллективного Запада, то есть Китая, Малайзии и Индии.

Во-вторых, можно ожидать высокий уровень окупаемости проектов, связанных с вложениями в мощности по переработке нефти и производству бензина и дизельного топлива – продуктов, востребованность которых в макрорегионе устойчиво увеличивается в течение последних 30 лет. Ареал перспективных проектов в данном случае охватывает в первую очередь Нигерию, ЮАР, Марокко, Египет, Тунис и Анголу. При этом в первом случае решение задач российских компаний облегчает рост объема мощностей переработки нефти на фоне крупномасштабного сокращения выпуска соответствующей продукции, а во втором – свертывание более чем половины мощностей НПЗ в период пандемии, породившее потребность в наращивании внешних вложений для восстановления отрасли. Однако полноценное использование потенциала высокого спроса стран региона на бензин и дизельное топливо будет возможно лишь при условии активного освоения рынка за пределами стран-лидеров нефтяной отрасли в макрорегионе, поскольку за их пределами генерируется более 40% нефти и нефтепродуктов в Африке.

Перспективность обозначенных направлений для инвестирования обусловлена сочетанием ориентации африканских нефтедобывающей промышленности на обслуживание экспортных потоков, уходящих за пределы континента, с устойчивым ростом потребления странами макрорегиона бензина и дизельного топлива и в целом нефтепродуктов на фоне хронического недоинвестирования африканских нефтеперерабатывающих производств. При этом необходимо отметить, что сами африканские страны, относящиеся к числу макрорегиональных лидеров с точки зрения объема запасов, добычи или мощностей переработки нефти, не обладают ресурсами, достаточными для организации нефтепереработки на должном уровне. В то же время важно подчеркнуть, что запрос на увеличение импорта нефтепродуктов характерен для широкого африканские страны круга африканских стран, что потенциально позволяет компаниям, инвестирующим в создание и

модернизацию НПЗ на континенте, широко диверсифицировать поставки продукции.

2.2 Взаимосвязь между глобальными, макрорегиональными и страновыми трендами развития рынка нефти и нефтепродуктов Африки

Динамика спроса на нефть и нефтепродукты

Приступая к освещению данного вопроса, необходимо отметить, что, во-первых, в рамках данного исследования Россия в контексте глобального рынка нефти и нефтепродуктов будет рассматриваться и как страна, и как отдельный макрорегион (в силу своего особого значения в системе международной торговли нефтью и газом). Во-вторых, здесь и далее постсоветское пространство за пределами России будет обозначаться как «прочая Евразия» в соответствии с устоявшейся терминологией ОПЕК и иных крупных акторов рынка углеводородов.

В течение исследуемого периода мировой спрос на нефть и нефтепродукты устойчиво увеличивался, за исключением острой фазы пандемии коронавируса. Всего на протяжении 2014-2023 годов спрос на нефть и нефтепродукты в глобальных масштабах увеличился на 7078,9 тыс. баррелей в сутки (на 7,7%) [234].

Сохранение высокого спроса на нефть на фоне решения сократить добычу нефти на 2 млн баррелей в день в рамках сделки ОПЕК+ в октябре 2022 г. также будет означать рост интереса инвесторов к реализации новых проектов по добыче нефти в странах и регионах, не охваченных действием соглашения. В случае Африки в данном случае речь идет о Гане, Камеруне, Сенегале, Мозамбике и Египте. Вероятность реализации данного сценария увеличивает то обстоятельство, что к сентябрю 2023 г. страны, участвующие в сделке ОПЕК+, объем добычи на 3,88 млн баррелей в сутки ниже разрешенного им уровня (тем самым выполняя условия соглашения на 305%). Впрочем, полноценная реализация соответствующих возможностей потребует

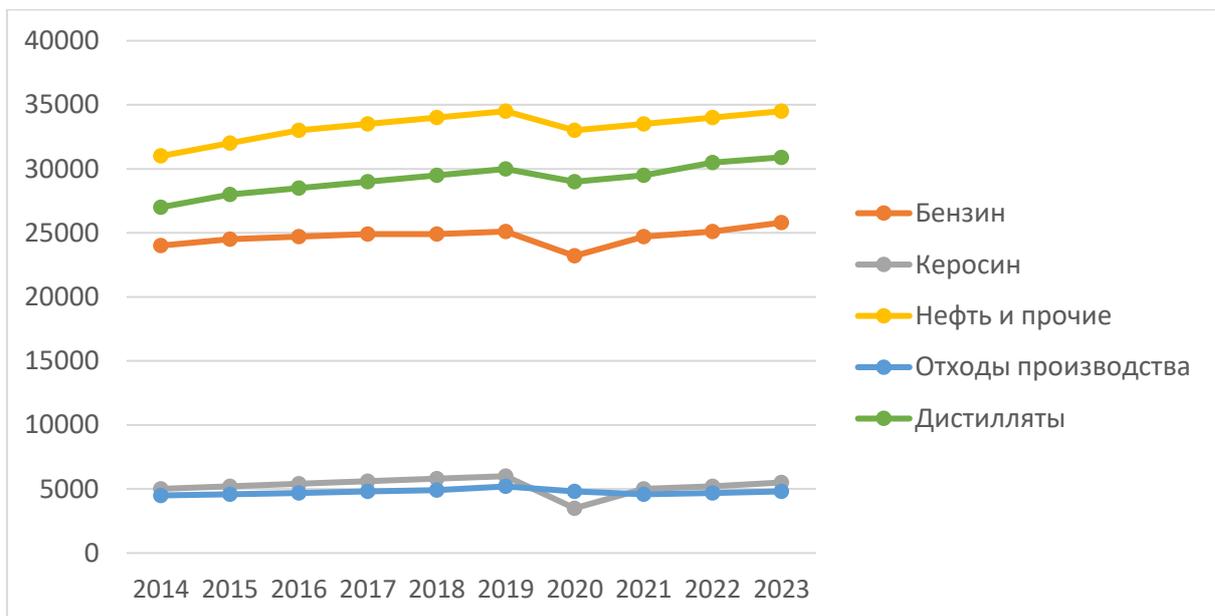
от инвесторов дополнительных вложений в декарбонизацию добывающих и перерабатывающих производств [112].

Несмотря на значительное падение в 2020 г. (более чем на 9%), показатель глобального спроса на нефть фактически восстановился к 2023 г. – в соответствии с таблицей А.20 приложения А.

Рост глобального спроса на продукты нефтепереработки, наряду с постоянно увеличивающимся потреблением бензина и дизельного топлива в Африке, ставит перед государствами макрорегиона задачу существенного увеличения выпуска соответствующей продукции. Данная потребность хорошо осознается элитами африканских государств: выше уже было отмечено, что в ходе переговоров с российскими компаниями и представителями профильных ведомств Российской Федерации делегации из стран макрорегиона проявляли высокий интерес к Downstream- и Midstream-проектам. При этом инфраструктура переработки, транспортировки и хранения нефти в Африке переживает кризис недоинвестирования: как было указано в предшествующем параграфе, в течение 2014-2023 годов объем производственных мощностей НПЗ в странах Африки сократился на 4%, а объем выпускаемой продукции – на 9,4%. В сложившейся ситуации особую потребность в получении дополнительных инвестиций испытывают наиболее пострадавшие из-за кризиса ЮАР и Нигерия. В то же время наблюдается увеличение мощностей и производительности НПЗ в случае Египта и Алжира, выступающих в роли основных бенефициаров кризиса нефтепереработки в макрорегионе. В зависимости от стратегии, избранных российскими компаниями, аффилированные с властями Алжира и Египта корпорации могут выступить и как основные конкуренты, и как ключевые партнеры инвесторов из Российской Федерации. При этом выбор в пользу выстраивания инвестиционного партнерства со странами Северной Африки предполагает обеспечение большего уровня физической безопасности объектов

инвестирования. В то же время необходимо учитывать, что текущая стратегия развития крупных западных нефтяных компаний, работающих на африканском рынке, предполагает избавление от активов в Субсахарской Африке и концентрацию на освоении рынков стран Магриба. То есть попытки инвестирования в нефтепереработку Алжира и Египта будут предполагать а priori наличие высокой конкуренции.

Наибольшим спросом, согласно рисунку 2, на рынке пользовались собственно сырая нефть, ее дистилляты и бензин.



Источник: составлено автором по материалам [231].

Рисунок 2 - Динамика мирового спроса на нефть и нефтепродукты по категориям в период 2014-2023 годов

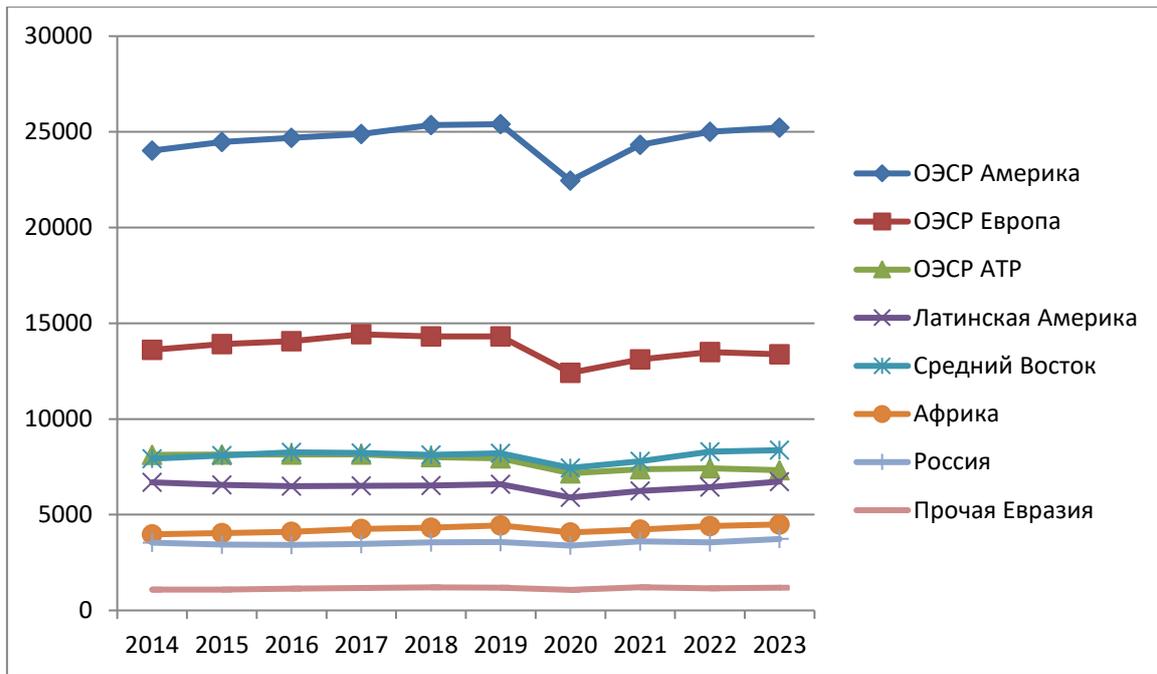
В наибольшей степени с общим глобальным трендом спроса на нефть и нефтепродукты коррелировалась потребность бензине и дистиллятах (теснота связи носила высокий и весьма высокий характер соответственно). Последнее потенциально может служить источником дополнительных затрат и рисков для инвесторов. Как уже было отмечено выше, для рынка Африки характерен перманентный рост потребления бензина и дизельного топлива. Однако для внешних рынков также характерен высокий уровень спроса на соответствующую продукцию. При этом платежеспособность потребителей на рынках Европы или Северной Америки заметно выше, чем в африканском

макрорегионе. В этих условиях наиболее выгодной представляется реализация продукции, произведенной на африканских НПЗ, за пределы континента. Однако существует вероятность того, что местные власти, следуя принципам политики «ресурсного национализма», будут прямо или косвенно принуждать инвесторов, вложившихся в модернизацию нефтеперерабатывающих производств, сбывать значительную часть продукции на внутреннем рынке, в том числе – на льготных условиях. Впрочем, возникновение соответствующих рисков возможно лишь в случае отказа государств Европы и Северной Америки от активного внедрения и развития инструментов, аналогичных пограничному углеродному налогу Евросоюза, либо при условии достаточных вложений инвесторов в декарбонизацию перерабатывающих производств – в соответствии с таблицей А.21 приложения А.

В течение исследуемого периода структура спроса изменилась лишь незначительно: потребность в нефти выросла приблизительно на 2,7%, в то время как динамика спроса на прочие виды продукции измерялась в пределах от 0,1% до 0,9% – в соответствии с таблицей А.22 приложения А.

В роли основных рынков с точки зрения объемов спроса на нефть и нефтепродукты выступали зоны ОЭСР в Америке, Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР), а также Средний Восток. Последнее предполагает, что сбыт продукции, полученной в результате инвестирования российскими компаниями в африканские проекты, может быть заметно ограничен на наиболее емких международных рынках. Так, как было отмечено выше, избежать санкций и присутствовать на рынках ОЭСР Америки смогут лишь продукты, произведенные с участием российских компаний, являющихся миноритарными партнерами, обладающими долей участия ниже 33% и/или вовлеченных в проект на основе соглашения о разделе продукции. При этом уровень конкуренции на соответствующих рынках существенно вырастет, поскольку покидающие Субсахарскую Африку ведущие западные компании намерены сфокусироваться в том числе на

инвестировании в сланцевую нефтедобычу в Северной Америке и планируют нарастить сбыт продукции в Европе, как уже было отмечено выше. Также сохранение конкурентоспособности африканской нефти на североамериканском и европейском рынках может потребовать от инвесторов дополнительных вложений в декарбонизацию проектов. В качестве потенциально перспективного внешнего рынка можно обозначить Латинскую Америку. В период 2014-2023 годов в данном регионе добыча нефти снизилась на 17,1%, или на 1255 тыс. баррелей в сутки. В то же время, согласно рисунку 3, спрос на нефть и нефтепродукты в Латинской Америке за аналогичный период сократился на 254,7 тыс. баррелей в сутки или на 3,8%. При этом по большей части падение показателя было обусловлено последствиями острой фазы пандемии. С 2021 г. спрос на нефть и нефтепродукты в регионе растет в среднем на 4,4% в год. Наиболее интенсивно спрос на нефть и нефтепродукты растет в Колумбии (за 8 лет показатель увеличился на 20%). В то же время в Колумбии мощности НПЗ устойчиво увеличиваются, несмотря на падение объемов добычи почти на 24% и достаточно ограниченные запасы нефти. В случае Бразилии объем спроса за 2014-2023 годы увеличился сравнительно мало, однако необходимо учитывать, что именно ее экономика генерирует 50% спроса на соответствующую продукцию в регионе. Одновременно объем добычи нефти в государствах региона, не относящихся к числу лидеров отрасли, уменьшился на треть при увеличении спроса на 9%. Следует учесть также то, что в настоящее время нефтедобывающие компании США ориентированы преимущественно на освоение европейского рынка и удовлетворение внутреннего спроса. «Окно возможностей» для сбыта африканской продукции российских инвесторов создает также длительная стагнация нефтяной промышленности Венесуэлы, прежде являвшейся доминирующим актором в рамках данной отрасли в регионе (на территории указанной страны концентрируется свыше 90% запасов нефти в Латинской Америке) [231].



Источник: составлено автором на основе данных [231].

Рисунок 3 - Динамика спроса на нефть и нефтепродукты на макрорегиональном уровне в период 2014-2023 годов

В наибольшей степени развитию тенденций спроса на глобальном рынке соответствовала динамика ситуации в Африке, зоне ОЭСР Америки, постсоветском пространстве за пределами России и Среднем Востоке (степень тесноты связей менялась в зависимости от региона от высокой до весьма высокой) – в соответствии с таблицей А.23 приложения А.

Последнее свидетельствует о том, что в плане устойчивости роста спроса на нефть и нефтепродукты Африка опережает даже зоны ОЭСР Америки и Европы. Что подтверждает наличие достаточно высоких перспектив успешного сбыта продукции, полученной в рамках реализации инвестпроектов в Африке, на внутреннем рынке данного макрорегиона. Потенциально к числу перспективных и приоритетных рынков сбыта продукции, полученной на африканских месторождениях и НПЗ, можно отнести Северную Америку, Европу и Средний Восток. При этом важно учитывать, что в отсутствие вложений в декарбонизацию добычи африканская нефть и нефтепродукты могут постепенно утратить конкурентоспособность на рынке Европы. В целом роль перспектив сбыта африканской нефти на рынки

конкретно Китая и Индии не должна недооцениваться. Согласно оценкам Международного энергетического агентства, на 2021 г. свыше 25% нефти, добываемой компаниями КНР за рубежом, поступает на рынок Китая из Африки [121]. По данным Таможенного управления КНР за первую половину 2023 г., одним из 10 основных поставщиков нефти на рынок Китая является Ангола, причем объемы поставок из этой африканской страны превысили размер импорта нефти из США [226]. Африка остается лишь шестым по значимости макрорегиональным рынком, однако, в отличие об более крупные сегменты глобального рынка, она демонстрирует рост, а не падение спроса на нефть и нефтепродукты – в соответствии с рисунком А.1 приложения А.

Динамику ситуации внутри корпуса стран-лидеров с точки зрения показателей спроса отличает существенный прирост показателя в случае Китая, США и Индии на фоне его снижения в Японии – в соответствии с рисунком А.2 приложения А [231].

Приведенная информация подтверждает наличие высоких перспектив с точки зрения сбыта африканской нефти в Китае и Индии в рамках рынка АТР. Также представляется обоснованным обозначить в качестве перспективных рынков сбыта Бразилию, Южную Корею и Индонезию.

При расчете темпов прироста спроса на нефть автором использовалась формула (1)

$$TP = Пт / Пб \times 100\%, \quad (1)$$

где $Пк$ – показатель значений спроса текущего периода;

$Пб$ – показатели значений спроса базового периода.

Позитивные значения темпов прироста показателя в течение исследуемого периода отмечаются в случае 37 стран. В наибольшей степени данная тенденция проявилась в случае Филиппин, Польши, Туркменистана,

Катара, Китая, Болгарии, Турции, ОАЭ, Нигерии и Индии – в соответствии с таблицей А.24 приложения А.

В среднесрочной перспективе часть продукции, производимой за счет реализации российских инвестпроектов, может реализовываться на рынках африканских стран, испытывающих трудности с насыщением собственного рынка нефти и нефтепродуктов из-за ограничений, наложенных участием в сделке ОПЕК+, и состоянием собственных мощностей нефтепереработки (Нигерии, Габона, Анголы, Республики Конго).

Отрицательные значения темпов роста спроса на нефть и нефтепродукты фиксируются в случае 21 страны. Наиболее интенсивно показатель снижался в случае Венесуэлы, Экваториальной Гвинеи, Украины, Японии, Эквадора, Ливии, Франции, Сирии, Великобритании и Германии – в соответствии с таблицей А.25 приложения А.

Снижение спроса на нефтепродукты в Тунисе, Египте и Южной Африке можно оценить как умеренное и оказывающее относительно слабое воздействие на динамику макрорегионального рынка. В то же время снижение данного показателя в Ливии и Экваториальной Гвинее (странах-членах ОПЕК) носит существенный характер. Однако данное обстоятельство вряд ли ощутимо скажется на привлекательности ливийских проектов для инвесторов. Снижение спроса на нефть и нефтепродукты в Ливии сопровождалось резким увеличением их экспорта (почти на 180%). Ситуация с падением спроса в Экваториальной Гвинее также слабо отразится на ее инвестиционной привлекательности: нефтяная промышленность этой страны ориентирована преимущественно на обслуживание экспорта. По данным ОПЕК за 2023 г., на долю Экваториальной Гвинеи приходится менее 0,2% спроса на нефть и нефтепродукты в масштабах Африки, и в то же время эта страна обеспечивает 1,7% их экспорта из макрорегиона.

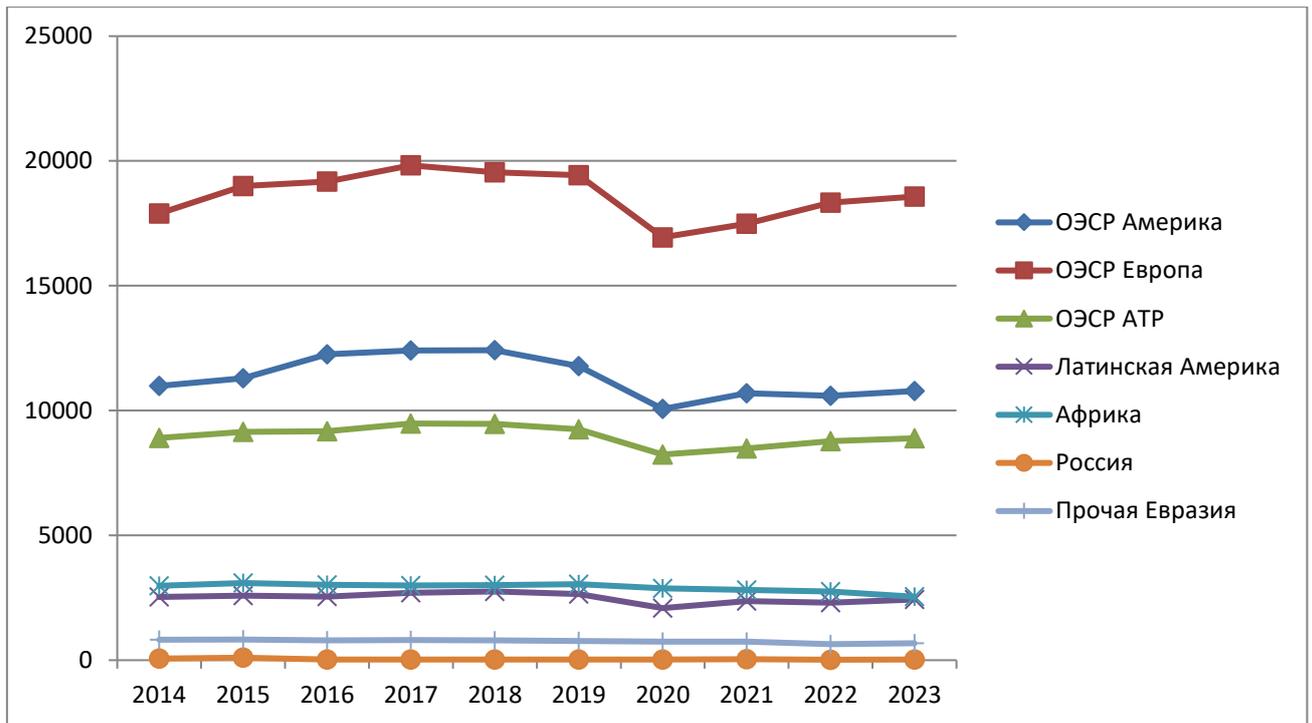
Динамика импорта и экспорта нефти и нефтепродуктов на глобальном уровне

Объем импорта нефти и нефтепродуктов в течение исследуемого периода увеличился на 5582,7 тыс. баррелей в сутки (на 8,3%) [231]. На протяжении исследуемого периода показатель устойчиво рос, за исключением периода 2019-2020 годов – в соответствии с таблицей А.26 приложения А. Указанные тренды можно оценить как в целом благоприятствующие реализации инвестиционных проектов по добыче и переработке нефти в Африке.

Наличие значимой корреляции между импортом нефти и нефтепродуктов и такими показателями, как уровень добычи сырой нефти и производительность НПЗ косвенно указывает на возможность возникновения проблем со сбытом произведенной инвесторами продукции внутри рынка макрорегиона. Однако в равной степени вероятна и реализация обратного сценария в случае, если инвесторы будут активно вкладываться в переработку нефти (на это указывает высокая корреляция импорта и спроса на нефть и нефтепродукты, в структуре которых для Африки ключевое значение имеют бензин и дизельное топливо).

Крупнейшими рынками импорта нефти и нефтепродуктов согласно рисунку 4 стабильно оставались зоны ОЭСР в Европе, Америке и АТР. Последнее косвенно указывает на то, что африканские страны-лидеры отрасли могут быть ориентированы на сбыт продукции в первую очередь на рынках Северной Америки, ЕС, что может благоприятствовать сбыту продукции российских инвесторов как внутри Африки, так и на альтернативных рынках – в странах АТР, в первую очередь – в Индии и Китае, а также Латинской Америки.

В случае России и Африки наблюдалась умеренная заметная корреляция показателей импорта нефти – в соответствии с таблицей А.27 приложения А.



Источник: составлено автором на основе данных ОПЕК [231].

Рисунок 4 – Динамика импорта нефти и нефтепродуктов по макрорегионам в период 2014-2023 годов

В структуре корпуса стран-лидеров по объему импорта наиболее заметным изменением стало резкое увеличение показателей КНР (вытеснившей США с первой позиции в рейтинге) и Индии. В рамках совместных проектов с компанией Eni также возможно увеличение поставок продукции в Италию при условии делегирования партнеру функции по реализации – в соответствии с рисунком А.3 приложения А.

В случае 28 стран по итогам исследуемого периода был зафиксированы положительные значения темпов прироста импорта. Наиболее масштабно это проявилось в случае Ирана, Мексики, Китая, Малайзии, Хорватии, Болгарии, Румынии, Турции, Индии и Филиппин. Среди упомянутых стран в качестве перспективных рынков сбыта африканской нефти можно выделить Индию и Мексику (несмотря на особые отношения с США до сих пор реализующую совместные проекты с компанией «Лукойл») [91]. Из числа африканских стран, способных выступить в качестве рынков сбыта, можно отметить

Марокко и Тунис, в разрезе торговли нефтепродуктами – Нигерию – в соответствии с таблицей А.28 приложения А.

В то же время была отмечена отрицательная динамика темпов прироста показателя в случае 23 стран. В наибольшей степени эта тенденция проявилась в случае Кувейта, Катара, Алжира, Конго, России, Южной Африки, Белоруссии, Экваториальной Гвинеи и Анголы.

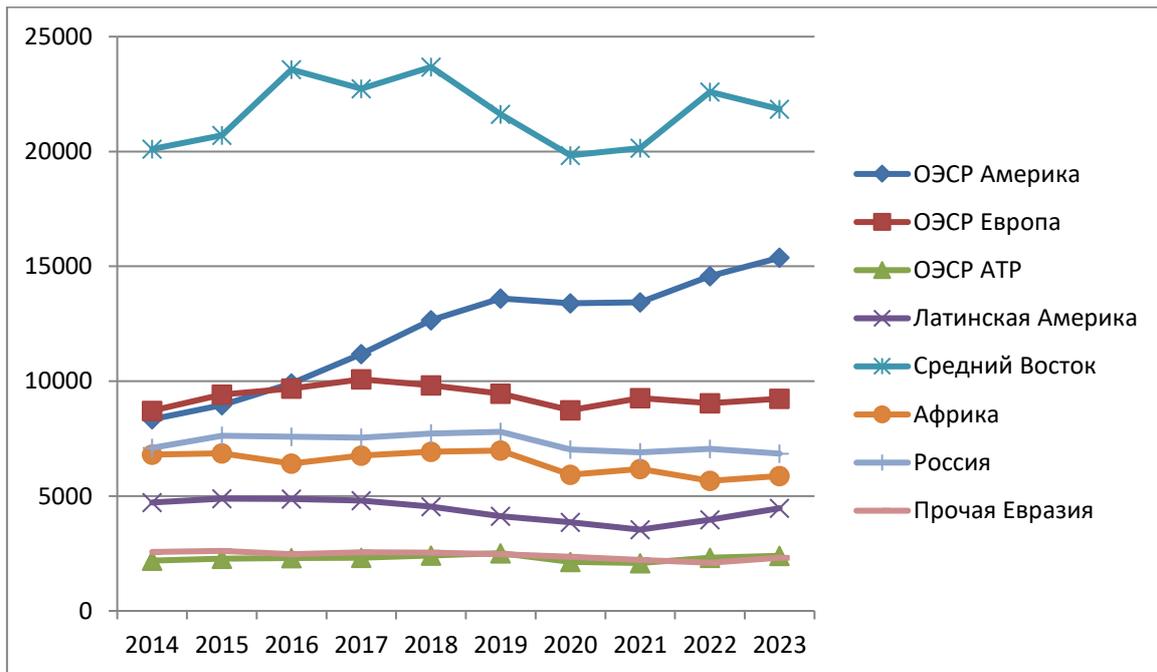
Последнее позволяет предположить, что в случае Алжира, Конго, ЮАР, Экваториальной Гвинеи, и Анголы предпочтение желательно отдавать инвестиционным проектам, изначально ориентированным на сбыт продукции на внешних рынках. Значимое снижение импорта нефти Бразилией (на уровне 10%) ставит под сомнение перспективы использования ее рынка в рамках сбыта полученной инвесторами продукции на альтернативных площадках – в соответствии с таблицей А.29 приложения А.

Объем экспорта нефти и нефтепродуктов увеличился на глобальном рынке на 10,5%, опережая рост импорта – в соответствии с таблицей А.30 приложения А.

В случае динамики экспорта мы фиксируем слабую корреляционную связь с изменением объема доказанных запасов (0,016614), заметную – с уровнем добычи (0,534839), умеренную – с показателем мощности НПЗ (0,426266), высокую – с факторами производительности нефтеперерабатывающих предприятий (0,834518), спроса (0,822468) и импорта (0,98135985).

Последнее дает основание предположить, что сокращение импорта и производительности НПЗ в Африке в течение исследуемого периода может способствовать снижению объема экспорта нефти и нефтепродуктов макрорегионе в обозримой перспективе. В то же время возможность реализации данного прогноза нивелирует рост спроса на нефть и нефтепродукты в Африке.

Крупнейшими сегментами глобального рынка нефти и нефтепродуктов с точки зрения экспорта согласно рисунку 5 остаются Средний Восток, зона ОЭСР Америки и Европы. При этом наибольшая позитивная динамика наблюдалась в течение исследуемого периода именно в случае стран ОЭСР Америки. Роль Африки, напротив, последовательно снижалась после начала пандемии.



Источник: составлено автором на основе данных ОПЕК [231].

Рисунок 5 – Динамика экспорта нефти и нефтепродуктов по макрорегионам (тыс. баррелей в сутки) за период 2014-2023 годов

Одной из ключевых тенденций развития рынка нефти в течение исследуемого периода стало существенное увеличение удельной доли экспорта в рамках зоны ОЭСР Америки. Последнее косвенно указывает на то, что, даже несмотря на высокую себестоимость добычи сланцевой и битумной нефти, роль соответствующей продукции в мировой торговле нефтью значительным образом увеличилась. С учетом того, что данная тенденция развивалась в течение длительного времени, а крупнейшие международные компании демонстрируют намерение и дальше вкладываться в этот сегмент рынка, можно предположить, что в обозримом будущем процесс перетока

инвестиций из Субсахарской Африки в Северную Америку и страны Магриба получит развитие – в соответствии с рисунком А.4 приложения А.

Резкое увеличение объема экспорта нефти США, наряду с существенным ростом показателя в случае Ирака, Канады и ОАЭ, вместе с влиянием политического и экологического факторов ставит под вопрос перспективы сбыта африканских углеводородов как минимум на двух основных рынках сбыта – в Европе и Северной Америке. Это должно подтолкнуть инвесторов к поиску альтернативных рынков сбыта полученной продукции и ее структурной диверсификации.

Параллельно следует отметить значительное сокращение экспорта нефти в Конго, Габоне, Алжире, Египте, Анголе, Нигерии и Экваториальной Гвинее. Последнее можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу расширения инвестиционного сотрудничества с нефтедобывающими странами Африки, не являющимися участниками ОПЕК – в соответствии с таблицей А.31 приложения А.

Динамика глобальных запасов нефти

При обращении к вопросу о состоянии глобального рынка нефти, также необходимо проанализировать динамику объема доказанных запасов сырой нефти. В соответствии с данными ОПЕК, в течение исследуемого периода общий прирост показателя составил 73934,2 млн баррелей, или 4,96% от его первоначальной величины [102].

Однако вопрос о потенциале разработке новых запасов нефти во многом будет зависеть от такого фактора, как себестоимость добычи барреля. В случае сланцевой нефти США этот показатель, по данным за октябрь 2023 г., составлял 32 долл. США. Себестоимость добычи барреля битумной нефти в Канаде составляла 16 долларов. Добыча одного барреля в Саудовской Аравии оценивалась в 4 доллара, в Иране – в 5, в Ливии – 7, в Алжире – 8, в Нигерии – 11. В этих условиях, вероятнее всего, стратегию ведущих зарубежных нефтяных компаний по фокусированию ресурсов на инвестиционных

проектах в Северной Америке будут дополнять вложения в разработку новых месторождений на Среднем Востоке и в Северной Африке, что позволит минимизировать убытки, связанные с высокой себестоимостью добычи сланцевой и битумной нефти. При этом уход западных инвесторов откроет для российских компаний доступ к разработке месторождений, для которых характерна более низкая себестоимость добычи, чем в случае запасов на территории России. Для сравнения, себестоимость добычи барреля в России на старых месторождениях составляла 28 долларов, на новых – 16 долларов. Лишь в случае ограниченного числа наиболее перспективных месторождений значение показателя составляет 6 долларов [230].

С учетом роста глобального спроса на нефть и нефтепродукты, соотношения себестоимости добычи нефти в России и в странах Африки и высокого уровня конкуренции на рынке Среднего Востока ограниченность доказанных запасов нефти в Российской Федерации выступает в качестве фактора, прямо обуславливающего необходимость расширения доступа российских компаний к месторождениям нефти в Африке в долгосрочной перспективе.

Существенное сокращение доказанных запасов нефти в странах Африки за обозначенный период следует рассматривать в первую очередь как показатель низкого качества и неравномерности геологоразведки во многих странах африканского макрорегиона, в первую очередь – в Субсахарской зоне, что свидетельствует о необходимости минимизировать инвестиционные риски за счет выбора в качестве объектов вложения месторождений, потенциал которых уже был вскрыт и подтвержден ранее с участием иных компаний, давно присутствующих на африканском рынке и готовых совместно с партнерами из России вкладывать средства в его освоение.

Снижение общего уровня запасов нефти в Африке сопровождалось стабилизацией либо существенным сокращением данного показателя в случае стран, относящихся к числу лидеров отрасли в регионе. Последнее, впрочем,

не отразилось существенным образом на динамике спроса, а также экспортно-импортных операций. Как уже было отмечено, без учета влияния пандемии показатели вывоза и ввоза нефти и нефтепродуктов в Африке демонстрируют почти нулевую динамику в течение исследуемого периода.

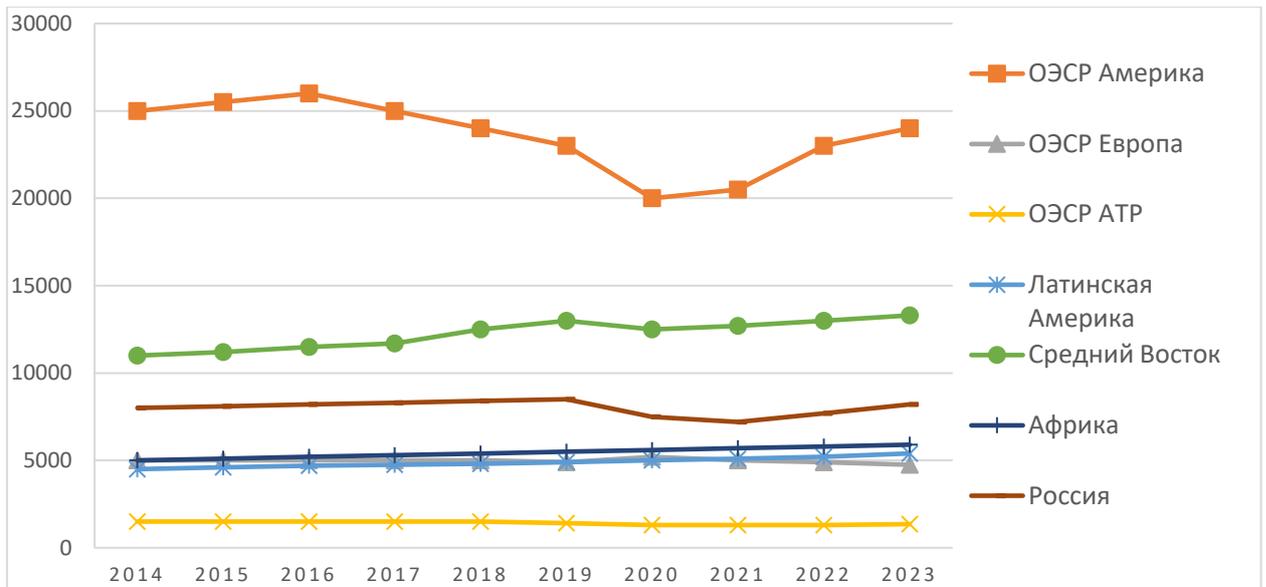
Динамика добычи сырой нефти

В течение 2014-2019 годов объем добычи сырой нефти в масштабах глобального рынка согласно рисунку 6 менялся в рамках неустойчивого тренда к росту. Масштабное снижение показателя в период острой фазы пандемии коронавируса (более чем на 8%) носило кратковременный характер и сменилось тенденцией к восстановлению. В итоге к 2022 г. объем добычи почти вернулся к значению на начало периода наблюдений. Всего за исследованный период объем добычи сократился на более чем 340 тыс. баррелей в сутки (0,5%).

Динамика уровня добычи нефти продемонстрировала заметную обратную корреляцию с изменением объема запасов (значение коэффициента – 0,567555012). Последнее может служить основанием для гипотезы, что сокращение объема запасов оказывает ограниченное воздействие на стратегию добывающих компаний в среднесрочной перспективе.

Можно предположить, что наиболее масштабно объем добычи менялся под воздействием внеэкономических факторов – пандемии коронавируса (-8,06% в 2020 г.) и роста международной напряженности в результате эскалации международного конфликта на Украине (+4,98%) [231].

В рамках динамики ситуации на макрорегиональном уровне в количественном выражении наибольшее сходство с трансформацией глобального тренда продемонстрировали Средний Восток и государства ОЭСР Америки, то есть зоны наиболее масштабной добычи сырой нефти. В случае Африки, как уже было отмечено, наблюдалось значительное сокращение объема добычи, обусловленное преимущественно влиянием пандемии.



Источник: составлено автором на основе данных ОПЕК [231].

Рисунок 6 – Динамика добычи сырой нефти на макрорегиональном уровне (тыс. баррелей в сутки) в период 2014-2023 годов

Однако высокий уровень прямой корреляции глобального и макрорегионального трендов фиксируется лишь в случае России, Среднего Востока и Африки. Заметная прямая корреляция с глобальными тенденциями добычи сырой нефти присутствует также в Латинской Америке и на постсоветском пространстве за пределами Российской Федерации. Все это дает основания предполагать, что поведение добывающих компаний, относящихся к зоне ОЭСР Америки, не определяло развитие глобального тренда, а являлось во многом реакцией на его динамику. Основные тенденции в сфере добычи нефти на глобальном уровне определяла позиция акторов Среднего Востока, Африки и России. Последнее косвенно облегчает задачу прогнозирования инвестиций в сегмент добывающих проектов в Африке, поскольку тенденции его развития в целом соответствуют глобальным трендам [231].

На уровне отдельных стран наибольшие темпы прироста добычи в рамках исследуемого периода продемонстрировали Ливия, Ирак, Сирия, США, Бразилия, Норвегия, ОАЭ, Аргентина, Саудовская Аравия, Конго, и Казахстан. В данном случае интересно отметить, что экспорт Ливии в течение исследуемого периода рос опережающими темпами относительно добычи, что

косвенно указывает на заинтересованность в привлечении инвестиций для увеличения объемов извлекаемых из природы энергоносителей. При этом в случае Конго мы фиксируем значимый рост добычи на фоне сокращения экспорта. Последнее можно объяснить либо ростом заинтересованности в использовании нефти для внутренних нужд, включая ее переработку, либо ростом потерь продукции в силу воздействия факторов риска. В течение исследуемого периода Конго существенно сократила объем импорта нефти и нефтепродуктов, и в то же время НПЗ страны увеличили выпуск продукции более чем на 4%. Данная ситуация свидетельствует о наличии у властей Конго заинтересованности в частичном перетоке инвестиций из добывающих проектов в обрабатывающие, хотя Upstream-проекты по-прежнему определяют развитие отрасли в данной стране.

В случае Африки значимое падение добычи показателя продемонстрировали также Габон, Алжир, Камерун, Чад, Египет, Ангола, Экваториальная Гвинея. Как уже было отмечено, целый ряд стран Африки с отрицательными темпами прироста добычи в рамках исследуемого периода выступили в качестве площадок для успешных вложений российских нефтяных компаний (в частности, Камерун и Нигерия).

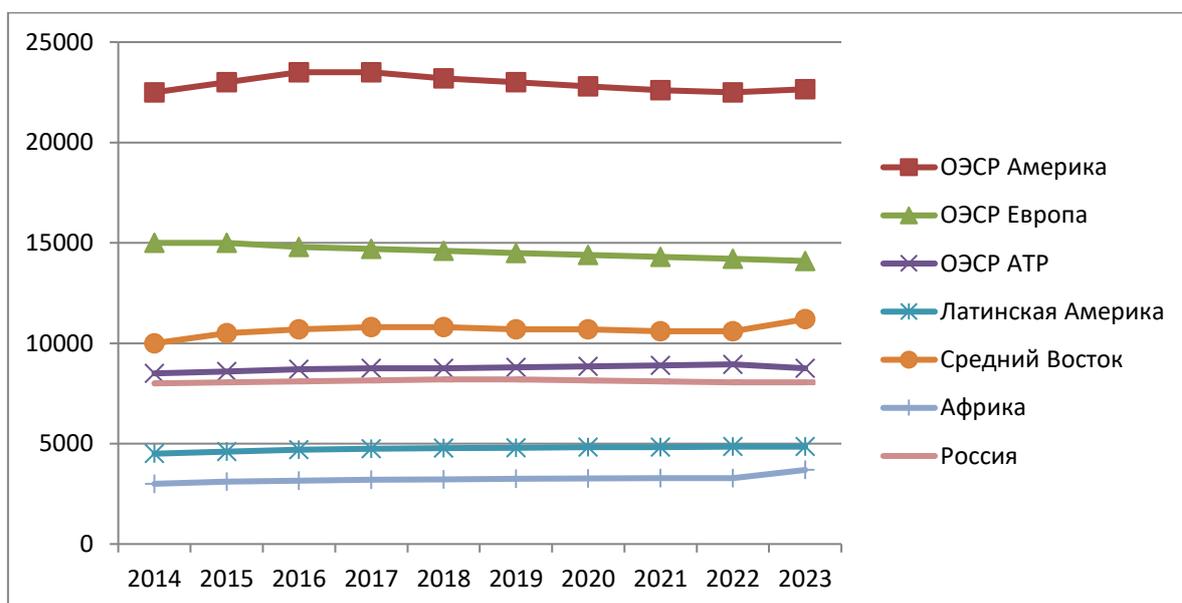
В странах, выступающих в качестве лидеров с точки зрения темпов роста запасов, в течение периода 2014-2023 годов наблюдалась достаточно высокая дифференциация в плане изменения динамики добычи. Корреляционный анализ двух множеств показывает, что степень прямой взаимосвязи двух процессов в упомянутых государствах носит умеренный характер (значение коэффициента равно 0,334615144) [231].

Динамика мировых мощностей НПЗ

В течение исследуемого периода мощность мировых нефтеперерабатывающих заводов увеличилась на 5571,1 тыс. баррелей в сутки (5,8%) [231]. При этом показатель продемонстрировал высокий уровень прямой корреляции с динамикой мировых запасов нефти (значение

коэффициента равно 0,86586645). Одновременно была вскрыта умеренная обратная корреляция показателя с объемом добычи нефти (-0,42898641).

В разрезе конкретных макрорегионов согласно рисунку 7 обращает на себя внимание то, что тенденция к увеличению мощности НПЗ прослеживается лишь в случае стран Среднего Востока и России. С учетом постоянно растущего спроса на нефтепродукты в Африке это создает инвестиционные возможности в плане вложений в Downstream-проекты в макрорегионе.



Источник: составлено автором на основе данных ОПЕК [231].

Рисунок 7 – Динамика мощности НПЗ по макрорегионам (тыс. баррелей в сутки) в период 2014-2023 годов

Наибольшее сокращение мощности НПЗ можно отметить в случае постсоветского пространства за пределами Российской Федерации (показатель уменьшился почти на 26%). В случае ОЭСР Европы и АТР, а также Африке мощность НПЗ уменьшилась в пределах от 4% до 5,6% [231].

В отношении темпов роста мощности НПЗ в число стран-флагманов по результатам за исследованный период вошли Египет, Алжир и Нигерия, что косвенно указывает на заинтересованность властей этих стран в привлечении инвестиций в данный сегмент отрасли.

В состав группы стран с нулевым уровнем прироста за 2014-2023 годы вошел ряд традиционно влиятельных акторов на мировом рынке нефти, в том числе – Венесуэла, Мексика, Ливия и Ангола (вышла из ОПЕК в 2023 г.). В случае Республики Конго, Ливии, Анголы и Габона это может свидетельствовать о том, что стратегия развития отрасли в этих странах будет выстраиваться (по крайней мере, в среднесрочной перспективе) на основе прежней модели, парадигма которой предполагает приоритетность поставок сырой нефти на внешние рынки, в первую очередь – за пределы макрорегиона.

Мощности нефтепереработки в Южной Африке сократились почти на 60%, что создало значительную свободную нишу на рынке макрорегиона (на долю ЮАР в 2014 г. приходились более 12% от мощности НПЗ в Африке).

В то же время следует отметить, что почти все государства, входящие в число лидеров по доказанным запасам нефти (включая Нигерию), активно наращивали мощности НПЗ [231]. Равным образом позитивная динамика темпов роста мощности НПЗ была характерна для 10 из 15 ведущих добывающих государств.

Динамика производства на НПЗ

Уровень производства на НПЗ стабильно увеличивался на протяжении исследуемого периода, за исключением острой фазы пандемии коронавируса. В целом данный показатель увеличился по итогам 2014-2023 годов на 3295,7 тыс. баррелей в сутки или 4% [231]. Наиболее активно показатель увеличивался в 2021-2022 годах в рамках тренда к восстановлению допандемийной динамики.

Анализ показал почти полное отсутствие корреляции между динамикой запасов нефти и изменением объемов производства продукции НПЗ (коэффициент корреляции 0,004496449). В то же время наблюдается высокая степень прямой корреляции производства на НПЗ с масштабами добычи (0,717284697).

Обращение к данным о динамике ситуации в основных макрорегионах показывает, что развитие глобального тренда определяет в первую очередь развитие трех ключевых рынков – Америки и Европы, а также Среднего Востока [231].

Это подтверждает анализ корреляции глобального тренда с макрорегиональной динамикой. В случае ОЭСР Америки и Европы, Среднего Востока и Латинской Америки фиксируется высокая степень прямой корреляции с общемировой динамикой. В случае Африки степень силы корреляционных связей можно оценить как слабую: при постоянном росте спроса на нефтепродукты их производство не увеличивалось, в первую очередь – в силу дефицита инвестиций.

Динамику положения дел в разрезе макрорегионов характеризует в первую очередь снижение масштабов производства НПЗ во всех регионах, за исключением Среднего Востока. Наиболее масштабно сократилось производство на НПЗ в Латинской Америке (более чем на 29,7%). При этом наиболее активный прирост показателя (без учета влияния пандемии) отмечен в случае Северной Америки, Европы и Среднего Востока. Снижение доли Африки можно оценить как в целом незначительное, однако в относительных масштабах, с учетом роста спроса на нефтепродукты в регионе, оно может конвертироваться в существенный рост потребностей в инвестициях в НПЗ уже в среднесрочной перспективе [231].

Существенное увеличение производства нефтепродуктов в Ливии и Анголе вызывает вопросы относительно долгосрочных перспектив данного процесса: обе страны значительно нарастили выпуск продукции, но не стали увеличивать объем соответствующих обрабатывающих мощностей. Египет существенно нарастил объем нефтепереработки в отсутствие прироста запасов, на фоне сокращения добычи более чем на 21%. Последнее, вероятнее всего, будет подталкивать власти этой страны к поиску новых партнеров для запуска Upstream-проектов.

В то же время в случае 23 стран были зафиксированы отрицательные темпы прироста показателя. В том числе существенное снижение темпов увеличения продукции НПЗ было отмечено в Бразилии, Сингапуре, Японии, Мексике, Венесуэле и Нигерии.

На основании этих данных можно констатировать наличие структурного кризиса в нефтеперерабатывающей промышленности ЮАР и Нигерии, который не может быть разрешен без участия внешних акторов. При этом в последнем случае, вероятнее всего, речь идет также о существенной переориентации размещения добывающих производств и транспортной инфраструктуры.

Анализ динамики ситуации в государствах, занимающих лидирующие позиции с точки зрения запасов нефти, показал, что динамика производственных мощностей НПЗ и изменение масштабов выпуска их продукции коррелируются лишь умеренным образом (значение соответствующего коэффициента равно 0,494747058). Корреляция упомянутых показателей среди государств, лидирующих в плане добычи нефти, является лишь чуть более выраженной (значение коэффициента равно 0,543307525). В случае Анголы мы наблюдаем те же тенденции развития, что и в случае Ливии и Алжира [231].

Таким образом, как показало исследование, в течение 2014-2023 годов в глобальных масштабах такие показатели, как спрос на нефть и нефтепродукты, а также их импорт существенно увеличились. Одновременно увеличились размер доказанных запасов нефти, мощность и выпуск продукции НПЗ. Объем добычи сырой нефти сократился, но лишь незначительно. Это свидетельствует о том, что, несмотря на пессимистические прогнозы относительно роли углеводородов в структуре мирового ТЭКа, в долгосрочной перспективе нефть сохранит статус товара с высоким платежеспособным спросом. Это обеспечит сохранение интереса инвесторов

к реализации новых проектов по ее разведке, добыче, транспортировке и переработке.

Исследование также позволило установить наличие высоких и очень высоких корреляционных связей между такими показателями, как:

- спрос на нефть, импорт и выпуск продукции нефтеперерабатывающих заводов;
- объем доказанных запасов и динамика мощности НПЗ.

Развитие рынка нефти и нефтепродуктов Африки заметно отличалось от обозначенных тенденций. Высокая степень прямой корреляции глобального и макрорегионального трендов была отмечена лишь в случае динамики спроса и добычи. Последнее свидетельствует о том, что, вероятнее всего, нефть продолжить играть существенную роль в развитии ТЭК макрорегиона по меньшей мере в среднесрочной перспективе. Конъюнктура экспорта нефти и нефтепродуктов в Африке слабо коррелировалась с глобальным показателем, динамика импорта – лишь умеренно. Можно предположить, что это связано с растущими потребностями стран Африки в продуктах нефтепереработки и сопутствующим ограничением импорта сырой нефти за пределы макрорегиона. В рамках изменения мощности НПЗ на глобальном и макрорегиональном уровнях обнаружена низкая обратная корреляция, в контексте производства нефтепродуктов – слабая прямая. Последнее косвенно подтверждает предположение о крупномасштабном дефиците инвестиций в нефтеперерабатывающей отрасли большинства стран Африки на фоне сохраняющегося высокого спроса на соответствующую продукцию.

При этом в начале исследуемого периода на длительное время прервалась фиксируемая ранее десятилетиями тенденция к устранению выраженного дисбаланса экспорта и импорта нефти и нефтепродуктов в Африке, и лишь ближе к концу наблюдаемого хронологического отрезка наметилась тенденция к восстановлению этого тренда. Как следствие, сохранился структурный перекос в развитии отрасли: страны Африки

по-прежнему ориентированы преимущественно на развитие добывающих проектов, обслуживающих экспортные потоки, несмотря на устойчивый рост спроса на нефтепродукты внутри макрорегионального рынка. Власти стран Африки в целом осознают данную проблему, однако нехватка инвестиций для модернизации системы НПЗ, а также инфраструктуры хранения и транспортировки нефтепродуктов существенным образом ограничивает их возможности.

Одновременно можно констатировать снижение привлекательности для западных инвесторов Субсахарского сегмента данного макрорегиона. Уход западных инвесторов открывает для российских компаний доступ к разработке месторождений, для которых характерна более низкая себестоимость добычи, чем в случае запасов на территории России.

Существенные перспективы для инвесторов открывает также сочетание устойчивого спроса на нефтепродукты в Африке со структурным перекосом в развитии мощностей НПЗ в глобальных масштабах: общемировой рост показателя был обусловлен преимущественно его позитивной динамикой в России и на Среднем Востоке.

На макрорегиональном уровне в качестве перспективных зон реализации африканской нефти и нефтепродуктов выступают Латинская Америка и отдельные страны АТР.

Макрорегиональные тенденции развития африканского рынка нефти и нефтепродуктов свидетельствуют о двух потенциально высокоэффективных направлениях инвестирования в реальные активы. Во-первых, речь идет о соинвестировании в перспективные месторождения, которые уже используются или разрабатываются флагманами отрасли ведущих стран-экспортеров, таких как Нигерия, Ангола, Алжир, Габон, Конго.

Сохранение высокого спроса на нефть на фоне решения о сокращении добычи нефти на 2 млн баррелей в сутки в рамках сделки ОПЕК+ в октябре 2022 г. также будет означать рост интереса инвесторов к реализации новых

проектов по добыче нефти в странах и регионах, не охваченных соглашением (Камерун, Гана, Сенегал, Мозамбик, Гана и Египет).

Партнерство с ливийскими структурами может быть весьма эффективным, однако соответствующие решения не могут быть приняты до завершения внутреннего конфликта в Ливии.

Перспективными рынками сбыта нефти, добытой на инвестиционных мощностях в Африке, внутри макрорегиона являются Египет, ЮАР, Нигерия, Алжир, Ангола и Марокко. Также целесообразно рассмотреть возможность инвестирования в разработку запасов и увеличение добычи нефти на месторождениях, которые могут быть интересны импортерам нефти из Китая, Малайзии и Индии, но не вовлечены в конфликт между Россией и государствами коллективного Запада.

Во-вторых, высокой рентабельностью обладают проекты, связанные с инвестициями в нефтеперерабатывающие мощности и производство бензина и дизельного топлива, так как спрос в макрорегионе неуклонно растет на протяжении последних 30 лет. Наиболее перспективные проекты расположены в Марокко, Египте, Тунисе, Нигерии, ЮАР и Анголе. Однако полностью реализовать потенциал высокого спроса на бензин и дизельное топливо в регионе можно только при активном освоении рынков за пределами ведущих нефтедобывающих стран региона, поскольку более 40% нефти и нефтепродуктов в Африке производится за их пределами.

Выводы по главе 2

Анализ глобальных и макрорегиональных трендов развития рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки выявил ряд ключевых особенностей, определяющих перспективы и вызовы для российских инвесторов.

Во-первых, африканский рынок характеризуется значительным ростом спроса на нефтепродукты (прогнозируемое увеличение на 80% к 2045 году), кризисом перерабатывающих мощностей и хроническим недоинвестированием в переработку. Более 84% добываемых углеводородов

экспортируются, однако с учетом роста внутреннего потребления доля экспорта постепенно снижается. Эти тренды делают регион перспективным для российских инвесторов в нефтяной сфере, особенно на фоне сокращения активности западных компаний в Субсахарской Африке.

Во-вторых, страновая специфика макрорегиона указывает на дифференциацию инвестиционных возможностей. Для таких стран, как Египет и ЮАР, более актуальны проекты в переработке, тогда как Нигерия и Ангола более выгодны для вложений в добычу нефти. В странах с недостаточно развитой инфраструктурой, например, в Габоне и Конго, потребуется значительное внимание к логистике и транспортной базе.

В-третьих, глобальные факторы, такие как устойчивый рост мирового спроса на нефть (2% в год) и нефтепродукты (1% в год), стимулируют интерес к африканским энергоресурсам. Ограничения на высокоуглеродную нефть в Европе и США способствуют переориентации африканских поставок на азиатские и латиноамериканские рынки, где спрос на нефть растет на 4,4% ежегодно. Дополнительно, соглашения ОПЕК+, ограничивающие добычу нефти странами-членами картеля, стимулируют активность в странах, не входящих в соглашение, включая африканские.

Среди негативных факторов глобального отмечается рост мощностей НПЗ в странах ОЭСР (+5,8%), оказывающий давление на развитие перерабатывающей инфраструктуры в Африке, а также слабая корреляция между структурой импорта нефтепродуктов в регионе и глобальными трендами, что может быть связано с растущими внутренними потребностями африканских стран.

В совокупности, макрорегиональные и глобальные тренды развития нефтяного рынка создают благоприятные условия для освоения месторождений и развития переработки нефти в Африке. Перспективы для российских инвесторов открываются в реализации как классических Downstream-, так и более востребованных Midstream-проектов, что

соответствует долгосрочной тенденции переориентации нефтедобывающей отрасли региона с экспорта на удовлетворение внутренних потребностей. Долгосрочность тенденции создает значительный временной лаг для планирования и реализации инвестиций, направленных на модернизацию и строительство НПЗ, что в перспективе укрепит позиции России на африканском рынке.

Далее будет проведен комплексный анализ иных факторов внешней среды, специфических для африканских стран, а также выделены риски и возможности для российских инвесторов в нефтяной сектор региона. Их анализ в совокупности с данными по глобальным и макрорегиональным трендам даст возможность сформировать набор комплексных рекомендаций по обеспечению благоприятной внешней среды для российских инвесторов, а также предложений по усовершенствованию системы механизмов и инструментов инвестиционной стратегии российских нефтяных компаний в Африке.

Глава 3

Оптимизация механизмов инвестиционных стратегий российских энергетических компаний на рынке нефти и нефтепродуктов стран Африки с учетом факторов внешней среды

3.1 Факторы внешней среды для инвестиций российских нефтяных компаний в Африке. Риски и возможности

Как было отмечено в главе 1 настоящего исследования, факторы внешней среды являются наиболее значимыми при выборе региона для осуществления прямых иностранных инвестиций. Африка – сложный и многогранный регион с множеством государств, имеющих свою национальную специфику. При этом с учетом накопленных данных о динамике регионального рынка нефти и нефтепродуктов выделим наиболее значимые общие факторы внешней среды, которые стоит учитывать российским компаниям в своих региональных инвестиционных стратегиях. Данные факторы были разделены на три большие группы:

- экономические – включающие вопросы наличия и особенности добычи ресурсов, спроса и предложения на рынке, ограничения экономического характера;

- политические – включающие вопросы местного законодательства, регуляторные механизмы, взаимодействие с местными властями и влияние иностранных игроков, а также экологические факторы;

- социокультурные – включающие вопросы демографии, взаимодействия с местными населением, культурной средой.

Каждая из перечисленных групп факторов будет разделена на две составляющие – возможности и риски, которые они потенциально представляют для российских инвесторов.

Данная тема получила достаточно небольшое освещение в научной литературе и рассматривается преимущественно без учета структуры всего рынка нефти и нефтепродуктов африканского макрорегиона. Исследователи преимущественно концентрируют внимание на возможностях и рисках, относящихся к ведущим отраслевым лидерам Африки, затрагивая вопрос о перспективах рынков за пределами их зон влияния по остаточному принципу либо вовсе не касаясь его. Все это обуславливает необходимость актуализации и сведения в единую систему факторов внешней среды Африки с учетом возможностей и рисков, которые они представляют, на основе более широких пластов эмпирического материала.

Экономические факторы

Экономические факторы внешней среды обусловлены трендом на увеличение спроса на нефть и нефтепродукты в регионе при наличии недоинвестирования в нефтяной сектор. При этом сохраняется высокая конкуренция с международными игроками, имеющими доступ к более дешевым финансовым ресурсам.

Экономические возможности

Возможности российских инвесторов на африканском рынке связаны с большой потребностью в инвестиционных проектах при наличии устойчивого долгосрочного тренда к увеличению спроса на нефть и нефтепродукты в регионе, в первую очередь – на бензин и дизельное топливо. Так, согласно подсчетам ВР, в 1999-2019 годах среди обеспеченной доступом к энергии части населения Африки наблюдалось увеличение спроса на соответствующую продукцию на уровне 2-3% в год. Для сравнения, среднегодовые темпы прироста показателя в глобальных масштабах за аналогичный период составляли 1,3% [255]. По оценке экспертов компании McKinsey, к 2040 г. спрос на нефтепродукты в Африке вырастет с 4,1 до 5,3 млн баррелей в день [258]. Растущая потребность стран макрорегиона в энергоносителях будет удовлетворяться в первую очередь за счет собственных ресурсов

Африки. На 2023 г., по данным ОПЕК, на долю региона приходится 4,4% мирового спроса на нефть и нефтепродукты и в то же время – 7,6% запасов нефти и 8% ее добычи.

При этом по мере реализации незадействованного потенциала нефтяных ресурсов региона закономерно встанет вопрос о существенном увеличении мощностей расположенных в Африке НПЗ (на 2023 г. они составляли только 3,4% от общемирового показателя). При этом важно отметить, для Африки в целом характерно сравнительно низкое качество нефтеперерабатывающей инфраструктуры, которой свойственны высокая степень изношенности и слабая техническая оснащенность. Сочетание данных факторов обуславливает ситуацию, при которой уровень средней загрузки нефтеперерабатывающих производств согласно таблице 3 ежегодно колеблется на уровне 55-65% [231]. Тем не менее, значительная часть африканских НПЗ оснащены устаревшими технологиями, поэтому представляется целесообразным инвестировать в их обновление.

Таблица 3 – Масштабы загрузки мощностей африканских НПЗ, 2014-2023 годы

В процентах

Год	Масштабы загрузки НПЗ
2014	64,56
2015	62,15
2016	61,31
2017	62,69
2018	63,65
2019	61,13
2020	56,60
2021	57,66
2022	61,59
2023	62,33

Источник: составлено автором по материалам [231].

При этом наблюдается синхронный рост как мощностей НПЗ, так и объемов производимой ими продукции в Египте, Алжире, Ливии и Анголе. Заинтересованность национального бизнеса в увеличении выпуска нефтепродукции демонстрируют нефтяные компании Габона и Конго [231]. В сложившихся условиях в долгосрочной перспективе можно ожидать рост

заинтересованности африканских стран в привлечении дополнительных инвестиций в сферу геологоразведки, запуск новых добывающих проектов и расширение старых за счет интенсификации производственного процесса, создание новых и модернизацию ранее построенных НПЗ.

Краткосрочные тренды развития африканского рынка нефти также свидетельствуют о высокой вероятности увеличения спроса на нефть и нефтепродукты в макрорегионе. Величина спроса в абсолютном выражении на 2023 г. вплотную приблизилась к максимальному значению показателя за весь период 2014-2023 годов (4460 тыс. баррелей в сутки против 4430 тыс. в 2019 г.). В случае большинства стран Африки, не входящих в число основных экспортеров нефти, спрос на нефть и нефтепродукты вырос в среднем почти на 30% [231]. Более того, существенное повышение спроса было зафиксировано даже в случае таких лидеров нефтедобывающей отрасли, как Нигерия (показатель увеличился приблизительно на 31%) и Алжир (величина прироста – около 11%). Негативная динамика экспорта и импорта нефти и нефтепродуктов в регионе в 2014-2023 годах была обусловлена преимущественно воздействием пандемии, последствия воздействия которой на состояние макрорегионального рынка к 2023 г. были по большей части устранены [231].

Значимые выгоды связаны с возможностью освоения рынков стран макрорегиона, не относящихся к числу лидеров в плане добычи нефти. В совокупности они аккумулируют более 40% импорта нефти и нефтепродуктов в регионе. Величина ввоза ими на внутренний рынок соответствующей продукции оставалась стабильной, даже несмотря на пандемию коронавируса (в течение 2014-2023 годов показатель сократился менее чем на 1%). В то же время необходимо подчеркнуть, что власти данных государств, в отличие от стран-лидеров отрасли, не дотируют приобретение нефтепродуктов населением [231].

Дополнительные возможности для российских компаний создает то, что в большинстве регионов Африки не осталось крупных месторождений угля. Последнее гарантирует, что доля нефти в энергобалансе региона продолжит увеличиваться [107].

Еще одним источником возможностей для российских компаний остается нехватка средств у национальных африканских нефтяных компаний для развития добычи и переработки, сочетающаяся со снижением интереса части западных инвесторов к инициированным ранее проектам. В частности, продажа части африканских активов (расположенных в Ливии и Нигерии) входит в среднесрочные планы Occidental Petroleum, Chevron и ExxonMobil. Существенные возможности для роста российских компаний в целом создает анонсированная ExxonMobil переориентация бизнеса в пользу развития сланцевых проектов на территории Северной Америки [53]. Косвенно уход западных компаний с африканского рынка стимулирует экологическая политика Соединенных Штатов: еще в 2021 г. властями США была озвучена информация о том, что американским и европейским инвесторам, желающим разрабатывать месторождения нефти в Африке, необходимо учитывать значительный риск регуляторных действий со стороны официального Вашингтона в рамках его климатической политики [237]. В условиях свертывания активности западных компаний выбор в пользу расширения сотрудничества с российскими инвесторами станет естественной стратегией для африканских государств. При этом широкие возможности для осуществления перспективных вложений намечаются как внутри экономик стран-лидеров нефтедобывающей отрасли макрорегиона (среди которых важно особо отметить Египет, Алжир, Анголу, Нигерию, Габон и Конго), так и за их пределами.

Кроме того, стоит отметить, что региональные лидеры отрасли ориентированы преимущественно на насыщение экспортной продукцией рынков Европы и Северной Америки (прежде всего страны МАГРИБ), что

открывает перспективы для сбыта продукции российских инвестпроектов внутри Африки, в Латинской Америке и в отдельных государствах АТР.

Экономические риски

Экономические риски российских энергетических компаний на африканском рынке также достаточно обширны.

Во-первых, необходимо учитывать тот фактор, что разработка и эксплуатация нефтяных активов в Африке обходится в среднем на 15-20% дороже, чем в среднем в масштабах глобального рынка. Это повышает масштабы ущерба при реализации сценария, при котором инвестиции не будут окуплены [111]. Частично это обусловлено низким уровнем качества геологоразведки в ряде стран региона. В частности, в течение исследуемого периода допущенные при ее проведении ошибки привели к существенной переоценке объема запасов нефти в Анголе (показатель сократился почти на 70%) и Конго (-37%) [231]. В 2001-2014 годах двенадцать стран Субсахарской Африки заявили об обнаружении крупных запасов нефти. Все они не смогли реализовать свои планы получения первых доходов от добычи нефти в установленные сроки. Гвинея-Бисау, Сан-Томе и Принсипи, Либерия и Сьерра-Леоне в итоге сочли свои месторождения бесперспективными, а коммерческие проекты, реализуемые в прочих 8 странах, еще не достигли запланированного уровня добычи [240].

Следует отметить и то, что инвестирующие в нефтедобычу в Африке зарубежные компании предпочитают вкладывать средства в первую очередь в разработку месторождений на глубинном шельфе. В силу данного обстоятельства поиск соинвестора для проектов за пределами шельфа заметно усложняется, а стоимость разработки месторождения своими силами зачастую оказывается чрезмерно высокой, в особенности – с учетом степени доступности кредитных средств. Между тем, шельфовые проекты характеризует высокая степень риска и стоимости. В качестве примера в данном случае можно привести проекты «Лукойла» по освоению

глубоководного шельфа Кот-д'Ивуара, реализовывавшиеся в 2006-2016 годах (россияне приобрели более 60% в блоках CI-101, CI-205, CI-401, CI-504 и CI-524). Компания инвестировала в поиск коммерчески значимых запасов нефти около 800 млн долларов США, однако геологоразведочные работы так и не принесли ожидаемых результатов [82].

При этом необходимо признать, что дефицит автомобильной, железнодорожной, портовой, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры, наблюдаемый в большинстве стран макрорегиона, объективно продолжает затруднять реализацию инвестиционных проектов. Как следствие, инвесторы так или иначе вынуждены вкладывать собственные средства в создание инфраструктуры для обслуживания проекта, вплоть до прокладки дорог [44].

Необходимо заострить внимание и на рисках, генерируемых конкурентными преимуществами уже действующих на африканском рынке зарубежных компаний. Долгосрочный характер пребывания в макрорегионе таких западных корпораций, как Anadarko, BP, Total, Chevron, ExxonMobil и прочих, обеспечил им эксклюзивное положение операторов большинства нефтяных месторождений. Власти КНР еще в ходе первого заседания Форума китайско-африканского сотрудничества в Пекине в 2000 г. сумели добиться утверждения программы, предполагавшей закрепление за китайскими инвесторами целого ряда важных преференций. В частности, инвесторы из КНР освобождены от двойного налогообложения, их вложения в африканскую экономику подкреплены гарантиями, в рамках национального законодательства стран-реципиентов им автоматически предоставляют разнообразные льготы. В отличие от конкурентов из Китая, Индии или США, компании из России не имеют доступа к дешевым кредитам и иным значимым средствам поддержки. В качестве примера использования последних конкурентами российских компаний можно упомянуть финансирование Vitol – совместного проекта Eni – Italian Upstream major, Vitol и Ghana National

Petroleum Corporation на шельфе Кейп-Три-Пойнтс в Гане (общая стоимость – 7 млрд долларов США). Финансирование проекта в значительной степени осуществлялось за счет нескольких полностью амортизируемых долговых инструментов:

- британского экспортного финансирования на сумму 400 млн долларов США (полученных от UKEF – Департамента гарантирования экспортных кредитов Великобритании);

- займа Международной финансовой корпорации на сумму 300 млн долларов США, обеспеченного Многосторонним агентством по гарантиям инвестиций на сумму 180 млн долларов США;

- непокрытого аккредитива на сумму 470 млн долларов США [250].

Стоит также отметить ввод санкций со стороны США, уже ограничивающих роль российских компаний в нефтяных проектах Африки положением миноритарных партнеров, владеющих долей на уровне менее 33%. Данные санкционные ограничения также касаются доступа российских компаний к специализированному программному обеспечению (в том числе – используемому в рамках расчетов процедур по гидроразрыву пласта), технологиям картографии, нефтепереработки, услугам геологоразведки, бурения и логистики [93].

Более того, технологические риски, связанные с санкциями, ограничивают возможности российских компаний по реализации технологически сложных проектов. Так, присутствует высокий уровень зависимости от импорта технологий и оборудования гидроразрыва пласта, наклонно-направленного бурения, производства оборудования и материалов для бурения, цементирования и капитального ремонта скважин и породоразрушающего и бурильного инструмента. Так, в апреле 2022 г. доля импортного оборудования в российском топливно-энергетическом комплексе составляла 40%. К началу 2023 г. для российских компаний, работающих в сфере ТЭК, был установлен запрет на поставки оборудования из

48 иностранных государств. По этой причине сохраняются значимые риски реализации российскими компаниями инвестиционных проектов, связанных с добычей трудноизвлекаемой нефти, в том числе – в зоне глубоководного шельфа. Потенциальным источником проблем (в случае ужесточения санкций и блокирования каналов параллельного импорта) также остаются проекты, связанные с сервисом скважин и наращиванием нефтеотдачи, а также непосредственно бурением, сейсмо- и геологоразведкой. Отдельно следует отметить, что максимально высокая степень зависимости от импорта (до 80% по данным на 2022 г.) имеет место именно в высокотехнологичных сегментах процесса нефтедобычи (к числу последних относятся интеллектуальные системы закачивания скважин, системы для роторного управляемого бурения и прочие) [93].

Необходимо учесть также важность фактора «экологически мотивированного» внешнего давления на африканские страны. В частности, механизм регулирования углеродных границ Европейского союза потребует получения углеродных сертификатов на ввозимые в ЕС товары, цена на которые будет существенно увеличиваться в случае, если продукция была произведена с нарушением европейских стандартов выброса CO₂ [90]. При этом западные эксперты настаивают, что углеродоемкость добычи нефти в Африке якобы на 70-80% выше, чем в среднем в глобальных масштабах. Вследствие этого эксперты, поддерживающие оптимистические сценарии развития технологий возобновляемой энергетики, настаивают на том, что уже к 2040 г. 60% от общего объема добычи нефти в Африке утратят конкурентоспособность на рынке. Последнее может не только негативно отразиться на рентабельности инвестиционных проектов, но и уменьшить возможности для создания в Африке международных консорциумов с участием российских компаний. Сами африканские страны тоже принимают новые правила игры. Такие важные для макрорегионального рынка нефти и нефтепродуктов страны, как Египет, Гана, Нигерия и Южная Африка взяли на

себя различные обязательства по ограничению выбросов углерода и сокращению субсидирования применения ископаемого топлива. Нигерия также присоединилась к некоторым крупнейшим мировым экспортерам энергоносителей, включая Саудовскую Аравию, взявшим на себя обязательство выйти на нулевой уровень выбросов парниковых газов к 2060 году.

Впрочем, значимость соответствующих рисков снижают разработки технологий декарбонизации добычи нефти (уже примененных успешно, например, Occidental Petroleum, сумевшей покрыть значительную часть расходов на разработку и внедрение технологии за счет компенсаций за сокращение объема выбросов парниковых газов). Помимо того, нефтедобывающие компании используют новые технологические решения с целью минимизации летучих выбросов органических соединений, внедряют на производстве источники энергии с нулевым выбросом углерода, такие как солнечные батареи, используемые для выработки энергии на площадке скважины. В случае нефтеперерабатывающих заводов используются технологии улавливания CO₂, используемого в дальнейшем в производственных целях или отправляемого на постоянное хранение в истощенных или засоленных нефтяных пластах. Кроме прямой декарбонизации производственного процесса, нефтяные компании компенсируют выбросы за счет мероприятий по развитию природных экосистем (лесопосадке и так далее) [237].

Политические факторы

Анализируя политические факторы внешней среды Африки, необходимо прежде всего учитывать существенную неоднородность политического ландшафта континента.

Политические возможности

Политические возможности региона для российских инвесторов немногочисленны, и во многом основаны на прочных связях, которые Россия

(а ранее СССР) сформировала с рядом африканских стран, а также на их неприятии старых колониальных государств Запада. Эти отношения подразумевали поддержку в борьбе за независимость, развитие инфраструктуры и обучение африканских студентов. Примеры таких связей включают Египет, который активно сотрудничал с СССР с 1950 годов, в том числе в рамках строительства Асуанской плотины. Россия и Египет в настоящее время сотрудничают в различных областях, включая строительство атомной электростанции «Эль-Дабба». Сегодня, когда Египет и Эфиопия стали членами БРИКС их отношения с Россией могут получить новый импульс к развитию. Другим примером являются такие государства как ЦАР и Мали, которым современная Россия помогает обеспечивать безопасность важных объектов и государственных структур. Именно хорошие политические отношения способствуют получению более благоприятных регуляторных режимов для российских инвесторов, обеспечивают их безопасность, а также существенно снижают взаимодействие этих государств с США в рамках имплементации их санкционной политики.

Кроме того, в последние годы африканские страны активно работают над созданием более привлекательного и предсказуемого инвестиционного климата. Одним из проявлений этой тенденции является унификация инвестиционного законодательства через внедрение инвестиционных кодексов. Эти меры направлены на:

- создание единого правового пространства для иностранных инвесторов, что облегчает понимание правил и требований к инвестициям в разных странах;
- повышение прозрачности регуляторной среды, что снижает риски для инвесторов и повышает доверие к региону;
- стимулирование конкуренции между африканскими странами за привлечение иностранных инвестиций, что ведет к улучшению условий для инвесторов.

Примеры реализации этой тенденции включают Восточноафриканское сообщество (ЕАС) и Экономическое сообщество стран Западной Африки (ECOWAS), которые разрабатывают общие инвестиционные кодексы и стандарты для упрощения трансграничных инвестиций в регионе.

Для российских энергетических компаний эта тенденция может создать новые возможности за счет упрощения процесса вхождения на рынки африканских стран и снижения административных барьеров. Унификация законодательства также может помочь минимизировать юридические риски и способствовать более эффективному планированию и реализации проектов в энергетическом секторе.

Политические риски

Политические риски африканского региона во многом основаны на низкой стабильности политических режимов. В Африке наблюдается высокая дифференциация их устойчивости: наряду с высокоустойчивыми политическими моделями, для которых характерны долговременное доминирование одного актора, высокая степень управляемости и преемственность экономического курса, в регионе присутствует большое число политических режимов с низкой степенью устойчивости, чья легитимность основывается на неустойчивой системе договоренностей с множеством внешних и внутренних субъектов.

Значимым источником рисков остается политическая нестабильность не только на территории нефтедобывающих государств, но и сопредельных территорий, значимых с логистической точки зрения. Примером в данном случае могут служить ситуация в Северном Судане, через территорию которого осуществляется экспорт нефти, добываемой в непризнанном государстве Южный Судан. Только в 2023 г. на севере Судана имела место попытка государственного переворота (в апреле при попытке Переходного военного совета интегрировать в структуру армии Сил быстрого реагирования, созданных на базе племенного ополчения «Джанджавид»), а также имела

место попытка локального мятежа со стороны «Народно-освободительного движения Судана – Север» в штатах Голубой Нил и Южный Кордофан [44]. Важно отметить, что практика государственных переворотов влечет за собой значимые риски даже в тех случаях, когда новое политическое руководство той или иной страны подтверждает все достигнутые ранее с инвесторами договоренности. В частности, приход к власти в Египте Мухаммеда эль-Мурси – лидера местной фракции движения «Ихван» («Братья-мусульмане») сопровождался резким ослаблением контроля над деятельностью исламистов, что повлекло за собой серию попыток подрыва трубопровода, по которому египетские углеводороды поступали в Израиль [88].

Но даже в отсутствии открытых вооруженных конфликтов договорной процесс в Африке имеет свои неприятные особенности. Существенные масштабы имеет распространение политического трайбализма и религиозного экстремизма, и они сочетаются с высокой степенью автономии и влияния территориальных сообществ [91]. Это влечет за собой регулярные конфликты между этническими и конфессиональными группами, а также распространение регионализма и сепаратизм.

Коррупция как неотъемлемая часть ведения бизнеса в Африке тоже вызывает определенные опасения. Низкий уровень институционализации систем госуправления во многих странах Африки детерминирует низкий уровень качества менеджмента и, как следствие, широкие масштабы распространения коррупции. Это способствует частой дестабилизации национальной ресурсной политики, деформации конкурентной среды и росту операционных издержек инвесторов. Важно также помнить о вскрывшихся ранее фактах создания конкурентных преимуществ конкретными инвесторами посредством эксплуатации коррупционного ресурса. Так, в 2010 г. выяснилось, что консорциум TSKJ, образованный компаниями Technip, KBR Inc KBR.N и Snamprogetti и JGC Corp создали коррупционную схему, в которую были вовлечены руководители профильных ведомств правительства Нигерии. Ее

эксплуатация обеспечивала консорциуму преимущественное положение при распределении прав на разработку нефтяных месторождений и заключении контрактов с властями республики.

Достаточно часто зарубежные инвесторы сталкиваются с практикой сознательного затягивания переговоров со стороны представителей руководства африканских государств, а в рамках взаимодействия государства с инвестором усложняется регуляторная инфраструктура. Это, как правило, обусловлено стремлением политического руководства убедить зарубежные компании вложить средства в проекты, в отношении которых еще не устранен дефицит информации – за счет создания искусственных препятствий для перехода к обсуждению условий инвестирования в зрелые месторождения. Необходимо отметить, что в отдельных случаях попытки затянуть переговоры принимают форму их саботажа, вплоть до того, что представители государства-реципиента инвестиций прекращают участвовать во встречах и не реагируют на попытки наладить дистанционный обмен информацией даже при наличии подписанного межправительственного соглашения. Также имели место эпизоды задержек выплат по концессии для оператора со стороны властей африканских стран. Примером грубого нарушения договоренностей и в целом деловой этики со стороны руководства африканских стран может служить вынужденный отказ консорциума, образованного при участии VTB Capital, «Ростеха», «Татнефти», GS Engineering & Construction и Telconet Capital, от тендера на строительство нефтеперерабатывающего завода (проектная мощность – 3 млн тонн в год) в Уганде в 2016 г. [156]

Для российских компаний особые риски представляет влияние иностранных держав на страны Африки. Так, остается существенная степень влияния на многие государства региона со стороны бывших метрополий, оказывающих содействие национальным энергетическим компаниям в рамках продвижения на рынки Африки. Прежде всего данный фактор касается стран Магриб, имеющих тесные связи с европейскими энергетическими игроками.

Примером в данном случае может служить политика Турции, направленная на установление максимально широкого контроля над месторождениями углеводородов в Восточном Средиземноморье. В декабре 2019 г. официальная Анкара даже подняла вопрос о вводе войск на территорию Ливии, чему предшествовало заключение пакета договоренностей между властями Турции и Правительством национального единства. Данный пакет, помимо прочего, включал в себя меморандум о признании права Турции на оспариваемые Анкарой участки континентального шельфа [27].

При этом невозможно не отметить рост экономического влияния Китая, постепенно конвертирующегося в возможность воздействовать на политический процесс и обеспечивать режим наибольшего благоприятствования китайским компаниям, тем самым обеспечивая конкурентное преимущество перед российскими игроками. Принцип «мягкой силы» активно используется для создания конкурентных преимуществ в сфере экономики. На данном поле достаточно активно действует и Индия. Примером в данном случае могут служить программы в области образования. Власти Индии в 2015 г. заявили о выделении 50 тыс. целевых стипендий для обучения студентов из Африки в вузах Индии, а также предоставили 600 млн долларов в виде кредита гуманитарному фонду «Индия-Африка». Помимо того, политическое руководство Индии оказывает африканским странам широкую помощь в плане привлечения ВМФ к защите океанских акваторий [129]. Одновременно наблюдается и присутствие ощутимого влияния Соединенных Штатов, призванного реализовать программы Агентства США по международному развитию и иных институтов «мягкой силы» [127].

Источником рисков служат также периодические рецидивы популистской политики «ресурсного национализма». В числе наиболее частых ее проявлений можно отметить ограничение доступа зарубежных инвесторов к разработке месторождений нефти [97]. Примером таких рисков также выступает позиция принимающих стран относительно налоговых условий и

роялти. Как правило, условия, предлагаемые российским компаниям, далеки от режима наибольшего благоприятствования. В сочетании с высокой стоимостью геологоразведки это вынуждает российских инвесторов отказываться от вложений в регион. Так, жесткая позиция властей Алжира по вопросу о налогах и роялти ранее уже послужила причиной отказа «Лукойла» от разработки высокоперспективных нефтяных месторождений на участке «Эль-Ассель» [156]. Также обращает на себя внимание эпизод выдвижения налоговые претензии против компании NIS (дочерняя структура «Газпром нефти») властями Анголы в 2017 г. [70]. Власти Нигерии, начиная с 2019 г., оказывают все большее давление на компании, занимающиеся добычей и переработкой нефти, требуя от них обеспечить поставки газа для местного производства электроэнергии, нужд промышленности и общественного потребления, прежде чем начинать экспортную деятельность [258].

Негативные эффекты «ресурсного национализма» усиливает сочетание с широкими масштабами применения в макрорегионе так называемой «ангольской формулы» китайскими инвесторами. Сущность последней заключается в том, что в обмен на получение доступа к запасам нефти и нефтеперерабатывающей инфраструктуре Китай осуществляет крупномасштабные вложения в развитие местных инфраструктурных проектов. Как следствие, власти многих африканских стран начали рассматривать такого рода обмен как общеупотребимую практику [97].

При этом некоторые из перечисленных рисков одновременно могут нести в себе и возможности для российских компаний. В частности, фактор поддержки государствами ЕС и США национальных нефтяных компаний может оказать разное влияние на положение иных инвесторов. В случае, если аффилированные с ними структуры будут выступать в качестве соперников инвесторов из иных стран, это будет способствовать возникновению у европейских и американских компаний конкурентного преимущества. В то же время в ситуации, когда поддерживаемые властями Соединенных Штатов или

Евросоюза корпорации будут выступать в роли партнеров инвесторов из России, это будет способствовать снижению рисков, связанных с проявлениями «ресурсного национализма», попыток необоснованно доначислить налоги и так далее. Подобные возможности следует вовремя выявлять и использовать.

Социокультурные факторы

Социокультурные факторы внешней среды представляют больше рисков для долгосрочных инвесторов в регион, однако компенсируются растущим рынком за счет продолжающегося роста численности населения и постепенного роста его уровня благосостояния.

Социокультурные возможности

Структуру социокультурных возможностей российских нефтяных компаний в африканском макрорегионе формирует в первую очередь рост населения на его территории. Согласно прогнозам демографов, за период 2020-2040 годов население Африки увеличится на 83% (до 2 млрд человек), в первую очередь – за счет стран Субсахарской Африки. При этом большинство прогнозов подразумевают, что демографический рост будет сопровождаться сохранением либо ростом качества жизни. По данным МВФ, в течение периода с 1998 г. показатели ВВП стран Субсахарской Африки (за исключением времени пандемии коронавируса) увеличивались в среднем в 5 раз быстрее, чем рос этот показатель в странах с развитой экономикой. Последнее косвенно свидетельствует о том, что увеличение населения Африки одновременно повлечет за собой рост платежеспособного спроса на энергоносители и пропорциональное увеличение энергопотребления. В пользу этого свидетельствует также сохраняющийся в течение последних трех десятилетий тренд к устойчивому увеличению конечного потребления бензина и дизельного топлива в странах Африки, фиксируемый при любых изменениях конъюнктуры глобальной экономики. К 2050 г. и вовсе ожидается полное

устранение разрыва между производством и потреблением энергоносителей в регионе [258].

В соответствии с прогнозами ИНЭИ РАН, к 2040 г. страны Африки будут вынуждены увеличить производство жидких углеводородов на 50 млн тонн. Вероятнее всего, рост показателя будет еще выше, поскольку данный прогноз опирается на предположение, что страны макрорегиона при этом сохраняют текущие объемы экспорта нефти на рынки КНР и Индии [233].

Социокультурные риски

Инвестиционные риски государств Африки в социокультурной сфере обусловлены все еще низким уровнем социального обеспечения населения: во многих странах наблюдается низкий уровень образования местного населения (в первую очередь – в Субсахарской Африке) [10]. Кроме того, очевидно и низкое качество инфраструктуры здравоохранения и социального обеспечения [205].

Отметим и такой фактор, как возможные последствия от разливов нефти, вызванные незаконными «врезками» в нефтепроводы и актами саботажа со стороны экстремистских и криминальных группировок. Эти действия не только приводят к непосредственным финансовым потерям из-за утраты сырья и необходимости остановки производственных процессов, но и вызывают серьезные экологические последствия, которые могут привести к всплеску недовольства населения и повышению социальной напряженности. В некоторых случаях такое недовольство может перерасти в массовые акции протеста и даже в насильственные столкновения с силами безопасности и сотрудниками компаний. Это создает дополнительные риски для безопасности персонала и инфраструктуры энергетических компаний, а также может привести к ужесточению регуляторных требований и увеличению налоговых отчислений на восстановление окружающей среды.

Трения с местным населением зачастую усугубляются из-за использования иностранными компаниями завозимой извне по вахтовому

принципу рабочей силы. Эта практика вызывает резкое раздражение у местного населения, что вынуждает власти африканских стран включать в соглашения пункты, обязывающие инвестора использовать местные кадры при реализации проекта. При этом не берется в расчет то, что в большинстве случаев среди местного населения отсутствуют специалисты с необходимыми навыками и должным уровнем классификации [146].

Сводное представление факторов внешней среды с учетом их разведения на риски и возможности представлено в таблице 4. При этом многие системно значимые источники возможностей в зависимости от изменения конъюнктуры могут трансформироваться в фактор риска и наоборот.

Таким образом, можно сделать вывод, что среди факторов внешней среды на поведение зарубежных инвесторов наиболее многовекторно влияют экономические, политические и социокультурные. При этом экономические факторы для российских инвесторов носят преимущественно позитивный характер, в то время как политические и социокультурные являются в большинстве своем негативными. Купировать воздействие части экономических и политических рисков можно за счет расширения кооперации с коммерческими организациями внешних по отношению к региону акторов, ранее продемонстрировавших готовность взаимодействовать с российским бизнесом даже несмотря на санкции Евросоюза и США [153].

В среднесрочной перспективе наиболее рациональным вариантом действий для российских компаний-инвесторов представляется налаживание взаимодействия в рамках реализации полезного потенциала экономических факторов, а также устранения (в том числе – в рамках взаимодействия с системой публичной власти России) негативных детерминант в соответствующих сферах, в первую очередь – в плане обеспечения выгодного правового статуса и формирования инфраструктуры институтов и инструментов финансово-кредитной поддержки. При этом расположение местного населения возможно обеспечить с помощью финансирования

локальных социальных проектов, а также активного привлечения местной рабочей силы.

Таблица 4 - Ключевые факторы внешней среды

Типы факторов	Возможности	Риски
1	2	3
Экономические	<p>1 Долгосрочный рост спроса на нефть и нефтепродукты при низком качестве нефтеперерабатывающей инфраструктуры</p> <p>2 Истощение месторождений угля в большинстве регионов Африки</p> <p>3 Нехватка средств у национальных энергетических компаний Африки на инвестирование в добычу и переработку</p> <p>4 Уход части западных компаний с африканского рынка</p> <p>5 Возможности сбыта продукции внутри Африки, в страны Латинской Америки и АТР</p>	<p>1 Низкий уровень качества геологоразведки и повышенная стоимость разработки активов</p> <p>2 Сложности с поиском соинвестора для технологически сложных проектов</p> <p>3 Дефицит развитой инфраструктуры</p> <p>4 Конкурентные преимущества зарубежных компаний в ряде стран региона – доступ к дешевым финансам, политическое влияние</p> <p>5 Санкционные ограничения Запада против проектов с российским участием</p> <p>6 Экологическое регулирование в европейских странах и США против африканской нефти – требования декарбонизации</p>
Политические	<p>1 Прочные связи России с рядом стран Африки способствуют получению регуляторных преимуществ, гарантируют безопасность активов и снижают влияние санкционной политики Запада</p> <p>2 Активная работа африканских стран по унификации инвестиционного законодательства через инвестиционные кодексы</p>	<p>1 Низкая стабильность и разнородность политических режимов региона</p> <p>2 Распространение политического трайбализма и религиозного экстремизма</p> <p>3 Высокий уровень распространения коррупции</p> <p>4 Влияние иностранных держав на ряд стран Африки – распространение «мягкой силы»</p> <p>5 Периодические рецидивы политики «ресурсного национализма» в Африке в сочетании с «ангольской формулой» для инвесторов</p>

Продолжение таблицы 4

1	2	3
Социокультурные	1 Устойчивый рост численности населения и его корреляция с внутренним потреблением энергоносителей	1 Низкий уровень образования и социального обеспечения местного населения 2 Негативные последствия от разливов нефти, вызванных незаконными «врезками» в нефтепроводы и актами саботажа – конфликты с местным населением 3 Возможные конфликты с населением из-за использования иностранных рабочих вместо привлечения местных

Источник: составлено автором.

В следующем параграфе будут предложены способы минимизации рисков внешней среды для российских инвесторов со стороны государства, а также уникальные компетенции России для стран Африки с целью повышения своих конкурентных преимуществ.

3.2 Обеспечение благоприятной внешней среды для российских нефтяных компаний в странах Африки: путь к устойчивому партнерству

Как было показано в предыдущем параграфе, деятельность российских нефтяных компаний в странах Африки сталкивается с целым рядом рисков внешней среды: от политической нестабильности и безопасности до высокой конкуренции со стороны США, Европы и Китая, которые уже успели закрепиться в Африке. С учетом того, что российские компании, и государство в целом, стремятся стать значимыми игроками на африканском рынке нефти и нефтепродуктов, необходимо сформировать уникальное предложение для африканских стран, которое существенно усилит позиции российских экономических субъектов в регионе.

При этом в условиях жесткой конкуренции можно утверждать, что российские компании не могут на равных соперничать с игроками из США и Китая на основе объема финансовых вливаний в инфраструктуру или масштабных кредитных программ. США и Китай обладают значительно большими финансовыми ресурсами, которые они эффективно используют для поддержки своих экономических интересов на континенте. Следовательно, успешное развитие российских инвестиций в Африке требует иных акцентов и конкурентных преимуществ.

Так, представляется, что России следует сосредоточиться на следующих аспектах:

- предложение уникальных компетенций: предоставление высокотехнологичных решений в области глубоководной добычи, переработки нефти и услуг в других отраслях экономики или обеспечения безопасности;

- комплементарность инвестиционных проектов: создание взаимовыгодных совместных предприятий с местными компаниями, которые учитывают социально-экономические потребности африканских государств;

- содействие социально-экономическому развитию (мягкая сила): реализация образовательных программ, создание рабочих мест и обучение местных специалистов, что активно практиковалось во времена СССР и до сих пор имеет позитивные отголоски среды африканских элит.

Рассмотрим данные аспекты обеспечения благоприятной внешней среды подробнее.

Уникальные компетенции в сфере инфраструктурных проектов

Российские компании обладают многими уникальными компетенциями, которые могут стать основой для успешного сотрудничества с африканскими странами. В данной работе выделим два направления, где Россия способна предложить решения, способные оказать значительную пользу странам Африки, а также на равных соперничать с США и КНР – строительство

атомных электростанций (АЭС) и использование побочных продуктов нефтепереработки для производства битума и развития дорожной инфраструктуры.

Строительство АЭС: решение проблемы энергетической бедности

Около 600 миллионов жителей Африки, преимущественно в странах южнее Сахары, до сих пор не имеют доступа к электроэнергии, что приводит к снижению экономического роста и ухудшению качества жизни [106]. Так, например, в Зимбабве, вынуждены работать ночью, потому что это единственное время, когда производству сектору достаточно электроэнергии. Этот дефицит надежного энергоснабжения представляет огромную проблему для континента, но также открывает широкие возможности для российской атомной отрасли.

Одни из наиболее востребованных технологий России находятся в области атомной энергетики. Заместитель генерального директора Росатома Кирилл Комаров заявил, что «Россия способна сыграть ключевую роль в строительстве АЭС в странах Африки, что заложит надежную базу для быстрого развития континента в ближайшие десятилетия» [69]. И действительно, Россия, через государственную корпорацию «Росатом», активно предлагает решения, которые могут изменить энергетическую ситуацию на континенте. Уникальная технология российских ядерных реакторов ВВЭР-1200, применяемая в проекте АЭС «Эль-Дабаа» в Египте, является ярким примером того, как Россия может внести вклад в устойчивое развитие Африки. АЭС, строительство которой началось в 2022 году, обеспечит Египет мощностью почти 4,8 ГВт, сократив зависимость от углеводородных источников энергии и стимулировав развитие передовых технологий [65]. Помимо значительных объемов электроэнергии, такие проекты создают десятки тысяч рабочих мест и способствуют развитию национальной промышленной и исследовательской базы.

Интерес к использованию атомной энергии проявляют и другие африканские страны, включая Гану, Эфиопию, Марокко, Тунис и Уганду. Например, Руанда видит в атомной энергетике способ решения проблем энергоснабжения, обеспечивающий надежность и стабильность поставок. Россия активно развивает сотрудничество с Эфиопией в области мирного использования атомной энергии, создавая дорожные карты для строительства АЭС и центров ядерной науки [61].

Преимущество российских проектов в области атомной энергетики заключается в предоставлении комплексного пакета услуг: от строительства и финансирования до обучения местных специалистов и поддержки инфраструктуры. Это позволяет не только решать проблемы энергетической бедности, но и способствовать долгосрочному развитию стран-партнеров, что укрепляет политическую и экономическую лояльность африканских государств к России и ее экономическим агентам.

Использование продуктов нефтепереработки для развития дорожной инфраструктуры

Дорожная инфраструктура является основой для экономического развития, торговли и социальной интеграции африканских стран. Тем не менее, транспортная сеть континента остается одной из самых слаборазвитых в мире. По данным Африканского Союза, на автомобильный транспорт приходится более 80% грузовых и 90% пассажирских перевозок, однако лишь около 25% дорог имеют асфальтовое покрытие [126]. Это значительно снижает эффективность транспортных потоков и замедляет экономический рост.

Российский опыт в применении побочных продуктов нефтепереработки, таких как битум, для дорожного строительства может быть успешно адаптирован в странах. В качестве примера востребованности технологии приведем проект группы «Пернер» в Бахрейне, где в феврале 2014 года была введена в эксплуатацию первая на Арабском полуострове установка по

инновационной технологии «Охлаждение и Затаривание Битума», которая направлена на поставки битума в африканские страны [66].

Другим примером является ситуация в Кот-д'Ивуаре. Многонациональное битумное общество Кот-д'Ивуара удвоило свои производственные мощности с 2014г. по 2020г., чтобы удовлетворить растущий спрос на строительные материалы, используемые в дорожных проектах в Западной и Центральной Африке. По словам исполнительного директора Мамаду Думбия, спрос на битум продолжает увеличиваться благодаря активному строительству новых дорог. «Нашими основными клиентами являются правительства, которые уже выделили соответствующие средства в первой половине года», — отметил он [243].

В этом контексте Россия может внести уникальный вклад через организацию производства высокотехнологичных битумных материалов из побочных продуктов нефтепереработки для строительства и модернизации дорог африканских стран. Опыт российских компаний, таких как «Газпромнефть», в разработке и использовании инновационных битумных технологий уже демонстрировал свою эффективность. Например, поставка битума для строительства автомагистралей в Южной Америке [71] показывает потенциал применения российских материалов в масштабных международных проектах.

Таким образом, за счет своих уникальных компетенции в строительстве АЭС, использовании продуктов нефтепереработки для дорожного строительства и используя другой подобный опыт, Россия способна не только эффективно конкурировать с мировыми лидерами, но и создавать условия для долгосрочного устойчивого сотрудничества с африканскими странами в сфере инвестиций.

Опыт в сфере цифровизации государственного управления

Развитие цифровых технологий является ключевым фактором модернизации государственных институтов и обеспечения устойчивого

развития. Россия, обладая значительным опытом в создании цифровой инфраструктуры (благодаря созданию высокоэффективных платформ, таких как портал «Госуслуги», система электронного голосования и Центр Управления Регионами), способна предложить африканским странам инновационные решения, направленные на повышение эффективности государственного управления, энергосбережения и обеспечения безопасности данных.

Африканские страны, где цифровизация пока находится на начальном этапе, проявляют интерес к российскому опыту. На континенте более 40% населения не имеют документов, что ограничивает их доступ к базовым государственным услугам [116]. Внедрение российских технологий цифровой идентификации может стать значительным шагом вперед в решении этой проблемы. Например, создание систем цифрового ID обеспечит широкий доступ к таким услугам, как регистрация актов гражданского состояния, налогообложение, здравоохранение, таможенные и правовые сервисы.

Министр телекоммуникационных технологий Намибии Пея Мушеленга отметил важность применения успешных практик, включая российские, в сфере электронного правительства. Это включает электронные образовательные платформы, которые также играют ключевую роль в создании рабочих мест и повышении квалификации молодежи [109].

Кроме того, одной из важных компетенций России является создание цифровых систем расчета топливно-энергетических балансов (далее – ТЭБ), которые являются важным инструментом для планирования национальной энергетической политики. Такие балансы позволяют анализировать потребности стран в различных типах энергоносителей, определять оптимальные пропорции использования энергии и разрабатывать стратегии энергосбережения.

Преимущества применения ТЭБ в Африке включают:

- оптимизацию энергетических ресурсов: расчет ТЭБ помогает выявить ограничения в поставках топлива, особенности отраслевого использования электроэнергии и топлива, а также разработать устойчивые схемы энергоснабжения;

- повышение энергетической безопасности: сокращение зависимости от импортных энергоресурсов и улучшение связей между регионами-производителями и потребителями топлива;

- стимулирование устойчивого развития: внедрение программ повышения энергетической эффективности позволяет улучшать экономическое планирование на уровне региона и страны.

Как отметил Президент России Путин В.В.: «Россия намерена наращивать свою помощь развитию национальной энергетики государств Африки. С целым рядом стран, например с Анголой, Мозамбиком, Габоном, ведется реализация перспективных нефтяных проектов. Мы предлагаем африканским партнерам создание под ключ целой индустрии...» [108]. Реализация цифровых ТЭБ для африканских стран будет означать значительный шаг в данном направлении. Россия может предложить африканским странам интеграцию своих знаний и технологий для создания устойчивой энергетической инфраструктуры.

Таким образом, сотрудничество с Россией в сфере цифровизации государственного управления и энергетического планирования открывает перед африканскими странами широкие перспективы для повышения эффективности управления и устойчивого развития.

Обеспечение безопасности. Вклад России в стабилизацию Африки

Безопасность и стабильность остаются важнейшими приоритетами для большинства стран Африки. В условиях растущих угроз терроризма, сепаратизма и организованной преступности национальные силовые структуры часто оказываются неспособны справиться с вызовами самостоятельно. Россия, имея значительный опыт в обеспечении безопасности

и обучении вооруженных сил, предлагает африканским странам эффективные решения, которые помогают стабилизировать регионы, защитить ключевые объекты инфраструктуры и поддержать государственность. При этом таким образом Россия не только помогает обеспечивать безопасность местных правительств, но и защищает инфраструктурные проекты и активы российских компаний.

Российский подход к «экспорту безопасности»

Российская модель обеспечения безопасности в Африке отличается от западных концепций, которые часто оказываются малоэффективными. Вместо навязывания готовых решений Россия предлагает партнерским странам собственный подход [172], включающий:

- обучение и усиление национальных вооруженных сил: Российские инструкторы проводят подготовку военных кадров, усиливают армии элитными подразделениями и предоставляют специалистов по планированию операций;

- сотрудничество через частные военные компании (далее – ЧВК): Российские ЧВК, такие как «Вагнер» или «Африканский корпус», обеспечивают защиту правительств, ключевых объектов и транспортных узлов, а также участвуют в совместных патрулях с местными военными.

Эти меры не только способствуют восстановлению безопасности, но и укрепляют политические отношения с Россией, создавая благоприятные условия для российских инвесторов и проектов.

Практический опыт: примеры сотрудничества

Центральноафриканская Республика (далее – ЦАР)

В ЦАР российские специалисты сыграли ключевую роль в стабилизации страны. После долгих лет хаоса и внутреннего конфликта российская поддержка позволила восстановить контроль над значительными территориями и укрепить центральную власть. Солдаты ЧВК «Вагнер»

обеспечивают защиту президента ЦАР и государственных институтов, что укрепляет государственность и способствует мирной жизни [63].

Мали

В Мали российские военные инструкторы помогают национальной армии освободить северные территории от террористов и сепаратистов. Например, при поддержке российских специалистов малийская армия взяла под контроль город Кидаль, ранее считавшийся оплотом туарегских сепаратистов [259].

Африканский корпус

Данная структура под командованием Минобороны России реализует концепцию российского «экспорта безопасности» не только в военной, но и в гуманитарной сфере. Сотрудничество охватывает Ливию, Мали, Нигер, Буркина-Фасо и ЦАР, где Россия помогает создавать условия для стабильного развития.

Сотрудничество в сфере безопасности позволяет России создавать долгосрочные партнерские отношения с африканскими странами. Укрепляя национальные вооруженные силы, защищая ключевые инфраструктурные объекты и предоставляя современные технологии, Россия способствует стабильности и развитию региона. Взамен африканские страны обеспечивают благоприятные условия для российских инвесторов, укрепляя экономические и политические связи.

Мягкая сила России в Африке

Мягкая сила также является важным инструментом внешней политики, позволяя странам укреплять свои позиции и продвигать национальные интересы через культурное, образовательное и информационное сотрудничество. Россия, имея значительный опыт в этой сфере еще со времен Советского Союза, может активно использовать свой потенциал для формирования благоприятного имиджа среди африканских стран, их элит и местного населения. Это особенно актуально в контексте усиления конкуренции за влияние на африканском континенте.

Повышение образовательных возможностей: вклад России в подготовку кадров

Одной из ключевых составляющих мягкой силы России в Африке является образовательное сотрудничество. Еще со времен СССР Россия использует образовательные программы как инструмент для укрепления связей с африканскими странами. В современных условиях эта практика возрождается:

- в 2023-2024 учебном году количество бюджетных мест в российских вузах для африканских студентов было увеличено до 4,7 тысячи, что более чем в два раза превышает показатели предыдущих лет [92]. Однако этот показатель все еще значительно уступает китайской инициативе, что требует дальнейшего расширения;

- на данный момент в российских вузах обучается около 35 тысяч африканских студентов, из которых 6 тысяч на бюджетной основе, сообщил заместитель науки и высшего образования Российской Федерации Константин Могилевский. Многие из них, завершив обучение, возвращаются в свои страны, занимают высокие должности в правительстве, бизнесе и науке, способствуя укреплению связей с Россией;

- возрождение традиций Российского университета дружбы народов, который играл ключевую роль в подготовке специалистов для стран Африки, также может стать важным элементом этой стратегии.

Обучение африканских студентов в российских вузах не только способствует распространению российских технологий и практик, но и формирует позитивное отношение к России среди будущих элит стран Африки.

Развитие образовательной и культурной инфраструктуры

Для повышения лояльности местного населения к российским проектам важно развивать образовательные и культурные центры в регионах присутствия российских компаний. Этот подход включает:

- открытие центров образования на русском языке. На сегодняшний день Минпросвещения планирует открыть такие центры в 28 странах Африки, что уже реализуется совместно с 14 педагогическими вузами России. Эти центры предоставят доступ к качественному образованию и популяризируют русский язык и культуру [67];

- работу российских центров науки и культуры (далее – РЦНК) в таких странах, как Египет, Тунис, Марокко, Эфиопия. Эти центры проводят фестивали, дни российской культуры и курсы русского языка, что способствует культурному обмену и укреплению связей между народами [94];

- фонд «Русский мир» активно работает в Африке, открывая кабинеты для изучения русского языка, которые оснащены современной литературой и мультимедийными материалами. Это поддерживает интерес к российской культуре и образовательным программам;

Кроме того, создание образовательных программ для местных работников российских компаний, таких как стажировки и повышение квалификации, повышает вовлеченность местного населения в проекты и улучшает их восприятие российской деятельности.

Информационная политика: расширение присутствия российских СМИ

Средства массовой информации (далее – СМИ) играют ключевую роль в продвижении мягкой силы. Россия уже активно использует свои медиаресурсы, такие как Russia Today (далее – RT) и Sputnik, для распространения своей точки зрения на африканском континенте:

- RT и Sputnik транслируют контент на английском и французском языках, освещая международные события и культурные инициативы России [126];

- образовательные программы, такие как «SputnikPro», способствуют обучению африканских журналистов, расширяя их знания и укрепляя профессиональные связи;

- создание контента на местных языках и привлечение африканских медиаперсон позволяет адаптировать информацию к культурным особенностям аудитории.

Однако присутствие российских СМИ в Африке остается ограниченным. Необходимо увеличивать их охват через локальные версии медиа, партнерства с африканскими изданиями и активное использование социальных медиа.

Таким образом, реализация Россией комплексного подхода, объединяющего уникальные компетенции в инфраструктурных проектах, содействие в цифровизации, в обеспечении безопасности и использование мягкой силы, формирует благоприятные условия для российских инвесторов в Африке. Предложение уникальных компетенций в строительстве необходимой инфраструктуры, содействие в цифровизации, деятельность по обеспечению безопасности и активное использование мягкой силы должно стать частью единой стратегии Российской Федерации по укреплению своего влияния в странах Африки и обеспечении лучших условий для своих инвестиционных проектов в нефтяной сфере. Все это позволяет укрепить доверие к России и дает стимулы для обеспечения преференций ее экономическим субъектам аналогичным тем, которые получают китайские компании на африканском рынке. Такая стратегия по обеспечению благоприятных факторов внешней среды создает устойчивую базу для долгосрочных инвестиций, минимизируя риски и открывая новые возможности для экономического сотрудничества.

Далее, в итоговом параграфе будет сформирован набор предложений по усовершенствованию инструментов инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в странах Африки с учетом содействия и курирующей роли государства как значимого фактора повышения конкурентоспособности российских игроков в условиях высококонкурентной среды.

3.3 Предложения по усовершенствованию системы механизмов и инструментов инвестиционных стратегий российских энергетических компаний на нефтяном рынке африканских стран

На основе проведенного анализа текущего состояния российских инвестиций в нефтяной сектор африканских стран, а также исследования трендов нефтяного рынка и факторов внешней среды, был выработан набор рекомендаций по усовершенствованию механизмов и инструментов инвестиционной стратегии российских нефтяных компаний в Африке с учетом курирующей роли государства. В рамках комплекса мер можно выделить следующую структурную последовательность реализации.

Первый этап. Базовым элементом формирования новой системы инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке должен стать переход от одиночной модели освоения новых рынков к созданию консорциумов (в том числе с иностранным участием) из нескольких компаний. Такой подход позволяет разделить риски и повысить свою конкурентоспособность за счет объединения преимуществ каждой компании.

Механизм формирования консорциума должен быть выстроен таким образом, в совокупности доля участия российских компаний должна составлять не более 33% в инвестиционном проекте с целью минимизации шансов попадания проекта под западные санкции. Формирование консорциумов должно осуществляться на основе принципа комплементарности: каждый из членов объединения должен дополнять другого, нивелируя недостатки партнера и взамен получая доступ к его ресурсам и компетенциям [152].

Параллельно с формированием консорциумов предлагается выстроить экосистему институтов развития и поддержки российских инвесторов, вкладывающих средства в африканские проекты. Данный механизм должен включать, на наш взгляд, не только суверенный фонд с долевым участием

Российской Федерации, инвестиционный банк и многопрофильный банк развития, но и институт экспортных кредитных гарантий, позволяющий страховать внешнеэкономические операции с полученной инвесторами продукцией за счет ресурсов государственного бюджета по тарифам ниже рыночного уровня, а также юридическое агентство, специализирующееся на изучении отраслевого законодательства в странах Африки, разработке типовых образцов долгосрочных инвестиционных соглашений и оказании помощи деловым ассоциациям в разработке законопроектов, призванных оптимизировать работу российских инвесторов с африканскими партнерами. Помимо этого, в рамках деловой ассоциации компаний, инвестирующих в рынок нефти и нефтепродуктов Африки, будет полезно сформировать структуру, отвечающую за выработку коллективной стратегии действий участников ассоциации на рынке макрорегиона на основе принципов индикативного планирования.

Важно отметить, что формирование экосистемы институтов развития и поддержки инвесторов не может протекать в условиях пассивности формируемых консорциумов, в отсутствие обратной связи с их стороны. Члены консорциумов должны выступать не только как соинвесторы, но и как партнеры в рамках организации лоббистской деятельности по формированию более благоприятного местного регулирования. Последняя должна осуществляться консорциумом на постоянной основе системным образом, что предполагает необходимость формирования деловой ассоциации, объединяющей все уже, присутствующие на африканском рынке нефтяные компании и коммерческие структуры, заинтересованные в присоединении к соответствующим проектам.

В рамках *второго этапа* консорциумы инвесторов, опираясь на доступ к ресурсам институтов развития и взаимодействуя с государством через лоббистские структуры, приступают к реализации проектов на стратегических направлениях освоения африканского рынка.

Первое из них предполагает необходимость диверсификации направлений деятельности. С одной стороны, Upstream-проекты необходимо дополнить вложениями в инициативы по переработке, хранению и транспортировке нефти. С другой стороны, российским инвесторам следует рассмотреть более активно участие на рынках стран Северной Африки. При этом указанные задачи во многом дополняют друг друга. В случае Египта, Туниса и Алжира заинтересованность местных элит в модернизации системы НПЗ сочетается с высоким уровнем политической стабильности и относительно малозначимыми масштабами репрезентации «ресурсного национализма». Помимо того, местные производства нефтепродуктов ориентированы преимущественно на рынки за пределами Африки, что должно обеспечить более высокий уровень прибыли от реализации инвестиционных проектов.

Существенный эффект может принести вложение средств в добывающие проекты и модернизацию НПЗ Ливии, однако степень политических рисков для инвесторов в этой стране по-прежнему крайне высока. Осуществление вложений в развитие системы нефтепереработки за пределами стран Магриба (например, в Нигерию и ЮАР) также представляется весьма перспективным, однако для них наверняка будет характерен более высокий уровень издержек, в том числе – в результате увеличения затрат на обеспечение безопасности или реструктуризацию транспортной и перерабатывающей инфраструктуры. Впрочем, в отсутствие готовности нести сопутствующие риски полноценное освоение рынка нефтепродуктов Африки невозможно: более 40% нефти и нефтепродуктов в Африке производится за пределами стран-отраслевых лидеров макрорегиона.

При этом следует отметить, что вложения в сферу нефтепереработки южнее Сахары должны сопровождаться синхронной реализацией Midstream-проектов совместно с государствами-импортерами макрорегиона.

В рамках второго направления должно осуществляться освоение наиболее перспективных традиционных проектов нефтедобычи, связанных с реализацией конечной продукции за пределами макрорегиона. В частности, в случае Республики Конго, ЮАР, Экваториальной Гвинеи и Анголы предпочтение желательно отдавать инвестиционным проектам, изначально ориентированным на сбыт продукции на внешних рынках за пределами Африки.

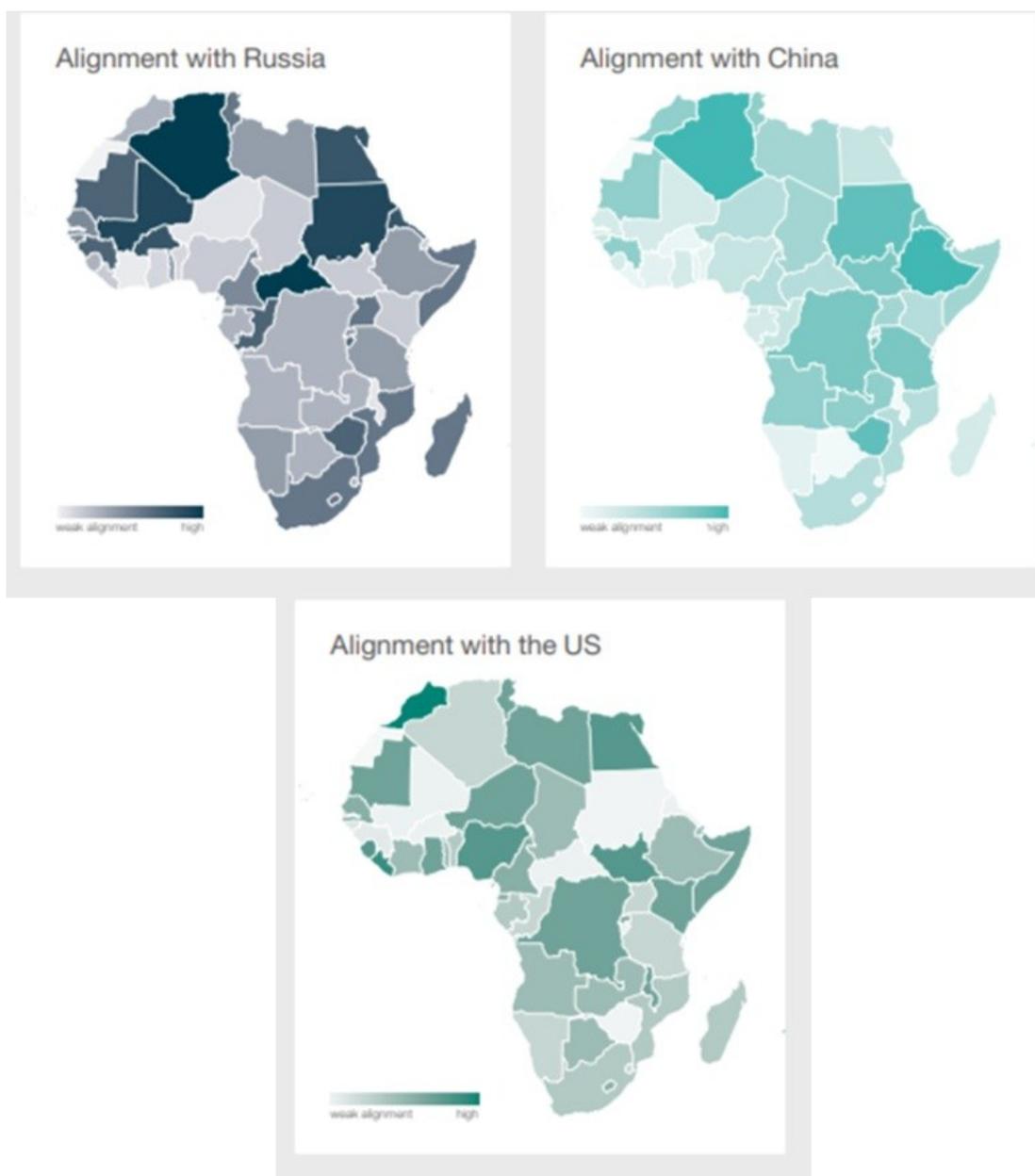
В рамках третьего направления инвестирования представляется необходимым обеспечить развития системы добывающих активов российских компаний представляется рациональным расширять миноритарное присутствие в проектах на территории стран, не охваченных действием сделки ОПЕК+ (Камерун, Сенегал, Мозамбик и Египет). Также положительный эффект может принести включение в процесс освоения перспективных месторождений, которые уже используются или разрабатываются крупными компаниями на шельфе Нигерии, в Анголе, Алжире, Габоне и Конго. Инвестиционная деятельность на данном направлении может быть дополнена особым механизмом, охватывающим программы приобретения прямого или косвенного контроля за перспективными активами, выставляемыми на продажу зарубежными компаниями, уходящими из Субсахарской Африки.

Развитие системы добывающих активов российских компаний в данном случае предполагает необходимость районирования макрорегионального рынка и оценки уровня безопасности, величины вознаграждения и рисков в пределах его конкретных национальных сегментов.

Первоначально в рамках исследования нами была сформулирована гипотеза, в соответствии с которой наиболее безопасными для инвесторов должны стать вложения в активы в странах, которые уже имеют тесные связи с Россией и не находятся под преимущественным влиянием каких-либо иных внерегиональных держав. На основании этого планировалось выделить группы стран на основе такого базового критерия, как состояние их

отношений с Россией, а затем проанжировать страны внутри этих зон на основе такого показателя, как соотношение рисков и возможностей. Однако ознакомление с актуальными исследованиями крупных экспертных центров международного уровня (в частности, с рейтингом The Africa Risk-Reward Index 2023, составленным экспертами Oxford Economics Africa и Control Risks) позволило установить, что большая часть крупных экономик континента (в том числе – ЮАР, Нигерия, Египет и так далее) придерживаются многовекторной внешней политики, следствием чего стало формирование баланса влияния ведущих международных акторов (таких как Китай, США и Россия) на конкретные африканские государства. Как правило, страны, находящиеся преимущественно под влиянием одного внешнего субъекта, характеризуют высокий уровень политической и экономической нестабильности, что ставит под сомнение ценность доминирования на их территории того или иного международного актора (примером чего могут служить ЦАР, Либерия или Мали). Исключением из данного правила может считаться лишь Марокко: для этой страны характерна четко выраженная приоритетность связей США при высоком уровне политической и экономической стабильности.

В результате согласно рисунку 8 на данный момент в Африке отсутствуют четко выраженные зоны влияния внешних акторов, включая Россию. Более того, в случае некоторых стран фиксируется тесный уровень контактов параллельно с великими державами, пребывающими в состоянии открытой или латентной конфронтации. В частности, для властей Египта стратегическими партнерами являются и Россия, и США. Во многих странах (например, в Алжире и Судане) наблюдается также паритет репрезентации интересов России и Китая.



Источник: составлено автором по материалам [257].
Рисунок 8 – Степень влияния России, Китая и США в странах Африки на 2023 г.

Как результат, было принято решение отказаться от планов инвестиционного зонирования по принципу оценки состояния отношений конкретных африканских стран с Россией. В целом визуализация на географических картах зон реального присутствия российских нефтяных компаний в Африке (либо наличия у них прав на эксплуатацию природных ресурсов) согласно рисунку 9 позволяет заключить, что на текущий момент их активы концентрируются преимущественно на северо-востоке и западе континента.



Источник: составлено автором по материалам [257].
 Рисунок 9 - Территории присутствия либо наличия прав на добычу нефти российских компаний в Африке

В целом география присутствия российских компаний покрывает большинство перспективных с точки зрения добычи, транспортировки и переработки нефти районов континента, выделенным нами ранее в ходе данного исследования. Однако вполне очевидной представляется необходимость ее расширения в рамках продвижения проектов в странах Магриба (Алжир, Тунис, Марокко), на юге (за счет сотрудничества с властями и частными компаниями ЮАР, а также интенсификации деятельности в Мозамбике) и западе континента (в рамках реализации проектов в Сенегале, Кот-д'Ивуаре и Габоне). В пользу этого свидетельствуют как результаты

изысканий, проведенных в рамках второй главы, так и данные о степени влияния России в конкретных странах континента, представленные в The Africa Risk-Reward Index 2023. На рисунке 10 представлены наиболее перспективные направления для инвестирования российских нефтяных компаний в Африке.



Источник: составлено автором по материалам [257].

Рисунок 10 – Перспективные направления для инвестирования российских нефтяных компаний в Африке

Опираясь на данные упомянутого выше рейтинга The Africa Risk-Reward Index 2023, выявленные нами во второй главе перспективные страновые направления для инвестирования согласно таблице 5 были проранжированы с точки зрения соотношения величины вознаграждения и рисков. Это позволило

установить, что наиболее безопасными представляются вложения в нефтяные проекты в Марокко, Сенегале, Кот-д'Ивуаре, ЮАР, Египте и Алжире (величина соотношения вознаграждения и рисков в их случае превышает среднее значение показателя по рейтингу, равное – 1,25). Относительно приемлемый уровень безопасности фиксируется в случае Ганы, Анголы и Туниса. Наименьший уровень безопасности наблюдается в случае возможных инвестиций в проекты на территории Мозамбика, Нигерии и Камеруна.

Таблица 5 – Уровень безопасности перспективных страновых направлений для инвестирования

Страна	Соотношение вознаграждения и рисков
Высокий уровень безопасности	
Марокко	0,86
Сенегал	0,43
Кот-д'Ивуар	0,21
ЮАР	- 0,57
Египет	- 0,92
Алжир	- 1,15
Средний уровень безопасности	
Гана	- 1,46
Ангола	- 1,84
Тунис	- 2
Низкий уровень безопасности	
Камерун	- 2,14
Нигерия	- 2,15
Мозамбик	- 2,89
Габон	данные отсутствуют
Республика Конго	данные отсутствуют
Экваториальная Гвинея	данные отсутствуют

Источник: составлено по материалам [257].

В целом согласно таблице 6 наиболее высокий размер вознаграждения для инвесторов связаны с вложениями в проекты на территории Кот-д'Ивуара, Нигерии, Сенегала, Египта, Марокко и Алжира. В случае этих стран уровень

вознаграждения превышает среднее значение показателя в рамках всей выборки рейтинга (4,5 балла). Уровень вознаграждения, близкий к среднему значению по общей выборке индекса, отмечается в случае ЮАР, Камеруна, Ганы, Анголы и Мозамбика. Относительно низкий уровень вознаграждения характерен для вложений в Тунис.

Таблица 6 – Уровень вознаграждения в рамках перспективных страновых направлений для инвестирования

Страна	Уровень вознаграждения для инвесторов
Высокий уровень вознаграждения	
Кот-д'Ивуар	5,77
Нигерия	5,5
Сенегал	5,41
Египет	5,38
Марокко	4,99
Алжир	4,7
Средний уровень вознаграждения	
ЮАР	4,49
Камерун	4,39
Гана	4,39
Ангола	3,84
Мозамбик	3,73
Низкий уровень вознаграждения	
Тунис	3,45

Источник: составлено по материалам [257].

Согласно таблице 7 зону высоких рисков для инвесторов формируют Нигерия, Мозамбик, Камерун и Египет: в их случае уровень рисков превышает среднее значение показателя в рамках всей выборки рейтинга (5,8 баллов). Уровень рисков, близкий к среднему значению по общей выборке рейтинга, фиксируется в случае Ганы, Алжира, Анголы, Кот-д'Ивуара, Туниса, ЮАР и Сенегала. Низкий уровень рисков характерен лишь для Марокко.

Таблица 7 – Уровень рисков в рамках перспективных страновых направлений для инвестирования

Страна	Уровень рисков
1	2
Высокий уровень рисков	
Нигерия	7,65
Мозамбик	6,62
Камерун	6,53
Египет	6,3
Средний уровень рисков	
Гана	5,85
Алжир	5,85
Ангола	5,68
Кот-д'Ивуар	5,56
Тунис	5,45
ЮАР	5,06
Сенегал	4,98
Низкий уровень рисков	
Марокко	4,13

Источник: составлено автором по материалам [257].

На основании обобщения данных приведенных выше рейтингов в таблице 8 мы можем выделить группу стран-участников рынка нефти и нефтепродуктов макрорегиона, для которых характерно сочетание высоких уровней безопасности и вознаграждения для инвесторов со средними либо низкими значениями рисков. К ней относятся Марокко, Сенегал, Кот-д'Ивуар и Алжир. Однако в случае Марокко следует помнить о наличии такого фактора, как аномально высокий уровень политической лояльности США. Последнее указывает на возможность возникновения затруднений, аналогичных проблемам российских инвесторов в Ливии.

Таблица 8 – Первый эшелон перспективных страновых направлений для инвестирования

Страна	Безопасность	Вознаграждение	Риски
Марокко	0,86	4,99	4,13
Сенегал	0,43	5,41	4,98
Кот-д'Ивуар	0,21	5,77	5,56
Алжир	- 1,15	4,7	5,85

Источник: составлено по материалам [257].

Второй эшелон африканских государств с точки зрения их инвестиционной привлекательности для российских нефтяных компаний согласно таблице 9 образуют Египет и ЮАР. В первом случае мы наблюдаем сочетание в целом высокий уровень рисков, компенсируемый почти столь же существенными возможностями, во втором при относительно высокой безопасности инвестирования величина как рисков, так и возможностей находится на среднем уровне.

Таблица 9 – Второй эшелон перспективных страновых направлений для инвестирования

Страна	Безопасность	Вознаграждение	Риски
ЮАР	- 0,57	4,49	5,06
Египет	- 0,92	5,38	6,3

Источник: составлено по материалам [257].

Как уже было отмечено выше, наименее безопасными для инвесторов нефтедобывающими странами Африки составителями рейтинга The Africa Risk-Reward Index 2023 согласно таблице 10 были признаны Камерун, Нигерия и Мозамбик. Однако в случае Нигерии высокие риски сочетаются с высоким же размером вознаграждения, что дает принципиальную возможность обсуждать вложения в соответствующие проекты. В то же время для Камеруна и Мозамбика характерны средний размер вознаграждения и высокие риски, что ставит под сомнение возможность вложения в их нефтяную отрасль дополнительных средств без существенной корректировки внешней среды работы компаний инвесторов.

Таблица 10 – Наименее безопасные перспективные страновые направления для инвестирования

Страна	Безопасность	Вознаграждение	Риски
Камерун	- 2,14	4,39	6,62
Нигерия	- 2,15	5,5	7,65
Мозамбик	- 2,89	3,73	6,62

Источник: составлено по материалам [257].

Как результат, мы можем разделить страны Африки, играющие существенную роль в нефтяной отрасли региона и перспективные с точки зрения долгосрочной динамики трендов глобального и макрорегионального рынков, на несколько кластеров с точки зрения их безопасности для вложений, а также размера сопутствующего вознаграждения и рисков.

Первый кластер образуют Сенегал, Кот-д’Ивуар, Алжир и, возможно, Марокко. Для них характерны высокий уровень безопасности, большой размер вознаграждения и средний или низкий уровень рисков.

Ко второму кластеру относятся Египет и ЮАР. При этом в долгосрочной перспективе они с высокой долей вероятности могут стать стратегическими партнерами первого эшелона благодаря особой роли в макрорегиональном сегменте переработки нефти (последнее подробно освещалось во второй главе исследования).

К третьему кластеру относятся Гана, Ангола и Тунис: сотрудничество с ними предполагает среднее либо относительно низкое вознаграждение при приемлемом уровне рисков.

К четвертому кластеру относятся Камерун, Нигерия и Мозамбик. Развитие инвестиционного партнерства с ними в обозримой перспективе возможно лишь в случае существенной трансформации внешней среды работы зарубежных компаний. Наиболее перспективными на данный момент представляются проекты на территории Нигерии, однако возможность их реализации прямо зависит от повышения уровня физической безопасности и решения логистических проблем.

Пятый кластер формируют Габон, Республика Конго и Экваториальная Гвинея. В их случае мы фиксируем необходимость проведения дополнительных изысканий с целью оценки возможностей и рисков для инвесторов.

В рамках четвертого направления освоения африканского рынка должен быть выстроен механизм поиска новых направлений сбыта конечной продукции, получаемой инвесторами. В качестве перспективных направлений реализации инвесторами африканской нефти и нефтепродуктов, выступают Латинская Америка и отдельные страны АТР. В первом случае речь идет преимущественно о Бразилии (в контексте сбыта африканских нефтепродуктов), Мексике, Чили и Колумбии, во втором – об Индии, Китае (по линии сбыта бензина, дизельного топлива и так далее), Малайзии, Южной Корее, Индонезии, Сингапуре, Пакистане и Таиланде. Внутри Африки перспективными рынками сбыта нефти, добытой инвесторами, выступают государства, заинтересованные в наращивании масштабов производства собственных нефтепродуктов – Египет, Тунис, ЮАР, Алжир, Ангола, Нигерия и Марокко.

Помимо реализации обозначенного алгоритма, система механизмов и инструментов инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке может быть усовершенствована за счет использования нереализованного потенциала государственно-частного партнерства.

Обозначенные в параграфе 3.1 риски и возможности следует оценивать в первую очередь в контексте возможности расширения первых и нивелирования последних. Решению соответствующих задач может способствовать реализация компаниями-инвесторами ряда инициатив при поддержке властей Российской Федерации. Соответствующие программы можно рассматривать в ключе продвижения интересов российского бизнеса посредством механизмов «мягкой силы», что подробнее описано в параграфе 3.2, и формирования конкурентных преимуществ за счет обеспечения доступа

к дефицитным и востребованным ресурсам социально-экономического развития для властей и коммерческих структур принимающих стран.

Так, потенциальным источником получения значимых конкурентных преимуществ на нефтяных рынках Африки для российских компаний могла бы стать реализация различных образовательных проектов совместно с государством. На сегодняшний день власти подавляющего большинства африканских стран крайне заинтересованы в получении помощи в рамках развития национальных образовательных систем, и соответствующие услуги могут стать важным фактором выстраивания экономических связей между странами континента и российскими компаниями. Только за период 2000-2020 годов количество африканских студентов, обучающихся за рубежом, выросло более чем на 100%, до 624 тыс. к 2020 г. При этом треть из них являются выходцами из относительно благополучной Северной Африки. Таким образом, подавляющее большинство стран Африки, включая ведущих игроков на рынке нефти в пределах континента, крайне заинтересованы во внешних вложениях в образовательные системы либо доступ к импорту образовательных услуг на льготных условиях. Возможность удовлетворения данного запроса может быть использована зарубежными инвесторами в качестве ресурса обмена, открывающего доступ к конкурентным преимуществам на национальных рынках нефти.

Данные о структуре корпуса студентов из Африки свидетельствуют о том, что на сегодняшний день сохраняется значительный потенциал в плане диверсификации потока абитуриентов за счет увеличения доли выходцев из Субсахарской Африки (на сегодняшний день приблизительно треть всех студентов, прибывающих в Россию из Африки, являются гражданами Египта). По данным за март 2023 г., большое число заявок на поступление в российские вузы поступало из Анголы, Демократическая Республика Конго, Замбия, Зимбабве, Республики Конго, Танзании, Уганды и Эфиопии. Необходимо подчеркнуть, что многие Midstream- и Downstream-проекты в Африке

являются трансграничными, в силу чего рациональным представляется адресное распространение «нефтяных квот» для африканских студентов на государства, формально не являющиеся значимой частью нефтяного рынка континента, но играющие большую роль с точки зрения логистики и инфраструктуры инвестиционных проектов [142].

Авторы доклада «Russia — Africa Vision 2030», представленного на саммите России-Африки в Сочи 23-24 октября 2019 г., отмечают необходимость ежегодного увеличения в интересах Российской Федерации размера квот для студентов из Африки не менее чем на 12%. При этом подчеркивается, что одним из ключевых критериев распределения студентов-африканцев между вузами должны стать вес страны в торговле с Россией и динамика показателей внешнеэкономической кооперации [94].

Совместные инициативы государства и компаний-инвесторов, работающих на африканском рынке нефти, могут стать частью действующей государственной программы «Экспорт образования» (сроки реализации – 2017-2025 годы) и развивающих ее нормативных правовых актов. Данная программа предполагает увеличение численности обучающихся в российских вузах по очной форме иностранных студентов с 220 тыс. до 710 тыс. Общие масштабы программы позволяют относительно безболезненно перераспределить имеющиеся квоты в пользу студентов из африканских стран, интересующих российских инвесторов. Реализация данной инициативы также способна дать факультативный позитивный эффект: студентов из соответствующих стран Африки можно готовить именно по специальностям, прямо или косвенно востребованным в рамках реализации инвестиционного проекта [95].

Также представляет интерес советский опыт производственного обучения и программ повышения квалификации африканских специалистов непосредственно на производственных и инфраструктурных объектах, создаваемых Африке. В данном случае взаимовыгодное сотрудничество

образовательных организаций и нефтяных компаний может осуществляться в двух формах. С одной стороны, можно привлекать африканских студентов соответствующего профиля в период каникул к производственной практике на российских объектах компаний, инвестирующих в проекты на территории Африки. С другой стороны, можно развернуть систему стажировок на объектах инвесторов, расположенных непосредственно в Африке, для только что выпустившихся студентов-специалистов в сфере нефтедобычи либо управления коммерческими объектами [78].

В перспективе представляется полезным наладить сотрудничество нефтяных компаний и профильных российских вузов в рамках открытия в странах Африки филиалов учебных заведений России, занимающихся подготовкой востребованных при реализации инвестпроектов кадров из числа представителей местного населения. Данный подход уже был ранее успешно апробирован инвесторами из Китая (университеты КНР имеют отделения в 22 странах континента) [89].

Значимым аргументом в рамках переговоров с властями африканских стран относительно реализации инвестиционных проектов может стать также предложение об организации академических командировок преподавателей из России (данный инструмент, в частности, активно используется Китаем в рамках продвижения своих интересов в Африке).

С целью реализации программы «нефтяных квот» и иных озвученных инициатив образовательного и культурного характера, способных облегчить положение инвесторов, представляется рациональным заимствовать организационный опыт КНР и сформировать специализированную площадку для выстраивания диалога с африканскими партнерами с участием как профильных государственных ведомств, так и коммерческих структур. В случае Китая эту функцию выполняют действующий с 2000 г. Форум китайско-африканского сотрудничества (саммиты которого проходят с периодичностью в три года) и созданный по его инициативе постоянно

действующий орган – Фонд развития африканских человеческих ресурсов, финансируемый из бюджета КНР и фактически подконтрольный китайскому министерству иностранных дел. В сферу компетенции данного фонда входит реализация трехлетних программ развития, охватывающих организацию обучения студентов из Африки, предоставление им стипендий, помощь африканским вузам в создании совместных школ и лабораторий с китайскими университетами и институтами, регулирование командировок в Африку преподавателей из КНР, меры распространению китайского языка в Африке и подобное [79].

Вполне очевидно, что реализация обозначенных инициатив потребует существенных затрат в первую очередь со стороны российского государства. Однако эти вложения можно будет в существенной степени компенсировать за счет роста налоговых поступлений от компаний-инвесторов. И в то же время переход российских властей к более комплексному и долгосрочному формату взаимодействия со странами Африки позволит надежным образом защитить экспорт капиталов государственных компаний Российской Федерации, а также в целом трансформировать в выгодном для себя ключе инвестиционную среду многих регионов Африки [16].

Помимо того, в качестве средства нивелирования рисков и расширения возможностей может выступить использование механизмов, позволяющих сочетать ведение бизнес-деятельности с решением стратегических социально-экономических проблем стран и регионов присутствия. Наглядным примером в данном случае может служить использование побочных продуктов нефтепереработки для производства битума и строительства дорожной инфраструктуры, до сих пор слабо развитой в странах Африки.

Перспективность вложений компаний-инвесторов в создание битумных установок при нефтеперерабатывающих предприятиях подтверждают также активные усилия африканского бизнеса по масштабированию соответствующих производств. В частности, еще в 2014 г. Транснациональное

битумное общество Кот-Д'Ивуара (Société Multinationale de Bitumes или SMB) заявило о планах более чем в два раза увеличить мощности по производству битума к 2020 г., рассчитывая на сопутствующий рост спроса на строительные материалы, используемые в рамках реализации дорожных проектов в Западной и Центральной Африке, в первую очередь со стороны Нигерии, Ганы, Габона, Того, Анголы и Камеруна. С этой целью в создание новых битумных установок было дополнительно инвестировано 19 млн долларов США [243]. Отдельно следует отметить, что на сегодняшний день на рынке Западной Африки доминирующее положение занимает малый и средний бизнес (то есть там отсутствуют крупные компании-конкуренты), что открывает большие возможности для крупных инвесторов. Заслуживает внимания и то, что большинство местных производителей не владеют технологиями производства битумной эмульсии и полимерно-модифицированного битума [238].

Запуск инвесторами производства битума в качестве проекта-«спутника» при нефтеперерабатывающих производствах в Африке также может способствовать налаживанию деловых связей с властями и коммерческими структурами Египта (по данным на 2022 г., на долю этой североафриканской страны приходилось 20% мирового импорта битума и асфальта) [221].

В пользу реализации инициативы по созданию «спутниковых» битумных производств свидетельствует также позитивный опыт Китая. Министерство торговли КНР выступает в качестве оператора системы грантов и кредитов с нулевой ставкой, предоставляемых принимающим китайских инвесторов странам. И в первую очередь власти Китая выделяют средства на проекты, связанные с ремонтом и строительством дорог, поскольку наличие транспортной инфраструктуры должного качества обеспечивает дополнительные гарантии успешной реализации инвестиционных планов и в целом снижает издержки на их выполнение [87].

Дополнительным аргументом в пользу создания инвесторами в странах Африки «спутниковых» битумных производств служит наличие у ряда российских нефтяных компаний опыта успешной реализации аналогичных инициатив в других регионах. Так, в 2020 г. «Газпром-нефть» успешно реализовала проект по поставке полимерно-битумных вяжущих (разработанных в научно-исследовательском центре компании на основе метода Supergravel) для строительства транспортного коридора Vi-Oceanic Corridor в Бразилии и Парагвае [119].

Кроме того, источником получения конкурентных преимуществ для российских компаний может стать поддержка африканских программ импортозамещения. Как отмечают эксперты НИУ ВШЭ, еще в период 2000 годов в странах Африки начал фиксироваться рост интереса государственных структур и частных компаний к программам импортозамещения, в том числе – в сфере нефтяной промышленности [3]. Однако соответствующие амбиции и намерения зачастую не подкрепляются соответствующей ресурсной базой. При этом европейские и американские компании, рассматривающие Африку в качестве рынка сбыта собственных нефтепродуктов, объективно не заинтересованы в успехе африканских программ импортозамещения в нефтяном секторе. Инвесторы из Китая и государств Среднего Востока также предпочитают вкладываться преимущественно в Upstream- и Midstream-проекты, технологическое обеспечение реализации которых гарантировано участием западных компаний. В этих условиях сотрудничество с российскими компаниями становится одной из наиболее перспективных альтернатив, в особенности – с учетом наличия у них опыта успешной реализации собственных программ импортозамещения.

В течение периода 2014-2023 годов российские нефтяные компании успешно реализовали планы по созданию и запуску производства оборудования для гидроразрыва пласта, подводной добычи углеводородов,

сейсморазведки, а также катализаторов гидроочистки и так далее. Опрос руководителей предприятий обрабатывающей промышленности, проведенный Центром исследований структурной политики НИУ ВШЭ, показал, что в сфере производства нефтепродуктов доля российских предприятий, оценивающих степень своей импортозависимости как критическую, составляла 0% по таким категориям, как «Детали и компоненты», «Машины и оборудование» и «Технологии» [15].

В качестве наглядного примера в данном случае можно привести деятельность компании «Роснефть» – одного из наиболее перспективных российских инвесторов на африканском рынке.

Только за период 2022 г. корпорация получила свыше 100 патентов на изобретения. Всего к началу 2023 г. «Роснефти» принадлежали более 950 продуктов интеллектуальной собственности. За период реализации программ импортозамещения научный центр компании вырос до размеров кластера из 30 проектных и исследовательских институтов, обеспечивающего ежегодно экономический эффект на уровне свыше 150 млрд рублей. При этом проекты импортозамещения корпорации охватывают, в том числе, инициативы по созданию программного обеспечения для ключевых процессов нефтедобычи.

Доступ к этим технологиям, в том числе – на преференциальных условиях, а также организационная и кадровая помощь в рамках выстраивания политики импортозамещения в нефтяном секторе потенциально способны стать значимым инструментом реформирования внешней среды в пользу российских инвесторов на африканском рынке.

Таким образом, развитие инструментов реализации инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке и создание благоприятных условий внешней среды необходимо осуществлять в первую очередь в ключе выстраивания кооперации между присутствующими на рынке континента инвесторами из России и налаживания поддержки активности

бизнеса российским государством в институционализированных формах. Реализация инвестпроектов должна также сопровождаться развитием в странах-реципиентах инициатив «мягкой силы» в формате государственно-частного партнерства и налаживанием сотрудничества российских компаний с национальными фирмами, в том числе – в рамках локализации производств, подготовки рабочих кадров, предоставления эксклюзивного доступа к технологиям и поддержки местных инициатив импортозамещения. Использование данного комплексного подхода позволит существенно улучшить факторы внешней среды для российских инвесторов в нефтяной сфере, снизить риски, и тем самым повысить их конкурентоспособность по отношению к другим сильным игрокам на рынке африканских стран.

Выводы по главе 3

Проведенный анализ факторов внешней среды для российских нефтяных инвесторов в Африке позволил выделить комплекс возможностей и рисков, оказывающих существенное влияние на их инвестиционную деятельность. Среди возможностей выделяются ослабление присутствия западных компаний из-за экологических ограничений и санкций, тесные политические связи России с рядом африканских стран, а также растущий внутренний спрос и демографический потенциал региона. Эти факторы создают благоприятные условия для российских инвесторов, особенно в сегменте переработки нефти (Downstream-проекты) и расширения добычи в Субсахарской Африке.

Ключевые риски включают слабое развитие инфраструктуры, политическую нестабильность, угрозы безопасности и ограниченный доступ российских компаний к дешевым финансовым ресурсам. Санкционные ограничения со стороны Запада также остаются значительным вызовом, затрудняющим долгосрочное планирование и реализацию проектов.

Для нивелирования рисков и использования возможностей предложены следующие меры обеспечения благоприятной внешней среды, основанные на

интеграции государственной поддержки и координации усилий российских компаний. Во-первых, предложение уникальных компетенций, таких как строительство атомных электростанций и использование побочных продуктов нефтепереработки, направлено на решение ключевых проблем африканских стран и укрепление экономических связей. Во-вторых, содействие цифровизации государственного управления через внедрение передовых российских технологий может повысить эффективность управления в странах региона. В-третьих, участие России в обеспечении безопасности, включая стабилизацию регионов и защиту активов путем привлечения своих ЧВК для обучения национальных вооруженных сил стран Африки и непосредственное участие в охранных функциях способствует созданию благоприятных условий для российских инвесторов. Наконец, использование мягкой силы, включая образовательные и культурные программы, позволяет формировать позитивный имидж России и укреплять ее позиции на континенте.

В финальном параграфе разработан комплекс рекомендаций по совершенствованию механизмов инвестиционных стратегий нефтяных компаний с учетом государственной поддержки. Важное место отводится развитию государственно-частного партнерства, которое позволяет объединять ресурсы и компетенции государственных институтов и частного бизнеса для реализации крупных инвестиционных проектов (например, строительство АЭС «Эль-Дабба» в Египте). Локализация производства является еще одним важным направлением. Вовлечение местных специалистов, использование местных материалов и развитие инфраструктуры на территории африканских стран способствует созданию рабочих мест, повышает привлекательность российских инвестиций для африканских стран. Еще одна мера – совместное лоббирование изменений в инвестиционном законодательстве отдельных государств, что может содействовать в упрощении налогового режима и создавать новые конкурентные преимущества.

Кроме того, были выделены приоритетные государства для осуществления различных типов инвестпроектов на основе их экономического положения, а также рисков, которые могут сопровождать российские проекты в этих странах. Среди приоритетных стран по максимальной отдаче от инвестиций и минимальным рискам были выделены Алжир, Египет, Сенегал, Марокко, ЮАР и Кот-д'Ивуар.

Отдельное внимание уделено таким методам использования мягкой силы, как усиление образовательных программ и обменов для жителей стран Африки и возможность реализации битумных производств для строительства дорожной инфраструктуры региона.

Предложенные меры направлены на усиление конкурентоспособности российских компаний, минимизацию рисков и создание устойчивой основы для долгосрочного присутствия на африканском рынке.

Заключение

Представленное исследование направлено на формирование научно-обоснованных практических рекомендаций по повышению эффективности инвестиционных стратегий российских энергетических компаний при освоении ими рынка стран Африки. В ходе работы цель исследования была достигнута, а все поставленные задачи решены. Полученные результаты работы позволили сформировать набор положений, выносимых на защиту.

Положение 1 Выявлены особенности инвестиционных подходов компаний стран Запада, Китая и России в нефтяном секторе стран Африки.

Так, компании США и Европы, присутствующие в Африке с 1950 годов, чаще всего в основе своих инвестстратегий использовали соглашения о разделе продукции (СРП), концессии и прочее. Китайские компании, начавшие инвестировать в 1990 годах, фокусируются на долгосрочном присутствии и при поддержке государства создают инфраструктуру и способствуют развитию местного образования и подготовке кадров. Российские компании, пришедшие в страны Африки в 2010 годах, делают акцент на комплементарности и долгосрочных проектах с глубокой переработкой ресурсов, экспортно-импортным кредитованием и контрактами жизненного цикла. Обоснован вывод о том, что инвестиционные стратегии нефтяных компаний формируются под значительным влиянием внешней среды, что обусловлено спецификой отрасли; экономическими факторами, такими как долгосрочная динамика спроса и предложения энергоносителей; политической конъюнктурой; правовым регулированием и социальными аспектами добычи и переработки нефти.

Положение 2 Систематизированы макрорегиональные тренды развития рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки, определяющие перспективы и риски для российских инвесторов.

Африканский рынок нефти и нефтепродуктов характеризуется рядом ключевых макрорегиональных трендов, включая значительный рост спроса на нефтепродукты (по прогнозам ОПЕК, спрос увеличится на 80% к 2045 году), кризис перерабатывающих мощностей и недоинвестирование в домашнюю переработку. При этом с учетом тренда на рост внутреннего потребления углеводородов можно сделать вывод о том, что доля экспорта в добыче будет год от года снижаться.

Страновая специфика рынка показывает, что страны-лидеры, такие как Нигерия, Египет и Алжир, активно ищут иностранных инвесторов, чтобы восполнить хроническое недоинвестирование. Можно утверждать, что такие страны как Египет и ЮАР являются наиболее перспективными для проектов в переработке, тогда как Нигерия и Ангола предлагают выгодные возможности для инвестиций в добычу. В странах с менее развитой инфраструктурой, таких как Габон и Конго, необходимо учитывать значительные затраты на развитие транспортной и логистической базы.

Устойчивый рост мирового спроса на нефть (2% в год) и нефтепродукты (1% в год) стимулирует интерес к африканским энергоресурсам. Предложена авторская инвестиционная стратегия в реализации как классических Downstream-, так и более востребованных Midstream-проектов, что соответствует долгосрочной тенденции переориентации нефтедобывающей отрасли региона с экспорта на удовлетворение внутренних потребностей.

Положение 3 Разработан концептуальный подход по обеспечению благоприятной внешней среды для российских инвесторов в нефтяной сектор африканских стран.

В основу авторской концепции положен анализ макрорегиональных трендов развития рынка нефти и нефтепродуктов стран Африки: значительный рост спроса на нефтепродукты (по прогнозам ОПЕК, спрос увеличится на 80% к 2045 году), кризис перерабатывающих мощностей, недоинвестирование в домашнюю переработку (импорт более 1,9 млн баррелей нефтепродуктов в

сутки), и ориентация на экспорт (более 84% добываемых углеводородов идут на экспорт).

Важным драйвером также выступают соглашения ОПЕК+, которые на сегодняшний день ограничивают добычу нефти стран-членов картеля на 2,2 млн баррелей в сутки, что в свою очередь стимулирует добычу в странах, не участвующих в соглашении, включая многие государства Африки. Еще одним фактором являются ограничения на высокоуглеродную нефть в Европе и США, что способствует переориентации африканских поставок на другие рынки, усиливая роль Африки как стратегического экспортера в Азию и Латинскую Америку, где ежегодный рост спроса составляет 4,4%. Этот же фактор способствует снижению инвестиционной активности западных нефтедобывающих компаний в Субсахарской Африке, открывая новые возможности для инвесторов из других государств.

Среди негативных факторов глобального уровня отмечается увеличение мощностей нефтеперерабатывающих заводов в странах ОЭСР на 5,8%, что оказывает давление на развитие перерабатывающей инфраструктуры в Африке. При этом структура импорта нефтепродуктов в африканских странах демонстрирует слабую корреляцию с глобальными трендами, что объясняется растущими внутренними потребностями стран региона.

В совокупности, глобальные и макрорегиональные тренды формируют благоприятные условия для освоения месторождений и развития переработки нефти в странах Африки, создавая возможности для российских инвесторов в долгосрочной перспективе.

Положение 4 Предложен комплекс практических рекомендаций по совершенствованию инструментов государственной поддержки и реализации инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в Африке.

Основной акцент сделан на усилении кооперации между российскими инвесторами, что позволит объединять их конкурентные преимущества, минимизировать риски и повышать устойчивость проектов в условиях

высококонкурентной среды. В качестве наиболее перспективной отрасли на основе макрорегиональных и глобальных факторов рынка нефти были выделены инвестиции в перерабатывающие мощности (Downstream-проекты) в странах с высоким спросом на нефтепродукты, таких как Египет, Алжир и Нигерия. Недостаток перерабатывающих мощностей в регионе делает такие проекты особенно выгодными на фоне ограниченной конкуренции.

Государственная поддержка предложена в формате государственно-частного партнерства, включающего финансовую помощь, организацию переговорных процессов с местными властями и содействие в реализации инициатив. Важным элементом является участие российских компаний в локализации производства, что призвано укрепить их рыночные позиции и способствует развитию устойчивых экономических связей.

Кроме того, одной из ключевых рекомендаций является институционализация взаимодействия с африканскими государствами, включая предложения по улучшению местного инвестиционного законодательства. Это позволит создавать благоприятные условия для российских компаний, включая лоббирование выгодных изменений в нормативной базе.

Положение 5 В рамках выявления приоритетных и наиболее безопасных стран для осуществления инвестиционных проектов разработана «карта инвестора» в страны Африки для отечественных компаний нефтяной сферы. Определены приоритетные страны для реализации различных типов инвестиционных проектов с учетом их экономического потенциала и уровня рисков, связанных с осуществлением экономических инициатив. В числе наиболее перспективных для инвестиций, обеспечивающих высокую отдачу при минимальных рисках, выделены Алжир, Египет, Сенегал, Марокко, ЮАР и Кот-д'Ивуар.

Все указанные выше рекомендации направлены на повышение конкурентоспособности российских компаний на африканском рынке,

усиление их позиций и снижение воздействия геополитических факторов, что создаст устойчивую основу для долгосрочного сотрудничества.

Результаты и положения настоящего исследования могут быть использованы представителями нефтяных компаний в рамках разработки и коррекции инвестиционных стратегий, ориентированных на освоение рынка нефти и нефтепродуктов Африки, а также представителями российских государственных структур.

Положения, методические разработки и выводы диссертации могут применяться в учебном процессе в качестве источника дополнительного материала для студентов, аспирантов и соискателей, ведущих исследования в области экономической науки.

Представленное исследование может быть продолжено по ряду направлений, нуждающихся в углубленном изучении. К наиболее перспективным из их числа относятся такие аспекты темы, как:

- формирование методических подходов к оценке взаимовлияния глобальных и макрорегиональных трендов рынков нефти и нефтепродуктов;

- разработка механизмов адаптации инвестиционных стратегий нефтяных компаний к усилению санкционного давления;

- разработка способов повышения координации действий российских экономических агентов и российских государственных органов с целью повышения эффективности инвестиционной деятельности;

- разработка и регулярное обновление условного «индекса» отечественного инвестора в нефтяную сферу африканских стран с целью предоставления наиболее актуальной информации по рискам, возможностям и приоритетным государствам для осуществления инвестиционных проектов.

Эти шаги позволят укрепить позиции российских игроков в энергетическом секторе стран Африки, обеспечивая стратегические и экономические интересы России в условиях высокой международной конкуренции.

Список литературы

Книги

1. Айрапетян, С.А. История и методология инвестиций и инвестиционной привлекательности как экономической категории / С.А. Айрапетян // Научное сообщество студентов : материалы XIII международной научно-практической конференции – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 91-96. – ISBN 978-5-9909609-8-5.
2. Ансофф, И. Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф. – Санкт-Петербург : Питер Ком, 1999. – 416 с. – ISBN 5-314-00105-5.
3. Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / А.А. Маслов, В.Ю. Свиридов [и др.]. – под общей редакцией А.А. Маслова : в 2 томах. Том 1. – Москва : НИУ ВШЭ, 2023. – 224 с. – ISBN 978-5-7598-2906-5.
4. Бланк, И.А. Инвестиционный менеджмент : учебный курс/ И.А. Бланк. – Москва : Ника-Центр, 2007. – 448 с. – ISBN 5-901620-32-1.
5. Брэddик, У. Менеджмент в организации / У. Брэddик. – Москва : ИНФРА-М, 1997. – 344 с. – ISBN 5-86225-359-9.
6. Бушуев, В.В. Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз / В.В. Бушуев, А.А. Конопляник, Я.М. Миркин. – Москва : Энергия, 2013. – 344 с. – ISBN 978-5-98908-110-3.
7. Воронцовский, А.В. Инвестиции и финансирование: методы оценки и обоснования / А.В. Воронцовский ; – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – 528 с. – ISBN 5-288-02108-2.
8. Гаврилец, Ю.Н. Проблемы использования количественных методов в социологии / Ю.Н. Гаврилец, Ю.А. Левада, В.Н. Шубкин // Моделирование социальных процессов. – Москва : Наука, 1970. – 228 с.

9. Гитман, Л.Дж. Основы инвестирования / Л.Дж. Гитман, М.Д. Джонк. – Москва : Дело, 1999. - 991 с. – ISBN – 5-7749-0011-8.
10. Дейч, Т.Л. Роль китайских прямых инвестиций в модернизации минерально-сырьевого комплекса стран Африки / Т.Л. Дейч // Африка: пути модернизации экономики : сборник научных статей ; под реакцией С.А. Бессонова [и др.] – Москва : ИМЭМО РАН, 2014. – С. 145–155. – ISBN 978-5-91298-153-1.
11. Дженстер, П. Анализ сильных и слабых сторон компании: определение стратегических возможностей / П. Дженстер, Д. Хасси. – Москва : Вильямс, 2016. – 368 с. – ISBN 978-5-8459-2119-2.
12. Джонстон, Д. Международный нефтяной бизнес. Налоговые системы и соглашения о разделе продукции / Д. Джонстон. – Москва : Олимп-Бизнес, 2003. – 368 с. – ISBN 5-901028-18-X.
13. Ершов, А.В. Проблемы и преимущества инновационного предприятия / А. В. Ершов. – Москва : Лаборатория книги, 2011. – 100 с. – ISBN 978-5-504-00390-0.
14. Жуков, С.В. Мировой рынок нефти и газа: игроки и стратегии / С.В. Жуков. – Москва : ИМЭМО РАН, 2008. – 139 с. – ISBN 978-5-9535-0159-0.
15. Импортзамещение в российской экономике: вчера и завтра: аналитический доклад / Я.И. Кузьминов [и др.] ; НИУ «Высшая школа экономики». – Москва : Издательский дом ВШЭ, 2023. – 70 с. — ISBN 978-5-7598-2755-9.
16. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – Москва : ЗАО «Бизнеском», 2013. – 402 с. – ISBN 978-5-91663-155-5.
17. Колтынюк, Б.А. Инвестиционные проекты : учебник / Б.А. Колтынюк. – Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В. А., 2002. – 624 с. – ISBN 5-8016-0189-9.

18. Компьютерное моделирование социально-политических процессов / под редакцией О.Ф. Шаброва. – Москва : Интерпракс, 1994. – 107 с. – ISBN 5-85235-097-4.
19. Коротков, Э.М. Концепция российского менеджмента / Э.М. Коротков. – Москва : ДеКА, 2004. – 896 с. – ISBN 5-89645-036-2.
20. Кругман П.Р. Международная экономика: теория и практика : учебник для вузов / П.Р. Кругман, М. Обстфельд ; под редакцией В.П. Колесова, М.В. Кулакова. – Москва : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова : ЮНИТИ, 1997. – 800 с. – ISBN 5-89645-036-2.
21. Лапина, Е.О. Инвестиции Китая в страны Африки / Е.О. Лапина // Инвестиции и цифровые инновации : сборник научных статей по результатам конференции «Investment and Digital Innovations» ; под редакцией И.А. Айдруса [и др.] – Москва : Издательство РУДН – 2019. – С. 132–139. ISBN 978-5-209-10048-5.
22. Ларионов, И.К. Синергия социального и корпоративного управления : монография / И.К. Ларионов. – Москва : Дашков и К, 2022. – 470 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-394-04544-8.
23. Лахметкина, Н.И. Инвестиционная стратегия предприятия : учебник для вузов / Н.И. Лахметкина. – Москва : КНОРУС, 2014. – 231 с. – ISBN 978-5-406-03230-5-I-2014.
24. Либ, Д. Фактор нефти: как защитить себя и получить прибыль в период грядущего энергетического кризиса / Д. Либ, С. Либ ; перевод с английского. – Москва : И.Д. Вильямс, 2007. – 320 с. – ISBN 978-5-8459-1072-1.
25. Макконнелл, К. Экономикс: принципы, проблемы и политика : учебник / К. Макконнелл, С. Брю. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 1028 с. – ISBN 978-5-16-006520-5.

26. Мертенс, А. Инвестиции / А. Мертенс. – Киев : Киевское инвестиционное агентство, 1997. – 416 с. – ISBN 966-95111-0-0.
27. Минцберг, Г. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегического менеджмента / Г. Минцберг, Б.Альстранд, Ж.Лампель. – Москва : Альпина Паблишер, 2013. – 367 с. – ISBN 978-5-9614-2223-8.
28. Николаев, М.А. Инвестиционная стратегия / М.А. Николаев, М.Ю. Махотаева, Д.П. Малышев. – Псков : Псковский государственный университет, 2017. – 244 с. – ISBN 978-5-91116-584-0.
29. Прикот, О.Г. Стратегическое развитие образовательных систем и организаций на основе проектного менеджмента / О.Г. Прикот, В.Н. Виноградов. – Санкт-Петербург : НИУ ВШЭ, 2011. – 148 с. – ISBN 978-5-4441-0124-7.
30. Разумнова, Л.Л. Проблемы современной нефтяной политики / Л.Л. Разумнова. – Москва : МАКС Пресс, 2006. – 54 с. – ISBN 5-317-01759-9.
31. Романовская, Е.В. Проектирование и реинжиниринг бизнес-процессов : учебное пособие / Е.В. Романовская, В.П. Кузнецов, В.П. Агафонов [и др.] – Нижний Новгород : Мининский университет, 2018. – 200 с. – ISBN 978-5-9948-3188-5.
32. Рохчин, В.Е. Стратегическое территориальное планирование в России: анализ, проблемы, предложения : аналитический доклад / В.Е. Рохчин. – Санкт-Петербург : ИРЭ, 2001. – 42 с. – ISBN отсутствует.
33. Рыженко, Л.И. Стратегия развития города Омска : доклад / Л.И. Рыженко. – Омск : Курьер, 2001. – 20 с. — ISBN отсутствует.
34. Сергеев, И.В. Организация и финансирование инвестиций / И.В. Сергеев, И.И. Веретенникова. – Москва: Финансы и статистика, 2002. – 400 с. – ISBN 5-279-02362-0.

35. Стюарт, К. Стратегия и структура / К. Стюарт, А. Чендлер. – Москва : Олимп-Бизнес, 2005. – 75 с. – ISBN 5-901028-95-3.
36. Томпсон, А.А. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии / А.А. Томпсон, А.Дж. Стрикленд ; перевод с английского под редакцией Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой. – Москва : Юнити-Дана, 2017. – 576 с. – ISBN 978-5-85173-059-5.
37. Фишер, С. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. – Москва : Дело ЛТД, 1993. – 828 с. – ISBN 978-5-0000-0000-0.
38. Форрестер, Дж. Динамика развития города / Дж. Форрестер. – Москва : Прогресс, 1974. – 288 с.
39. Шарп, У.Ф. Инвестиции : учебник / У.Ф. Шарп, Г.Д. Александер, Д.В. Бэйли ; перевод с английского. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 1028 с. – ISBN 978-5-16-016789-3.
40. Эванс, В. Ключевые стратегические инструменты: 88 инструментов, которые должен знать каждый менеджер / В. Эванс ; перевод с английского В. Н. Егорова. – Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2018. – 456 с. – ISBN 978-5-00101-134-7.

Нормативные правовые акты

41. Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам [Поручения Президента Российской Федерации от 26.01.2023] // Президент России : официальный сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70412> (дата обращения: 14.08.2024).
42. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года. [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 N 1523-р (редакция от 21.10.2024)] // Правительство

России : официальный сайт. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <http://government.ru/docs/all/128340/> (дата обращения: 03.04.2024).

43. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229] // Президент России : официальный сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 15.12.2024).

44. Российская Федерация. Законы. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений : федеральный закон [принят Государственной Думой 25 февраля 1999 года] // КонсультантПлюс : [сайт]. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW-22142/ (дата обращения: 15.12.2024).

Диссертации

45. Алексанян, А.А. Влияние международной деятельности крупнейших российских ТНК на национальную экономику : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Алексанян Анна Артуровна ; Российский университет дружбы народов – Москва, 2017. – 159 с. – Библиогр.: с. 126-134.

46. Алхассан, Т.Ф. Особенности финансирования инвестиционного развития в странах Африки к югу от Сахары : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Тиджани Форго Алхассан ; Российский университет дружбы народов – Москва, 2022. – 213 с. – Библиогр.: с. 185-208.

47. Болохов, И.И. Особенности внешней политики Китая в Африке в 2000-е годы : специальность 23.00.04 «Политические проблемы

международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Болохов Иван Игоревич ; МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 192 с. – Библиогр.: с. 169-192.

48. Бродский, Д.А. Инвестиционная стратегия холдинговой организации : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Бродский Дмитрий Александрович ; МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 140 с. – Библиогр.: с. 120-139.

49. Власов, Д.С. Стратегии инвестирования российских промышленных предприятий: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук // Власов Дмитрий Сергеевич ; – Москва, 2016. – 161 с. – Библиогр.: с. 114-126.

50. Джиоев, В.А. Финансирование инвестиционного процесса в российских регионах : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Джиоев Владимир Алексеевич ; Государственный университет управления. – Москва, 2022. – 150 с. – Библиогр.: с. 125-141.

51. Киричок, Д.Д. Финансово-инвестиционные стратегии на стадии зрелости жизненного цикла компании : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Киричок Дарья Дмитриевна ; Финансовый университет при Правительстве РФ. – Москва, 2018. – 202 с. – Библиогр.: с. 168-190.

52. Хакимова, К.Р. Механизм разработки инновационно-инвестиционной стратегии предприятия : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Хакимова Ксения

Радиковна ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2020. - 168 с.
– Библиогр.: с. 153-168.

Электронные ресурсы

53. Reuters: ExxonMobil покинет Экваториальную Гвинею в 2026 году // ТАСС : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/16451771> (дата обращения: 02.09.2024).

54. SPIEF 2023: «Содом и Гоморра» : доклад / Роснефть : официальный сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/attach/0/16/SPIEF_2023.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

55. Vortexa: объем нефти с доставкой морским путем побил трехлетний рекорд и достиг 1,27 млрд баррелей // Gazeta.ru : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/04/13/20200279.shtml> (дата обращения: 18.11.2024).

56. Алжирская Sonatrach с партнерами снабдит ЕС попутным газом // Тэкноблог : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://teknoblog.ru/2022/07/20/118289> (дата обращения: 15.08.2024).

57. Алифирова, Е. ExxonMobil завершила продажу своего бизнеса в Чаде и Камеруне // Нефтегаз.ру : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://neftegaz.ru/news/Acquisitions/762531-exxonmobil-zavershila-prodazhu-svoego-biznesa-v-chade-i-kamerune/> (дата обращения: 12.09.2024).

58. Диангоне, Б.В.П.Ж. Российские нефтегазовые компании на африканском рынке: история присутствия, текущее положение и перспективы / Б.В.П.Ж. Диангоне // Энигма : электронный научный журнал. – 2019. – № 16-2. – С. 246–254. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_41833534_23045937.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

59. Америка теряет африканскую нефть // Взгляд : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://vz.ru/world/2023/3/25/1204573.html> (дата обращения: 03.09.2024).

60. Андрияшина, Н.С. Формирование инвестиционной стратегии предприятия / Н.С. Андрияшина, Е.В. Романовская [и др.] // Московский экономический журнал. – 2020. – № 7. – ISSN 2413-046X. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-investitsionnoy-strategii-predpriyatiya-1> (дата обращения: 22.08.2024).

61. Африка знакомится с российским атомом // Rosatom Newsletter : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://rosatomnewsletter.com/ru/2023/08/30/africa-learns-russian-atoms/> (дата обращения: 15.09.2024).

62. Африканские тезисы // ЦДУ ТЭК : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/2/1169/ (дата обращения: 05.08.2024).

63. Африканский анклав ЧВК // РБК : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/06/28/6499554f9a7947b9346fa32d> (дата обращения: 25.10.2024).

64. Африканский провал: акционеры «Лукойла» потеряли состояние на бурении / Rambler Finance : [сайт]. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://finance.rambler.ru/economics/36407991/> (дата обращения: 19.08.2024).

65. Березин, А. «Росатом» обещает Африке атомную революцию — но готова ли к ней Африка? / А. Березин // Naked Science : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://naked->

science.ru/article/nakedscience/rosatom-obeshhaet-revolyutsiyu (дата обращения: 14.09.2024).

66. Битум из Бахрейна для строительства дорог в Африке // Pörner Group : [сайт]. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://poerner.at/> (дата обращения: 18.10.2024).

67. В 28 странах Африки планируют открыть центры образования на русском языке // ТАСС : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17984611> (дата обращения: 26.10.2024).

68. В проект с ЛУКОЙЛом в Камеруне в июне 2023 г. может войти новый оператор // Neftegaz.ru: [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://neftegaz.ru/news/shelf/775073-v-proekt-s-lukoylom-v-kamere/> (дата обращения: 06.08.2024).

69. В Росатоме считают, что РФ способна сыграть решающую роль в строительстве АЭС в Африке // ТАСС : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19066167> (дата обращения: 13.09.2024).

70. Власти Анголы требуют от сербской «дочки» «Газпрома» \$66 млн // ИА Regnum : [сайт]. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://regnum.ru/news/2271472> (дата обращения: 11.09.2024).

71. Газпром нефть поставила высокотехнологичный битум для строительства трансконтинентальной автомагистрали в Южной Америке // Neftegaz.ru: [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://neftegaz.ru/news/petroleum-products/521417> (дата обращения: 19.10.2024).

72. Зарубежные проекты // ПАО «ЛУКОЙЛ» : официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://lukoil.ru/Business/Upstream/Overseas> (дата обращения: 08.08.2024).

73. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Президент России : официальный сайт. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70086> (дата обращения: 14.08.2024).

74. Игорь Сечин представил ключевой доклад на Энергетической панели ПМЭФ-2023 // ПАО «НК Роснефть» : официальный сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rosneft.ru/press/today/item/214815/> (дата обращения: 05.09.2023).

75. Как инвестиции обеспечат технологический суверенитет России // Деловая Россия : официальный сайт – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://deloros.ru/press-centr/slovo-gensoveta/kak-investitsii-obespechat-tehnologicheskii-suverenitet-rossii/> (дата обращения: 12.10.2024).

76. Как нефтегазовая отрасль движется к технологическому суверенитету // Ведомости : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2023/02/08/961920-tehnologicheskomu-suverenitetu> (дата обращения: 07.09.2024).

77. Кириллов, В. Сырьевая зависимость: как вывести курс доллара к евро из цен на нефть / В. Кириллов, Е. Туманова // Коммерсант. – 2005. – С.20. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/559209> (дата обращения: 03.02.2024).

78. Крупнейшие российские проекты в Африке // Коммерсантъ : [сайт]. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4134272> (дата обращения: 20.08.2024).

79. Кулькова, О. Мягкая сила России в Африке: новые перспективы и вызовы / О. Кулькова // РСМД : официальный сайт. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-rossii-v-afrike-novye-perspektivy-i-vyzovy/> (дата обращения: 27.10.2024).

80. Курилова, В.К. Мировой опыт при реализации соглашений о разделе продукции / В.К. Курилова // Актуальные вопросы экономических наук. – 2012. – № 26. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-pri-realizatsii-soglasheniy-o-razdele-produktsii> (дата обращения: 07.08.2024).

81. Лукойл все ближе к Африке // Коммерсантъ : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5886689> (дата обращения: 13.08.2024).

82. Лукойл выходит из проектов в Кот-д’Ивуаре // Investfuture.ru : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://investfuture.ru/news/id/73020> (дата обращения: 06.09.2024).

83. Лукойл договаривается о работе на нескольких оффшорных месторождениях Конго // Интерфакс : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://www.interfax.ru/business/984070> (дата обращения: 10.10.2024).

84. Лукойл заинтересован в участии в новых проектах в Республике Конго // ABNews: [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://abnews.ru/news/msk/2023/3/17/lukojl-zainteresovan-v-uchastii/> (дата обращения: 12.08.2024).

85. ЛУКОЙЛ не прижился в Африке // Коммерсантъ : [сайт]. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2895093> (дата обращения: 21.08.2024).

86. ЛУКОЙЛ снова не смог войти в проект в Сенегале // Интерфакс : [сайт]. – Текст : электронный. – URL: <https://www.interfax.ru/business/763628> (дата обращения: 12.09.2024).

87. «Лукойл» увеличивает присутствие в Центральной Африке. // Eurasia Daily : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/06/27/lukoyl-uvlichivaet-prisutstvie-v-centralnoy-afrike> (дата обращения: 19.08.2024).

88. Лукойл уходит из Западной Африки / PTomsk.ru : [сайт]. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <https://ptomsk.ru/news/lukoijl-ukhodit-iz-zapadnoj-afriki/> (дата обращения: 20.08.2024).

89. Лукойл хочет добывать нефть в Западной Африке и Мексиканском заливе / Ведомости : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles-2020/01/23/821347-lukoil> (дата обращения: 11.08.2024).

90. Материк контрастов: как развивается ESG в странах Африки // РБК Тренды : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/cmrm/64c105fa9a794766a4420749> (дата обращения: 08.09.2024).

91. Мексика утвердила годовой бюджет проекта с участием «ЛУКОЙЛа» / Интерфакс : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.interfax.ru/business/902509> (дата обращения: 24.08.2024).

92. Минобрнауки РФ вдвое увеличило число бюджетных мест для африканских студентов // ТАСС : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17309495> (дата обращения: 26.10.2024).

93. Мурашко М.М. Российская стратегия импортозамещения в ТЭК / М.М. Мурашко // Геоэкономика энергетики. – 2023. – № 2. Том 22. – С. 18–39. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-strategiya-importozamesheniya-v-tek> (дата обращения: 26.10.2024).

94. Мягкая сила России на африканском направлении // БРИКС : официальный сайт. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://infobrics.org/post/36016> (дата обращения: 27.10.2024).

95. Названы страны Африки с наибольшим числом заявок на обучение в России // Парламентская газета : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.pnp.ru/social/> (дата обращения: 28.10.2024).

96. Наша стратегия // Татнефть : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://2018.tatneft.ru/about/14/> (дата обращения: 21.11.2024).

97. Нигерия требует от нефтяников \$62 млрд // Нефтегазовая вертикаль : [сайт]. – 2019. – Текст : электронный. – URL: https://ngv.ru/news/nigeriya_trebuets_ot_neftyanikov_62_mlrd/ (дата обращения: 12.08.2024).

98. Новым «звездам» большой нефти не гарантирован яркий свет // Oilcapital.ru : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2020-10-29/novym-zvezdam-bolshoy-nefti-ne-garantirovan-yarkiy-svet-1047853> (дата обращения: 09.08.2024).

99. О деятельности компании ЛУКОЙЛ на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Центр Ближневосточных исследований : официальный сайт. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=56291> (дата обращения: 15.08.2024).

100. Огеренко, Е.О. Понятие инвестиционной стратегии и ее важность в современных реалиях / Е.О. Огеренко // Проблемы науки. – 2018. – № 6 (30). – ISSN 2413-2101. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-investitsionnoy-strategii-i-ee-vazhnost-v-sovremennyh-realiyah> (дата обращения: 18.08.2024).

101. Оператор глубоководного блока Tano/Cape Three Points (DWT/СТР) в Гане представил план развития проекта (PoD) / Tinkoff Invest Social : [сайт]. – 2023 – Текст : электронный. – URL: <https://www.tinkoff.ru/invest/social/profile/Violette/0a3bfd9d> (дата обращения: 10.08.2024).

102. ОПЕК, Annual Statistical Bulletin // ОПЕК : официальный сайт. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://publications.opec.org/asb/chapter/show/123/2126> (дата обращения: 25.08.2024).

103. Перспективы развития и стратегия // ПАО «Роснефть» : официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rosneft.ru/about/strategy/> (дата обращения: 22.11.2024).

104. Подходы к декарбонизации ведущих нефтяных компаний США // ИМЭМО РАН : официальный сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2023/12052023/2-09-Svetenko.pdf> (дата обращения: 09.09.2024).

105. Программа стратегического развития группы «ЛУКОЙЛ» на 2018–2027 годы // «ЛУКОЙЛ» : официальный сайт. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/sovets-direktorov-utverdil-plany-razvitiia-i> (дата обращения: 25.11.2024).

106. Российский атом – перспективы в Африке // Африканская инициатива : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://afrinz.ru/2023/10/perspektivy-rossijskogo-atoma-v-afrike/> (дата обращения: 12.09.2024).

107. Российские нефтяные компании на Ближнем Востоке и в Северной Африке: интересы, проекты и перспективы // Российский совет по международным делам : официальный сайт. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-interesy-proekty-i-perspekt/> (дата обращения: 10.09.2024).

108. Россия планирует наращивать помощь государствам Африки в области энергетики // РИА Новости : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://ria.ru/20180727/1525448071.html> (дата обращения: 23.10.2024).

109. Россия поможет Африке в цифровизации государственных сервисов // Социальный фонд России : официальный сайт. – 2023. – Текст :

электронный. – URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2023/08/11/253361
(дата обращения: 22.10.2024).

110. СМИ – Нигерия заинтересовалась российскими технологиями в нефтегазе // Ведомости : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/07/28/987468-nigeriya-zainteresovalas-tehnologiyami> (дата обращения: 25.08.2024).

111. Станет ли Африка СПГ-звездой? // EnergyPolicy.ru : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://energypolicy.ru/stanet-li-afrikaspg-zvezdoj/regiony/2023/13/19/> (дата обращения: 05.09.2024).

112. Страны ОПЕК в сентябре выполнили сделку ОПЕК+ на 305% // РИА Новости : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://ria.ru/20231012/oprek-1902257937.html> (дата обращения: 22.08.2024).

113. Стратегия развития до 2030 года // Корпоративный портал ПАО «Газпромнефть» : официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gazpromneft.ru/company/about/strategy/> (дата обращения: 02.12.2024).

114. Стратегия развития // АО «Зарубежнефть» : официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://zarubezhneft.ru/ru/o-kompanii/strategiya-razvitiya/> (дата обращения: 02.12.2024).

115. ФТС назвала главных торговых партнеров России в 2023 году // Федеральная таможенная служба : официальный сайт. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://www.osfts.ru/novosti/2024/5057-fts-nazvala-glavnykh-torgovykh-partnerov-rossii-v-2023-godu> (дата обращения: 04.08.2024).

116. Цифровизация как способ преодоления неравенства в Африке // Россия в глобальной политике : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czifrovizacziya-v-afrike/> (дата обращения: 20.10.2024).

117. Чем закончились попытки переворотов в Африке // РБК : [сайт]. – 2023 – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/08/2023/64d64efd9a79470975ba5e21> (дата обращения: 18.12.2024).

118. Шмелева, Т. Черное золото Черной Африки / Т. Шмелева // Нефтегазовая вертикаль : [сайт]. – 2019. – ISSN 2949-6268. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://ngv.ru/upload/iblock/785/785d06b03b243de935d0911676467e98.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).

119. Экваториальная Гвинея увеличивает добычу нефти и планирует развитие шельфовых проектов (в т. ч. с участием России) // Neftegaz.ru : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/517433-ekvatorialnaya-gvineya/> (дата обращения: 16.08.2024).

120. Экваториальная Гвинея хочет ЛУКОЙЛ, а «Татнефть» — НПЗ в Африке // Oilcapital.ru : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-07-28/ekvatorialnaya-gvineya-hochet-lukoyl> (дата обращения: 18.08.2024).

121. Экспорт безопасности. Чем занимаются наследники ЧВК «Вагнер» в Африке? // News.ru : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://news.ru/africa/eksport-bezopasnosti-chem-zanimayutsya-nasledniki-chvk-vagner-v-afrike/> (дата обращения: 22.08.2024).

122. Экспорт безопасности: как России вернуться в Африку и не сделать ошибок // МГИМО : официальный сайт. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/eksport-bezopasnosti-kak-rossii-vernutsya-v-afriku-i-ne-sdelat-oshibok/> (дата обращения: 24.05.2024).

123. Акинфиев, В.К. Модель конкуренции между нефтедобывающими компаниями с традиционным и нетрадиционным способом добычи / В.К. Акинфеев // Управление большими системами. – 2017. – № 67. – С. 52–80. – ISSN 1819-2440.

124. Акинфиев, В.К. Соглашение ОПЕК+: анализ последствий для России / В.К. Акинфеев // Энергетическая политика. – 2020. – № 1 (143). С. 42–51. – ISSN 2409-5516.

125. Арефьев, А.Л. Африка как перспективный поставщик студентов на мировой рынок образования (опыт обучения африканцев в СССР и РФ) / А.Л. Арефьев, А.Ф. Максименко // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. – 2018. – № 3. – С. 409–435. – ISSN 2658-3402.

126. Баринов, А.К. Инфраструктурное развитие Африканского континента / А.К. Баринов, А.Ю. Шарова // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 7. – С. 38–46. – ISSN 0321-5075.

127. Бартнев, В.И. Президентские инициативы как инструмент управления политикой США по оказанию международной помощи в XXI в. / В. И. Бартнев // Вестник МГУ. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2022. – № 1. Том 14. – С. 64-113. – ISSN 2076-7404.

128. Башмаков, И. Цены на нефть: пределы роста и глубины падения / И. Башмаков // Вопросы экономики. – 2006. – № 3. – С. 97–109. – ISSN 0042-8736.

129. Брагина, Е.А. Индия – Африка: торговля и инвестиции в XXI веке / Е.А. Брагина // Контуры глобальных трансформаций. – 2018. – № 5. Том 11. – С. 182–199. – ISSN 2542-0240.

130. Бровкина, А.В. Инвестиционная стратегия транспортных компаний: содержание и структуризация / А.В. Бровкина // Транспортное дело в России. – 2009. – № 4. – С. 6–11. – ISSN 2072 – 8689.

131. Бурланков, С.П. Формирование стратегии конкурентоустойчивости на микро-уровне / С.П. Бурланков, Д.И. Долгов // Вестник ВГУИТ. – 2014. – № 3. – С. 187–191. – ISSN 2226-910X.

132. Виленский, П.Л. Оценка эффективности инвестиционных проектов с учетом реальных характеристик экономической среды / П.Л. Виленский, В.Н. Лившиц // Аудит и финансовый анализ. – 2015. – № 3. – С. 87–95. – ISSN 2618-9828.

133. Гапоненко, А.Л. Стратегическое планирование социально-экономического развития региона / А.Л. Гапоненко // Пространственная экономика. – 2005. – № 4. – С. 42–49. – ISSN 1815-9834.

134. Гемуева, К.А. Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование / К.А. Гемуева // Контуры глобальных трансформаций. – 2018. – № 5. Том 11. – С. 55–73. – ISSN 2542-0240.

135. Горбунова, Н.М. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы / Н.М. Горбунова, И.И. Иванова // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 2 (12). – С. 64–79. – ISSN 2618-7302.

136. Дейч, Т.Л. «Мягкая сила» Китая в Африке: сотрудничество в сферах образования и культуры / Т.Л. Дейч // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2017. – № 4 (788). – С. 44–56. – ISSN 2542-2197.

137. Дейч, Т.Л. «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке / Т.Л. Дейч, А.Е. Сериккалиева // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 3. – С. 2–8. – ISSN 0321-5075.

138. Денисова, Т. С. Инвестиционный климат Нигерии / Т.С. Денисова // Ученые записки Института Африки РАН. – 2017. –

№ 4 (41). – С. 40–58. – ISSN 2412-5717.

139. Джамай, Е.В. Разработка эффективной стратегии оптимизации инвестиционной деятельности / Е.В. Джамай, А.С. Зинченко, М.Б. Боброва / / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 2. – С. 175–179. – ISSN 2949-5040.

140. Евсеева, О.В. Влияние долгосрочных угроз потепления климата и пандемии на мировой рынок нефти / О.В. Евсеева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – № 8 (116). Том 2. – С. 93–105. – ISSN 2227-3891.

141. Евсеева, О.В. Влияние пандемии на долгосрочные прогнозы мирового рынка нефти / О.В. Евсеева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – № 1 (121). Том 1. – С. 54–75. – ISSN 2227-3891.

142. Евсеева, О.В. Развитие мирового рынка нефти в прогнозах ведущих нефтяных компаний и аналитических центров / О.В. Евсеева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – № 11 (107). Том 2. – С. 140–152. – ISSN 2227-3891.

143. Егоршин, А.П. Управление человеческими ресурсами в условиях экономического кризиса / А.П. Егоршин, И.В. Гуськова // Russian Journal of Management. – 2015. – № 5. Том 3. – С. 465–474. – ISSN 1729-7427.

144. Захаров, А.Н. Внешняя торговля Китая со странами Африки / А.Н. Захаров, Н.А. Русак // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 4. – С. 68–73. – ISSN 2072-8042.

145. Захаров, А.Н. Инвестиции Китая в нефтяной сектор Африки / А.Н. Захаров, Н.А. Русак // Деловой журнал Neftegaz.RU. – 2018. – № 10 (82). – С. 110–114. – ISSN 2410-3837.

146. Игнатъев, С.В. Добыча нефти и газа в Африке / С.В. Игнатъев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 5. – С. 205–209. – ISSN 2220-2404.

147. Климова, Н.В. Инвестиции как фактор устойчивого развития региона / Н.В. Климова, М.В. Гулько : сборник научных трудов SWorld сборник научных трудов. – 2015. – № 39. – С. 22-27. – ISSN 2224-0187.

148. Крюков, В. Нефтяная промышленность России и финансовый кризис / В. Крюков, Ю. Шафраник // Политический класс. – 2009. – № 2. – С. 32–44. – ISSN 1814–1943.

149. Лясников, Н.В. Состояние и перспективы развития российского АПК / Н.В. Лясников, М.Н. Дудин // Вестник МИРБИС. – 2022. – № 2 (30). – С. 59–64. – ISSN 2411-5703.

150. Матюшок, В.М. Риски инвестирования в страны с развивающимися рынками / В.М. Матюшок, И.А. Петренко // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 2 (50). – С. 58–64. – ISSN 1994-0556.

151. Молодцов, К.В. Инвестиционные стратегии российских нефтяных компаний в Африке: факторы и принципы формирования / К.В. Молодцов // Вестник Российского нового университета, серия «Человек и общество». – 2024. – № 4. – С. 57-62. – ISSN 2414-9276.

152. Молодцов, К.В. Пути совершенствования инвестиционных стратегий российских нефтяных компаний в африканском регионе / К.В. Молодцов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – № 11 (64). Том 13. – С. 2056-2063. – ISSN 2306-5702.

153. Молодцов, К.В. Развитие нефтяного рынка в Африке: основные факторы влияния / К.В. Молодцов, П.С. Селезнев // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – № 1. Том 4. – С. 40-45. – ISSN 2949-6454.

154. Молодцов, К.В. Роль трендов глобального, макрорегионального и странового уровней в развитии рынка нефти и нефтепродуктов африканского континента / К.В. Молодцов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – № 10 (63). Том 13. – С. 1934-1941. – ISSN 2306-5702.

155. Павлов, В.В. Приоритетные направления долгосрочной инвестиционной политики российских предприятий

в Африке / В.В. Павлов, А.Л. Сапунцов // Экономические отношения. – 2019. – № 4. Том 9. – С. 2545–2556. – ISSN 2587-8921.

156. Погосян, А.С. Африка: большие интересы, большие риски / А.С. Погосян // Энергетическая политика. – 2020. – № 10 (152). – С. 52–61. – ISSN 2409-5516.

157. Разумнова, Л.Л. Проблема устойчивого роста экономики России в условиях неопределенности конъюнктуры мирового нефтяного рынка / Л.Л. Разумнова // Вестник Московского авиационного института. – 2007. – № 2. Том 14. – С. 79–85. – ISSN 0869-6101.

158. Разумнова, Л.Л. Современные тенденции мирового рынка нефти / Л.Л. Разумнова // Вестник МГЛУ. Экономика. – 2005. – № 513. – С. 49–65. – ISSN 2542-2197.

159. Разумнова, Л.Л. Влияние финансового рынка на цену нефти / Л.Л. Разумнова, Н.М. Светлов // Экономика и математические методы. – 2010. – № 3. Том 46. – С. 43–59. – ISSN 0424-7388.

160. Разумнова, Л.Л. Мировой рынок нефти: механизм ценообразования в период «третьего нефтяного шока» / Л.Л. Разумнова, Н.М. Светлов // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2010. – № 2. – С. 3–13. – ISSN 0131-2227.

161. Савосин, Г.Ф. Механизм формирования и реализации стратегии инновационно-инвестиционного развития производственного предприятия / Г.Ф. Савосин, Э.И. Косматов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2012. – № 2-1. – С. 84–92. – ISSN 2304-9774.

162. Самойлова, Е.С. Перспективы российских компаний в нефтяных проектах Восточной Африки. Аналитика и прогнозы / Е.С. Самойлова // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2017. – № 6. – С. 101–108. – ISSN 2076-4650.

163. Сапунцов, А.Л. Диверсификация внешнеторговых связей стран Африки с Россией / А.Л. Сапунцов // Вестник университета. – 2018. – № 12. – С. 111–118. – ISSN 1816-4277.

164. Сапунцов, А.Л. Диверсификация внешнеэкономических связей России со странами Африки в сфере контрактной внешней торговли и инвестиций / А.Л. Сапунцов, В.В. Павлов // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – № 4. Том 11. – С. 2079–2094. – ISSN 2222-0372.

165. Сапунцов, А.Л. Технологические факторы межстрановой конкуренции на африканском инвестиционном рынке / А.Л. Сапунцов, В.В. Павлов // Экономика, предпринимательство и право. – 2019. – № 4. Том 9. – С. 761–774. – ISSN 2222-534X.

166. Степанов, А.Ю. Фокус на Африку: специфика экспорта и инвестиций Китая в региональные инфраструктурные проекты / А.Ю. Степанов // Проблемы национальной стратегии. – 2023. – № 3 (78). – С. 168–187. – ISSN 2079-3359.

167. Субботин, В.Е. Оценка налоговой нагрузки в нефтедобыче в условиях паритета цен на внутреннем и внешнем рынках / В.Е. Субботин // Экономика и математические методы. – 2005. – № 3. Том 41. – С. 27–38. – ISSN 0424-7388.

168. Теплова, Т.В. Эмпирическое исследование факторов, определяющих инвестиционную активность российских компаний / Т.В. Теплова, М. С. Крылова // Корпоративные финансы. – 2007. – № 1. – С. 22–48. – ISSN 2073-0438.

169. Тихонова, М.В. Целеполагание как инструмент инвестиционной деятельности предприятий / М.В. Тихонова, М.В. Макеенко, Н.Д. Дмитриев // Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference «Global Science. Development and novelty». – Мадрид, 2018. – С. 41-44. – ISSN отсутствует.

170. Фитуни, Л.Л. Иностраный капитал в Африке: теории, стратегии, новации / Л.Л. Фитуни // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – № 6. Том 13. – С. 6–29. – ISSN 2542-0240.

171. Хасбулатов, Р.И. Энергоресурсы России в глобальной системе международных отношений / Р.И. Хасбулатов // Международная экономика. – 2007. – № 9. – С. 4–22. – ISSN 2713-2684.

172. Хирбейк, Я. Китайские инвестиции в Африке как составляющая геоэкономических стратегий / Я. Хирбейк // Вопросы политологии. – 2022. – № 5 (81). Том 12. – С. 1695–1702. – ISSN 2225-8922.

173. Шарова, А.Ю. Инвестиции в электроэнергетику Африки и их роль в преодолении энергетической отсталости континента / А.Ю. Шарова // Контуры глобальных трансформаций. – 2020. – № 6. Том 13. – С. 181–197. – ISSN 2542-0240.

Источники на иностранном языке

174. Ahmad, T. A critical review of comparative global historical energy consumption and future demand / T. Ahmad, D. Zhang // Energy Reports. – 2020. – Volume 6. – P. 1973–1991. – ISSN 2352-4847.

175. Al Rousan, S. A dynamic network analysis of the world oil market: analysis of OPEC and non-OPEC members / S. Al Rousan, R. Sbia, B. Tas // Energy Economics. – 2018. – Volume 75. – P. 28–41. – ISSN 0140-9883.

176. Albuquerque-Mello, V.P. Forecasting crude-oil price: does there exist an optimal econometric model? / V.P. Albuquerque-Mello, [et al.] // Energy. – 2018. – Volume 155. – P. 578–591. – ISSN 0360-5442.

177. Ansari, E. The effect of oil and gas price and price volatility on rig activity in tight formations and OPEC strategy / E. Ansari, R.K. Kaufmann // Nature Energy. – 2019. – Volume 4. № 4. – P. 321-325. – ISSN 2058-7546.

178. Baumeister, C. Structural interpretation of vector autoregressions with incomplete identification: revisiting the role of oil supply and oil demand shocks / C. Baumeister, J.D. Hamilton // *American Economic Review*. – 2019. – Volume 109. – P. 1873–1910. – ISSN 0002-8282.

179. Behar, A. OPEC vs US shale: analyzing the shift to a market-share strategy / A. Behar, R.A. Ritz // *Energy Economics*. – 2017. – Volume 63. – P. 185–198. – ISSN 0140-9883.

180. Buckley, P. The optimum timing of foreign investment / P. Buckley, M. Casson // *Economic Journal*. – 1981. – Volume 91. – P. 75–87. – ISSN – 0013-0133.

181. Carlsberg, N. *Oil Games and Decisions* / N. Carlsberg. – New York : Campbel, 2005. – 312 p. – ISBN 9780078771309.

182. Christensen, D. Concession stands: how mining investments incite protest in Africa / D. Christensen // *International Organization*. – 2019. – Volume 73. – P. 65–101. – ISSN – 0020-8183.

183. Cleland, Y. *Information for More Effective Strategic Planning* / Y. Cleland. – New York : Campbel, 2006. – 248 p. – ISBN 9780078778667.

184. Drucker, P.F. *Entrepreneurship in business enterprise* / P.F. Drucker // *Journal of Business Policy*. – 1970. – № 1. Volume 1. – P. 3–12. – ISSN –2522-0691.

185. Drucker, P.F. *The theory of the business* / P.F. Drucker // *Harvard Business Review*. – 1994. – September–October. – P. 95–104. – ISSN 0017-8012.

186. Dunning, J.H. *The Eclectic Paradigm of International Production: A Restatement and Some Possible Extensions* / J.H. Dunning // *Journal of International Business Studies*. – 1988. – Volume 19. – P. 1–31. – ISSN 0047-2506.

187. Dunning, J.H. *Toward an eclectic theory of international production: some empirical tests* / J.H. Dunning // *Journal of International Business Studies*. – 1980. – Volume 11. – P. 9–31. – ISSN 0047-2506.

188. Economou, E. A structural model of the world oil market: the role of investment dynamics and capacity constraints / E. Economou [et al.] – Oxford : Oxford Institute for Energy Studies, 2017. – 40 p. – ISBN 978-1-78467-097-9.

189. Favero, C.A. Oil investment in the North Sea / C.A. Favero, M.H. Pesaran // Economic Modelling. – 1994. – Volume 1. – P. 308–329. – ISSN 0264-9993.

190. Flam, H. The Young Ohlin on the Theory of Interregional and International Trade / H. Flam, M.J. Flanders. – Stockholm : Institute for International Economic Studies, 2000. – P. 5–6. – ISBN отсутствует.

191. Golombek, R. OPEC's market power: an empirical dominant-firm model for the oil market / R. Golombek, A.A. Irarrazabal, L. Ma // Energy Economics. – 2018. – Volume 70. – P. 98–115. – ISSN 0140-9883.

192. Hartley, P. A model of the operation and development of a national oil company / P. Hartley, K.B. Medlock // Energy Economics. – 2008. – Volume 30. – P. 2459–2585. – ISSN 0140-9883.

193. Hymer, S. The International Operation of National Firms: A Study of Direct Foreign Investment / S. Hymer. – Cambridge (MA) : MIT Press, 1976. – P. 21–25. – ISBN 0262080850.

194. Iamsiraroj, S. Foreign direct investment and economic growth: a real relationship or wishful thinking? / S. Iamsiraroj, M.A. Ulubasoglu // Economic Modelling. – 2015. – Volume 51. – P. 200–213. – ISSN 0264-9993.

195. Iversen, C. International Capital Movements / C. Iversen. – London : Oxford University Press, 1936. – 107 p. – ISBN отсутствует.

196. Iversen, C. Aspects of the Theory of International Capital Movements / C. Iversen. – New York : A.M. Kelley, 1967. – 536 p. – ISBN отсутствует.

197. Jiang, W. Political risk analysis of foreign direct investment into the energy sector of developing countries / W. Jiang, I. Martek // Journal of Cleaner Production. – 2021. – Volume 302. – P. 127-133. – ISSN 0959-6526.

198. Khakestari, M. An analysis of the behavior of OPEC with the approach of evolutionary game theory / M. Khakestari, S. Joleini, A. Ameli // Journal of Economic Modeling Research. – 2018. – № 31. Volume 8. – P. 103–130. – ISSN 2228-6454.

199. Kilian, L. Not all oil price shocks are alike: disentangling demand and supply shocks in the crude-oil market / L. Kilian // American Economic Review. – 2009. – Volume 99. – P. 1053–1069. – ISSN 0002-8282.

200. Kilian, L. Why agnostic sign restrictions are not enough: understanding the dynamics of oil-market VAR models / L. Kilian, D.P. Murphy // Journal of the European Economic Association. – 2012. – № 5. Volume 10. – P. 1166–1185. – ISSN 1542-4774.

201. Kindleberger, C. Restrictions on direct investment in host countries II: discussion paper / C. Kindleberger. – Chicago : University of Chicago, 1969. – 248 p. – ISBN отсутствует.

202. Kojima K. Direct Foreign Investment: A Japanese Model of Multinational Business Operations / K. Kojima. – London : Routledge, 2011. – 246 p. – ISBN 0415564980.

203. Kojima, K. Macroeconomic versus international business approach to direct foreign investment / K. Kojima // Hitotsubashi Journal of Economics. – 1982. – Volume 23. – P. 5–23. – ISSN 2436-097X.

204. Liao, J. Why is the correlation between crude-oil prices and the US-dollar exchange rate time-varying? Explanations based on the role of key mediators / J. Liao, Y. Shi, X. Xu // International Journal of Financial Studies. – 2018. – № 3. Volume 6. – P. 61. – ISSN 2227-7072.

205. Michael, M. The Chinese foreign direct investment to Sub-Saharan Africa / M. Michael, E.O. Glory, O. Sylvester, O.T. Daniel // RUDN Journal of Economics. – 2021. – № 4. Volume 29. – P. 796–805. – ISSN 2313-2329.

206. Mintzberg, H. Strategy Bites Back / H. Mintzberg. – Harlow : Pearson UK, 2013. – 272 p. – ISBN 0273747169.

207. Mintzberg, H. The Rise and Fall of Strategic Planning / H. Mintzberg. – New York : Free Press, 1994. – 458 p. – ISBN 9781439107355.

208. Narula, K. 'Sustainable investing' via the FDI route for sustainable development / K. Narula // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2012. – Volume 37. – P. 15–30. – ISSN 3065-6990.

209. Ndong, Ntoutoume A. G. Challenges of CSR in Sub-Saharan Africa: clarifying the gaps between regulations and human-rights issues / A.G. Ndong Ntoutoume // International Journal of Corporate Social Responsibility. – 2023. – Volume 8. – P. 2–9. – ISSN 2366-0066.

210. Novarina, G. Territorial Energy Transition Strategies: New Models for Cooperation between Actors and Resource Management? / G. Novarina, N. Seigneuret. – Cheltenham : Edward Elgar, 2020. – 228 p. – ISBN отсутствует.

211. Ohlin, B. The Theory of Interregional Exchange / B. Ohlin. – Stockholm : Institute for International Economic Studies, Stockholm University, 1999. – P. 14–15. – ISBN отсутствует.

212. Olabisi, M. Sovereign bond issues: do African countries pay more to borrow? / M. Olabisi, H. Stein // Journal of African Trade. – 2015. – Volume 2. – P. 87–109. – ISSN 2214-8515.

213. Pickl, M.J. The renewable-energy strategies of oil majors – from oil to energy? / M.J. Pickl // Energy Strategy Reviews. – 2019. – Volume 26. – P. 1-8. – ISSN 2211-467X.

214. Porter, M.E. The competitive advantage of nations / M.E. Porter // Harvard Business Review. – 1990. – March-April. – P. 73–93. – ISSN 0017-8012.

215. Porter, M.E. What is strategy? / M.E. Porter // Harvard Business Review. – 1996. – P. 61–78. – ISSN 0017-8012.

216. Posner, M.V. International trade and technical change / M.V. Posner // Oxford Economic Papers. – 1961. – Volume 13. – P. 323–327. – ISSN 0030-7653.

217. Rugman, A.M. The Theory of Multinational Enterprises. Selected Scientific Papers / A.M. Rugman – Cheltenham : Edward Elgar, 1996. – 326 p. – ISBN 1858984092.

218. Stokke, P.R. Visioning (and preparing) for the future: the introduction of scenario-based planning into Statoil / P.R. Stokke, T.A. Boyce, W.K. Ralston, I.H. Wilson // Technological Forecasting and SO. – P. 73–86. – ISSN 0040-1625.

219. Zhong, M. Contours of the energy transition: investment by international oil and gas companies in renewable energy / M. Zhong, M.D. Bazilian // The Electricity Journal. – 2018. – № 1. Volume 31. – P. 82–91. – ISSN 1040-6190.

Электронные ресурсы на иностранном языке

220. Approaches to decarbonization of leading US oil companies // IMEMO RAS : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/.../2-09-Svetenko.pdf> (дата обращения: 21.09.2024).

221. Bitumen & asphalt – Imports and Exports 2023 // TrendEconomy : [сайт]. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: https://trendeconomy.com/data/commodity_h2/271490 (дата обращения: 30.10.2024).

222. Bousso, R. Oil giants drill deep as profits trump climate concerns / R. Bousso, N. Adomaitis // Reuters : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/oil-giants-drill-deep-profits-trump-climate-concerns-2023-07-03/> (дата обращения: 15.09.2024).

223. Calderon, C. An analysis of issues shaping Africa's economic future / C. Calderon [et al.] // World Bank : [сайт]. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31499> (дата обращения: 10.07.2024).

224. China-Africa Friendship: CSC General Scholars Initiative // CSUST Professional Development Project : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://www.csust.edu.cn/gjxy/info/1195/3016.htm> (дата обращения: 20.09.2024).

225. China Daily launches African Edition // Ventures Africa : [сайт]. – 2012. – Текст : электронный. – URL: <https://venturesafrica.com/china-daily-launches-african-edition/> (дата обращения: 22.09.2024).

226. China imported record volumes of crude oil in the first half of 2023 // U.S. Energy Information Administration : официальный сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=60401> (дата обращения: 27.08.2024).

227. Chiwanza, T.H. How neocolonialism fuels the global exploitation of Africa's oil / T. H. Chiwanza // Africa Rebirth : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.africarebirth.com/how-neocolonialism-fuels-the-global-exploitation-of-africas-oil/> (дата обращения: 30.08.2024).

228. Chkoniya, L. Russia-Africa Investment Cooperation: SSRN Working Paper № 4307279 / L. Chkoniya // SSRN : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://ssrn.com/abstract=4307279> (дата обращения: 18.07.2024).

229. CNPC training specialists for Africa in various fields // Orient News : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://orient.tm/ru/post/75560/deyatelnost-kompanii-cnpc-po-podgotovke-specialistov-v-razlichnyh-oblastyah-dlya-afriki> (дата обращения: 18.09.2024).

230. Cost Of Oil Production by Country: analytical dashboard // Knoema : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://ru.knoema.com/infographics/vyronoe/cost-of-oil-production-by-country> (дата обращения: 26.08.2024).

231. Data download: ОПЕС Annual Statistical Bulletin / ОПЕК : официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: https://asb.opec.org/data/ASB_Data.php (дата обращения: 20.08.2024).

232. Douglas-Harper, O. Online Etymology Dictionary : «invest» entry / O. Douglas-Harper // Etymoonline : [сайт]. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.etymonline.com/word/invest> (дата обращения: 11.09.2024).

233. Economic Development in Africa Report 2023 // UNCTAD : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/aldfafrica2023_en.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

234. Energy Statistics Data Browser / International Energy Agency : Официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser> (дата обращения: 02.09.2024).

235. Energy Statistics Data Browser: Oil Products Consumption, Africa / International Energy Agency : Официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=WEOAFRICA&fuel=Oil&indicator=OilProductsCons> (дата обращения: 05.09.2024).

236. Fleischman, O. FDI in the energy sector / O. Fleischman [et al.] // Global Competition Review : [сайт]. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://globalcompetitionreview.com/guide/foreign-direct->

investment-regulation-guide/second-edition/article/fdi-in-the-energy-sector (дата обращения: 15.09.2024).

237. Fossil fuel firms investing in Africa face risk of regulatory action // Reuters : [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL: <https://www.reuters.com/business/sustainable-business/fossil-fuel-firms-investing-africa-face-risk-regulatory-action-us-climate-envoy-2021-10-01> (дата обращения: 04.09.2024).

238. GOIL sets sights on West African bitumen market // Business & Financial Times Online : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://thebftonline.com/2023/09/27/goil-sets-sights-on-west-african-bitumen-market/> (дата обращения: 29.10.2024).

239. History of crude oil in Nigeria // Nigerian Finder : [сайт]. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://nigerianfinder.com/history-of-crude-oil-in-nigeria/> (дата обращения: 31.08.2024).

240. How did Africa's prospective petroleum producers fall victim to the resource curse? / World Bank : официальный сайт. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/274381599578080257/pdf/> (дата обращения: 18.09.2024).

241. Hvozdyk, L. What determines investment in the oil sector? A new era for national and international oil companies / L. Hvozdyk, V. Mercer-Blackman // IDB Working Paper Series. – 2010. – № IDB-WP-209. – 46 p. – Текст : электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/254423314_What_Determines_Investment_in_the_Oil_Sector_A_New_Era_for_National_and_International_Oil_Companies (дата обращения: 18.09.2024).

242. Investments of China in Africa's oil sector // Neftegaz.ru : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL:

<https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/539703-investitsii-kitaya-v-neftegazovyy-sektor-afriki/> (дата обращения: 11.09.2024).

243. Ivory Coast may double bitumen capacity for Africa road projects // Bloomberg : [сайт]. – 2014. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-12-03/ivory-coast-may-double-bitumen-capacity-for-africa-road-projects> (дата обращения: 29.10.2024).

244. Jayaram, K. The closest look yet at Chinese economic engagement in Africa / К. Jayaram, О. Kassiri, I. Y. Sun // McKinsey & Company : официальный сайт. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/middle-east-and-africa/the-closest-look-yet-at-chinese-economic-engagement-in-africa> (дата обращения: 10.09.2024).

245. Jones, M. Private creditors push back against blanket debt relief for Africa / M. Jones, T. Arnold // Reuters : [сайт]. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-africa-creditors/private-creditors-push-back-against-blanket-debt-relief-for-africa-idUSKBN22R1QX/?il=0> (дата обращения: 15.10.2024).

246. Krichene, N. Crude Oil Markets: Monetary Policy and the Recent Oil Shock : IMF Working Paper WP/06/62 / N. Krichene. – Washington : International Monetary Fund, 2006. – 25 p. – Текст : электронный. – URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2006/wp0662.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).

247. Куо, М.А. COVID-19: the impact on China-Africa debt / М.А. Куо // The Diplomat : [сайт]. – 2020. – ISSN 1446-697X. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://thediplomat.com/2020/06/covid19-the-impact-on-china-africa-debt> (дата обращения: 12.09.2024).

248. List of Oil and Gas Companies in Nigeria // TheNigerianInfo : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://thenigerianinfo.com/list-of-oil-companies-in-nigeria/> (дата обращения: 12.09.2024).

249. Not all about goodies: US flexes soft power as it advances rights issues in Africa // The EastAfrican : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/news/east-africa/us-flexes-soft-power-as-it-advances-rights-issues-4638338> (дата обращения: 06.09.2024).

250. ОСТР: Vitol's upstream project in Ghana // Vitol : официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vitol.com/case-studies/octp-vitol-upstream-project-in-ghana/> (дата обращения: 19.09.2024).

251. Ottaway, M. Rethinking U.S. policy in Africa / M. Ottaway // Carnegie Endowment for International Peace : [сайт]. – 2021. – ISSN 1084-4341. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2001/03/rethinking-us-policy-in-africa?lang=en> (дата обращения: 07.09.2024).

252. Petroleum Companies in Egypt: industry catalogue // Egypt-Business.com : [сайт]. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.egypt-business.com/company/katalog/energy/petroleum> (дата обращения: 12.09.2024).

253. Reliance on Russian Fossil Fuels in OECD and EU Countries / International Energy Agency : официальный сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/reliance-on-russian-fossil-fuels-in-oecd-and-eu-countries> (дата обращения: 12.11.2024).

254. Shell LiveWIRE Nigeria / Shell : официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.shell.com.ng/sustainability/communities/livewire-nigeria.html> (дата обращения: 03.09.2024).

255. Statistical Review of World Energy 2022 / British Petroleum : официальный сайт. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (дата обращения: 16.09.2024).

256. Sushkov, V.V. The impact of globalization on China's foreign policy in Sudan / V.V. Sushkov // The Newman in Foreign Policy. – 2017. – № 36 (80). – ISSN 1084-4341. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-globalizatsii-na-vneshnyuyu-politiku-kitaya-v-sudane> (дата обращения: 09.09.2024).

257. The Africa Risk - Reward Index 2023 / Oxford Economics : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.oxfordeconomics.com/africa-risk-reward-index-2023/> (дата обращения: 31.10.2024).

258. The future of African oil and gas: positioning for the energy transition / McKinsey & Company : официальный сайт. – 2022. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-future-of-african-oil-and-gas-positioning-for-the-energy-transition> (дата обращения: 17.09.2024).

259. The Wagner Group, Russia's foreign policy and Sub-Saharan Africa // Geneva Centre for Security Policy : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gcsp.ch/publications/wagner-group-russias-foreign-policy-and-sub-saharan-africa> (дата обращения: 30.10.2024).

260. TotalEnergies to start building 216 MW solar plant in S. Africa // Reuters : [сайт]. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/totalenergies-start-building-216-mw-solar-plant-safrica-2023-12-15/> (дата обращения: 05.09.2024).

261. WIR – Foreign Direct Investment to Africa Fell by 21% in 2017, Says United Nations Report. United Nations Conference on Trade and Development //

UNCTAD : официальный сайт. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://unctad.org/press-material/wir-foreign-direct-investment-africa-fell-21-2017-says-united-nations-report> (дата обращения: 05.12.2024).

262. World Bank Data & Statistics Portal: Data Tools / World Bank : официальный сайт. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 09.12.2024).

Приложение А
(Информационное)

Статистические данные

Таблица А.1 – Соотношение экспорта и импорта сырой нефти в Африке, 1990-2023 годы
В тераджоулях

Год	Импорт	Экспорт	Соотношение экспорта и импорта
1990	1230040	8973652	7,295
1995	1454285	9854304	6,776
2000	1575367	11330737	7,192
2005	1744765	14841745	8,506
2010	1585751	16116459	10,163
2015	1406723	12639363	8,984
2020	1326409	9735623	7,339
2023	1396725	12239363	8,762

Источник: составлено автором на основе данных [235].

Таблица А.2 – Соотношение экспорта и импорта сырой нефти на глобальном рынке, 1990-2023 годы
В тераджоулях

Год	Импорт	Экспорт	Соотношение экспорта и импорта
1990	64102185	62929865	0,982
1995	69742019	68486418	0,982
2000	82694954	79768714	0,965
2005	91876771	90868397	0,989
2010	90384916	86313101	0,955
2015	91489194	88207998	0,964
2020	89550209	86359215	0,964
2023	90189178	88308197	0,979

Источник: составлено автором на основе данных [235].

Таблица А.3 – Темпы прироста экспорта и импорта сырой нефти в Африке, 1990-2023 годы
В процентах

Период	Темпы прироста импорта	Темпы прироста экспорта
1990 – 1995 годы	18,23	9,81
1995 – 2000 годы	7,69	13,03
2000 – 2005 годы	10,75	30,99
2005 – 2010 годы	-9,11	8,59
2010 – 2015 годы	-11,29	-21,57
2015 – 2020 годы	-5,71	-22,97
2020 – 2023 годы	6,5	-9,7

Источник: составлено автором на основе данных [235].

Таблица А.4 – Темпы прироста экспорта и импорта сырой нефти на глобальном рынке, 1990-2023 годы

В процентах

Период	Темпы прироста импорта	Темпы прироста экспорта
1990 – 1995 годы	8,80	8,83
1995 – 2000 годы	15,66	14,14
2000 – 2005 годы	11,10	13,91
2005 – 2010 годы	-1,62	-5,01
2010 – 2015 годы	1,22	2,20
2015 – 2020 годы	-2,03	-2,10
2020 – 2023 годы	- 1,58	1,81

Источник: составлено автором на основе данных [235].

Таблица А.5 – Соотношение экспорта и импорта нефтепродуктов в Африке, 1990-2023 годы

В тераджоулях

Год	Импорт	Экспорт	Соотношение экспорта и импорта
1990	579956	1429541	2,465
1995	708700	1610746	2,273
2000	1438417	1988269	1,382
2005	1777464	2030514	1,142
2010	3301208	1670701	0,506
2015	4710904	1634108	0,347
2020	4609621	1550921	0,336
2023	4680805	1594112	0,340

Источник: составлено автором на основе данных [235].

Таблица А.6 – Темпы прироста экспорта и импорта сырой нефти в Африке, 1990-2023 годы

В процентах

Период	Темпы прироста импорта	Темпы прироста экспорта
1990 – 1995 годы	22,20	12,68
1995 – 2000 годы	50,73	18,99
2000 – 2005 годы	23,57	2,12
2005 – 2010 годы	85,73	-17,72
2010 – 2015 годы	42,70	-2,19
2015 – 2020 годы	-2,15	-5,09
2020 – 2023 годы	1,54	2,78

Источник: составлено автором на основе данных [235].

Таблица А.7 – Динамика спроса на нефть и нефтепродукты в Африке по странам, 2014-2023 годы

Страна	В процентах		
	Прирост спроса на нефть и нефтепродукты	Относительный прирост спроса на нефть и нефтепродукты	Доля в спроса на нефть и нефтепродукты в макрорегионе на 2023 г.
Египет	-35,54	-3,96	19,79
Южная Африка	-15,49	-2,43	14,68
Нигерия	121,71	30,73	12,17
Алжир	41,60	10,68	9,85
Ливия	-29,72	-13,37	4,31
Ангола	4,69	3,19	3,38
Тунис	-1,05	-1,12	2,17
Габон	1,44	3,27	1,09
Конго	0,19	2,60	0,17
Экваториальная Гвинея	-2,30	-31,66	0,12
Другие	339,50	29,99	33,4

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.8 – Ежегодный прирост экспорта нефти и нефтепродуктов в Африке, 2014-2023 годы

Год	В процентах
	Величина прироста
2015	1,01
2016	-6,48
2017	6,45
2018	2,93
2019	0,63
2020	-17,920
2021	5,05
2022	-8,35
2023	3,92

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.9 – Динамика экспорта нефти и нефтепродуктов в Африке по странам, 2014-2023 годы

Страна	Прирост экспорта нефти и нефтепродуктов, в тыс. баррелей в сутки	Относительный прирост экспорта нефти и нефтепродуктов, в процентах	Доля в экспорте нефти и нефтепродуктов в макрорегионе на 2023 г., в процентах
Нигерия	-731,81	-34,52	28,68
Ангола	-522,99	-32,53	22,41
Ливия	590,43	179,24	19,00
Алжир	-146,04	-23,44	9,85
Конго	-18,08	-6,93	5,02
Габон	-22,52	-10,86	3,82
Судан	-51,59	-30,71	2,40
Экваториальная Гвинея	-115,95	-58,96	1,67
Египет	-46,00	-39,29	1,47
Другие	24,76	9,89	5,68

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.10 – Ежегодный прирост импорта нефти и нефтепродуктов в Африку, 2014-2023 годы

В процентах

Год	Величина прироста
2015	3,57
2016	-2,17
2017	-1,17
2018	0,60
2019	1,21
2020	-5,53
2021	-2,19
2022	-2,24
2023	-3,13

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.11 – Динамика импорта нефти и нефтепродуктов в Африку по странам, 2014-2023 годы

Страна	Прирост импорта нефти и нефтепродуктов, в тыс. баррелей в сутки	Относительный прирост импорта нефти и нефтепродуктов, в процентах	Доля в импорте нефти и нефтепродуктов в макрорегионе на 2023 г., в процентах
1	2	3	4
Нигерия	86,29	19,71	21,6
Марокко	124,74	66,88	13,3

Продолжение таблицы А.11

1	2	3	4
Египет	-1,50	-0,83	7,9
Ливия	14,48	12,75	5,2
Тунис	6,17	9,09	3,26
Ангола	-31,95	-32,34	2,88
Алжир	-44,46	-80,23	0,42
Габон	-0,23	-4,24	0,24
Экваториальная Гвинея	-2,67	-36,87	0,21
Конго	-0,58	-75,89	0,02
Другие	-8,945	-0,86	44,1

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.12 – Прирост объема запасов сырой нефти в Африке, 2014-2023 годы

В процентах

Год	Прирост
2015	0,48
2016	0,23
2017	-0,93
2018	-1,42
2019	-1,38
2020	-0,53
2021	-3,52
2022	-0,04
2023	-0,03

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.13 – Динамика запасов нефти в Африке по странам

Страна	Прирост запасов, в млн баррелей	Относительный прирост запасов, в процентах	Доля в запасах макрорегиона на 2023 г., в процентах
Ливия	0	0,00	40,44
Нигерия	-481	-1,28	31,35
Алжир	0	0	10,2
Судан	0	0,00	4,20
Египет	-381	-10,35	2,77
Ангола	-5873	-69,73	2,14
Габон	0	0,00	1,67
Конго	-1056	-36,83	1,51
Экваториальная Гвинея	0	0,00	0,93
Другие	-1110,89	-16,17	4,82

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.14 – Ежегодный прирост добычи сырой нефти в Африке, 2014-2023 годы

В процентах

Год	Прирост
2015	-0,51
2016	-7,14
2017	5,27
2018	1,23
2019	2,69
2020	-17,88
2021	5,83
2022	-5,51
2023	2,91

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.15 – Динамика добычи сырой нефти в Африке по странам, 2014-2023 годы

Страна	Прирост добычи, в тыс. баррелей в сутки	Относительный прирост добычи, в процентах	Доля в добыче макрорегиона на 2023г, в процентах
Нигерия	-669,13	-37,03	19,44
Ангола	-516,98	-31,26	19,46
Алжир	-172,58	-14,47	17,33
Ливия	501,38	104,48	16,88
Конго	20,15	8,34	4,41
Судан	-80,14	-28,06	3,45
Габон	-24,37	-11,34	3,29
Чад	-16,42	-15,85	1,51
Экваториальная Гвинея	-120,20	-59,65	1,39
Камерун	-13,38	-17,93	1,07
Египет	-121,99	-21,26	7,76
Другие	-24,59	-19,65	1,67

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.16 – Ежегодный прирост мощности НПЗ в Африке, 2014-2023 годы

В процентах

Год	Прирост
2015	-0,03
2016	-2,59
2017	0
2018	0,17
2019	3,74
2020	0,97
2021	-3,58
2022	-3,64
2023	21,66

Источник: составлено автором на основе данных [234].

Таблица А.17 – Динамика мощностей НПЗ в Африке по странам, 2014-2023 годы

Страна	Прирост мощностей НПЗ, в тыс. баррелей в сутки	Относительный прирост мощностей НПЗ, в процентах	Доля в мощностях НПЗ макрорегиона на 2023 г., в процентах
Египет	100	13,65	21,60
Алжир	26	3,99	18,21
Ливия	0	0,00	16,74
Нигерия	59,5	14,86	21,43
Южная Африка	-310	-59,62	6,21
Ангола	0	0,00	2,37
Габон	0	0,00	0,74
Конго	0	0,00	0,62
Другие	-36,346	-7,99	12,08

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.18 – Ежегодный прирост производства НПЗ в Африке, 2014-2023 годы

В процентах

Год	Прирост
2015	-3,75
2016	-3,91
2017	2,24
2018	1,70
2019	-0,35
2020	-6,52
2021	-1,76
2022	2,92
2023	0,24

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.19 – Динамика производства НПЗ в Африке по странам, 2014-2023 годы

Страна	Прирост производства на НПЗ в тыс. баррелей в сутки	Относительный прирост производства на НПЗ, в процентах	Доля в производстве продукции на НПЗ в макрорегионе на 2023 г., в процентах
1	2	3	4
Алжир	40,571807	6,457565	32,09381
Египет	108,83334	21,17037	29,88953
Южная Африка	-170,1663	-33,9013	15,91988
Ливия	47,228318	48,94325	6,896355
Ангола	12,305833	38,86053	2,109941
Габон	0,441716	2,290569	0,946508

Продолжение таблицы А.19

1	2	3	4
Конго	0,7294417	4,229179	0,862607
Нигерия	-54,23844	-91,8544	0,23079
Другие	-202,9015	-46,8376	11,05056

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.20 – Ежегодный прирост спроса на нефть и нефтепродукты в мире, 2014-2023 годы

В процентах

Год	Прирост
2015	2,16
2016	1,72
2017	1,89
2018	1,28
2019	1,08
2020	-9,06
2021	6,45
2022	2,56
2023	1,92

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.21 – Корреляция глобального тренда и спроса на отдельные категории нефти и нефтепродуктов, 2014-2023 годы

Продукт	Бензин	Керосин	Дистилляты	Отходы производства	Нефть и прочие
Степень корреляции	0,983963	0,598445	0,899787	0,203336	0,616614

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.22 – Динамика товарной структуры глобального спроса на нефть и нефтепродукты, 2014-2023 годы

В процентах

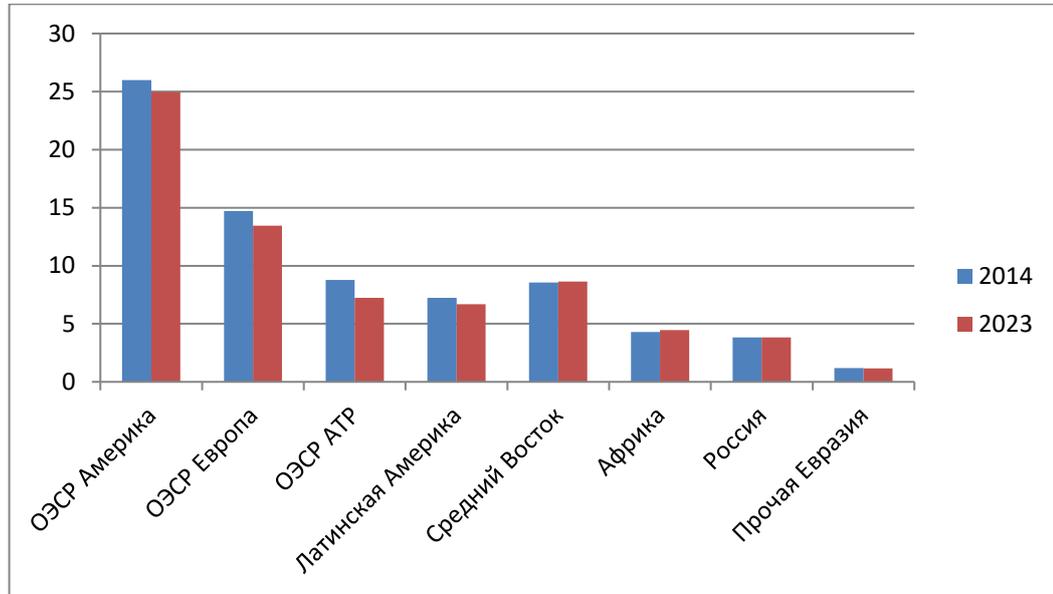
Год	Бензин	Керосин	Дистилляты	Отходы производства	Нефть и прочие
2014	25,96	7,13	29,78	7,60	29,51
2015	26,36	7,30	29,41	7,17	29,74
2016	26,44	7,50	28,66	7,15	30,22
2017	26,59	7,62	28,52	6,96	30,28
2018	26,53	7,77	28,48	6,78	30,41
2019	26,37	7,91	28,33	6,56	30,81
2020	26,05	5,26	29,02	6,58	33,07
2021	26,38	5,61	28,76	6,59	32,63
2022	26,10	6,21	28,80	6,67	32,19
2023	26,82	7,21	28,99	6,58	32,61

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.23 – Корреляция глобального и макрорегионального трендов спроса на нефть и нефтепродукты, 2014-2023 годы

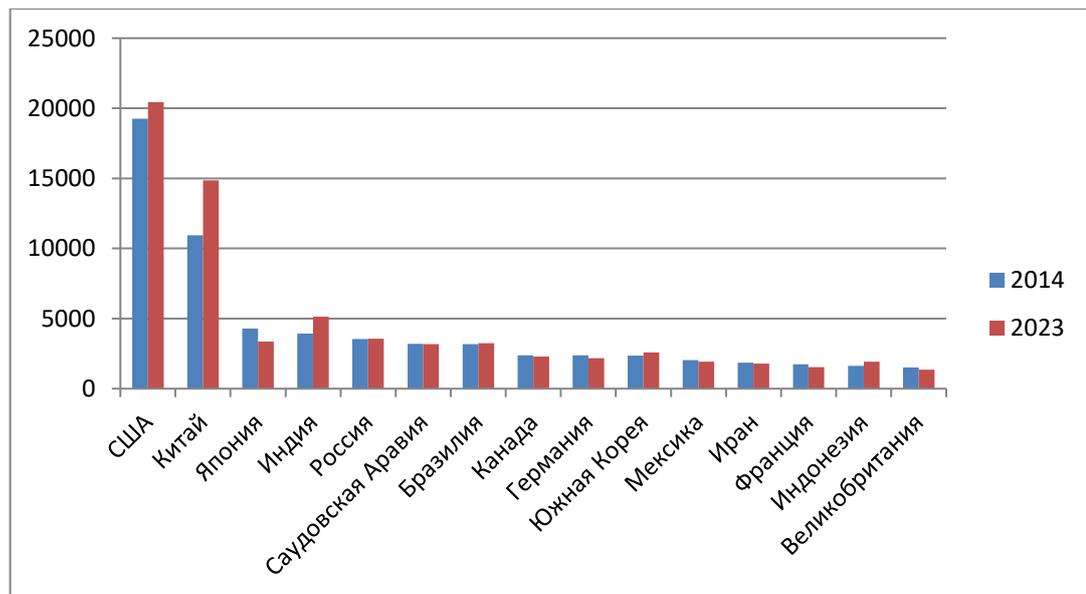
ОЭСР Америка	ОЭСР Европа	ОЭСР АТР	Латинская Америка	Средний Восток	Африка	Россия	Прочая Евразия
0,892465	0,633682	0,14882	0,395549	0,729604	0,916838	0,59404	0,853756

Источник: составлено автором на основе данных [231].



Источник: составлено автором на основе данных [231].

Рисунок А.1 – Динамика мирового спроса на нефть и нефтепродукты по макрорегионам (тыс. баррелей в сутки), 2014-2023 годы



Источник: составлено автором на основе данных [231].

Рисунок А.2 – Динамика спроса на нефть и нефтепродукты среди 15 государств-лидеров (тыс. баррелей в сутки), 2014-2023 годы

Таблица А.24 – Страны мира с положительным показателем темпов прироста спроса на нефть и нефтепродукты, 2014-2023 годы

Страна	Темпы прироста	В процентах	
Филиппины	146,93	Хорватия	115,55
Польша	144,41	Малайзия	115,49
Туркменистан	143,70	Чили	113,75
Катар	141,53	Алжир	110,68
Китай	135,81	Азербайджан	110,44
Болгария	134,06	Южная Корея	109,98
Турция	133,57	Казахстан	109,80
ОАЭ	133,08	Таиланд	109,5
Нигерия	130,72	Пакистан	108,53
Индия	130,43	Белоруссия	108,03
Вьетнам	123,18	Испания	107,23
Ирак	121,66	США	106,07
Румыния	120,44	Габон	103,26
Колумбия	120,02	Ангола	103,18
Сербия	119,91	Конго	102,60
Кувейт	119,89	Бразилия	102,10
Индонезия	117,56	Новая Зеландия	101,65
Сингапур	117,19	Аргентина	100,54
		Россия	100,34

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.25 – Страны мира с отрицательным показателем темпов прироста объема доказанных запасов сырой нефти, 2014-2023 годы

Страна	Темпы прироста	В процентах	
Саудовская Аравия	98,96065	Мексика	93,91461
Тунис	98,88461	Германия	91,43027
Бельгия	98,69437	Великобритания	89,48774
Южная Африка	97,57264	Сирия	88,46395
Иран	97,15433	Франция	87,93494
Италия	96,56979	Ливия	86,62589
Египет	96,03958	Эквадор	86,41542
Австралия	95,65456	Япония	78,573
Канада	95,54566	Украина	70,91238
Нидерланды	94,56571	Экваториальная Гвинея	68,33857
		Венесуэла	36,18604

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.26 – Ежегодный прирост импорта нефти и нефтепродуктов в глобальных масштабах

В процентах

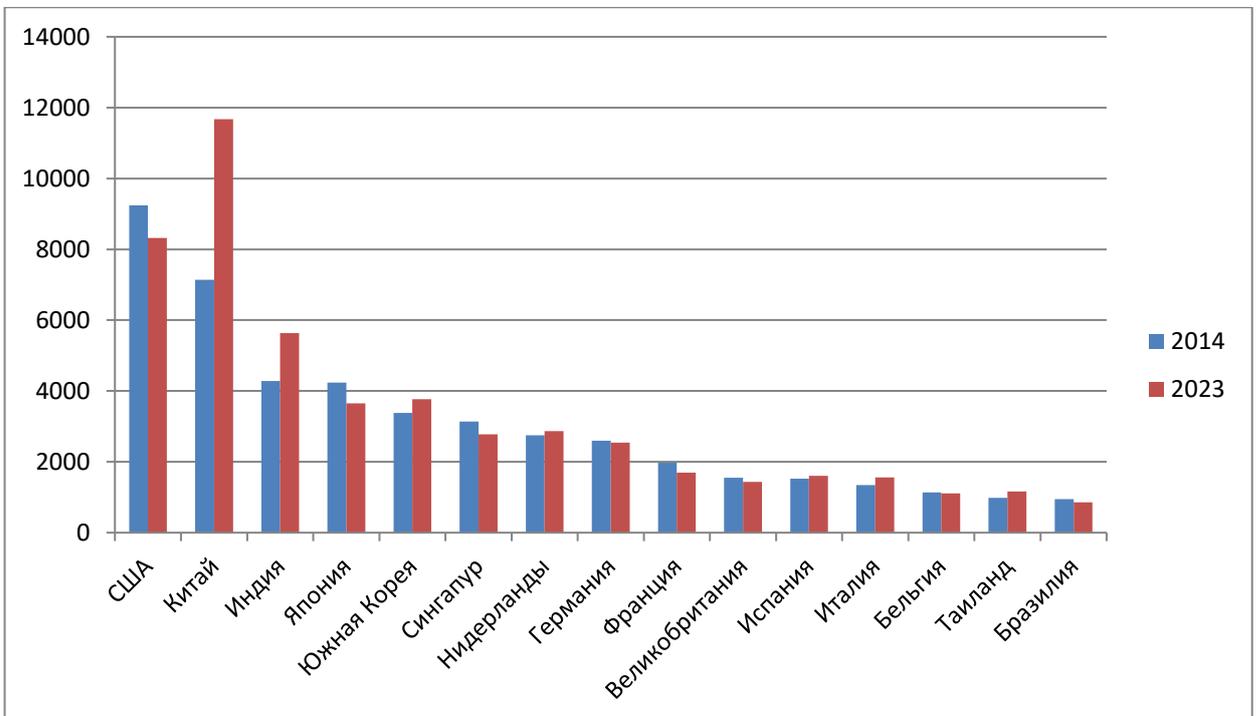
Год	Прирост
2015	5
2016	3,82
2017	3,93
2018	1,18
2019	-1,11
2020	-8,91
2021	1,84
2022	3,04
2023	-2,78

Источник: составлено автором на основе статистических данных рынка нефти [231].

Таблица А.27 – Корреляция глобального и макрорегионального трендов динамики импорта нефти и нефтепродуктов, 2014-2023 годы

ОЭСР Америка	ОЭСР Европа	ОЭСР АТР	Латинская Америка	Средний Восток	Африка	Россия	Прочая Евразия
0,512767	0,643734	0,546577	0,495981	-0,06451	-0,50961	-0,33157	0,833991

Источник: составлено автором на основе данных [231].



Источник: составлено автором на основе данных [231].

Рисунок А.3 – Динамика объема импорта нефти и нефтепродуктов в 15 странах-лидерах, 2014-2023 годы

Таблица А.28 – Страны мира с положительным показателем темпов прироста импорта нефти и нефтепродуктов, 2014-2023 годы

Страна	Темпы прироста	В процентах	
		Страна	Темпы прироста
Иран	228,05	Эквадор	116,89
Мексика	166,91	Италия	116,15
Китай	163,61	Ирак	114,31
Малайзия	152,81	Украина	114,12
Хорватия	143,06	Ливия	112,71
Болгария	138,07	Египет	111,74
Румыния	132,8	Южная Корея	111,37
Турция	132,66	Австралия	108,92
Индия	131,75	Греция	108,08
Филиппины	127,28	Канада	106,90
Нигерия	119,67	Марокко	106,79
Индонезия	119,48	Испания	105,70
Таиланд	118,14	Нидерланды	104,08
ОАЭ	117,37	Тунис	101,26

Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.29 – Страны мира с отрицательным показателем темпов прироста импорта нефти и нефтепродуктов, 2014-2023 годы

Страна	Темпы прироста импорта	В процентах	
		Страна	Темпы прироста импорта
Германия	97,97		
Бельгия	97,55		
Бахрейн	97,37		
Габон	95,84		
Швеция	94,26		
Великобритания	92,58		
Бразилия	90,84		
США	90,01		
Сингапур	88,50		
Япония	86,06		
Франция	85,97		
Венесуэла	79,74		
Саудовская Аравия	77,44		
Ангола	67,74		
Экваториальная Гвинея	63,26		
Белоруссия	62,44		
Южная Африка	52,61		
Россия	29,71		
Конго	24,21		
Алжир	17,58		
Катар	0		

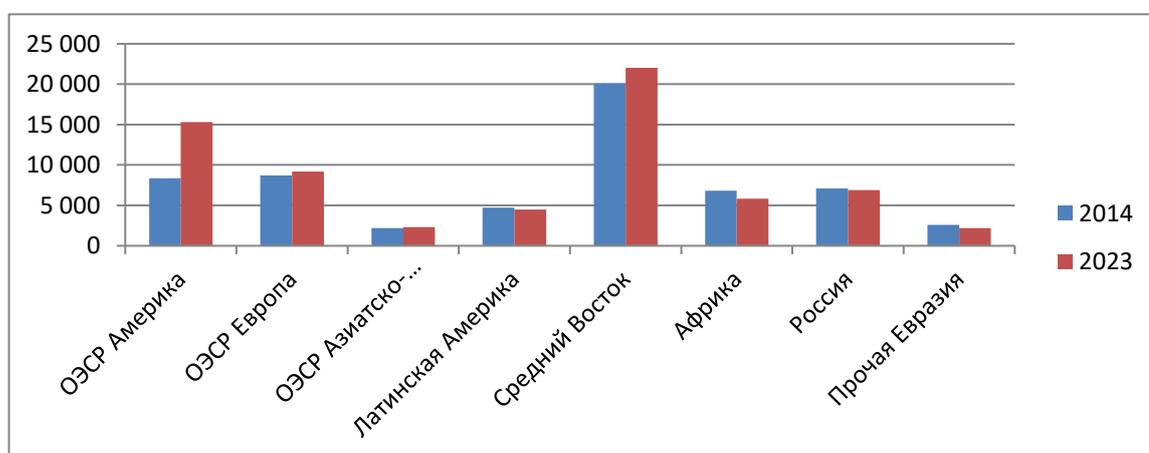
Источник: составлено автором на основе данных [231].

Таблица А.30 – Ежегодный прирост экспорта нефти и нефтепродуктов в глобальных масштабах

В процентах

Год	Прирост
2015	4,67
2016	5,97
2017	1,85
2018	2,55
2019	-2,50
2020	-7,54
2021	0,77
2022	4,97
2023	0,79

Источник: составлено автором на основе данных [234].



Источник: составлено автором на основе данных [231].

Рисунок А.4 – Динамика экспорта нефти и нефтепродуктов, 2014-2023 годы

Таблица А.31 – Страны мира с отрицательным показателем темпов прироста экспорта нефти и нефтепродуктов, 2014-2023 годы

В процентах

Страна	Прирост
Россия	99,4
Бельгия	98,0
Индия	95,5
Кувейт	94,3
Великобритания	94,2
Испания	93,2
Конго	92,4
Габон	89,3
Эквадор	86,6
Мексика	85,2
Катар	84,3
Сингапур	84,1
Алжир	81,8
Иран	81,3
Египет	74,3
Франция	71,9
Колумбия	68,6
Ангола	67,6
Судан	66,5
Азербайджан	64,6
Нигерия	64,0
Тринидад и Тобаго	60,1
Экваториальная Гвинея	41,0

Источник: составлено автором на основе данных [231].